

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2024 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 12.08.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

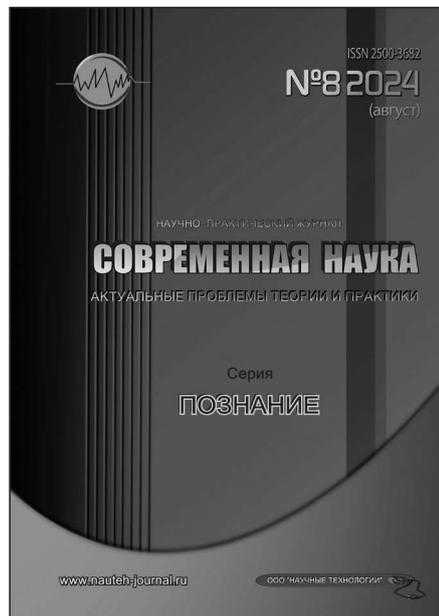
Серия: Познание №8 (август) 2024 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

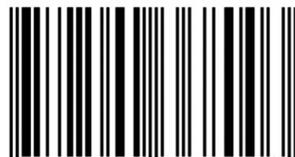
Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Астафьева Т.В., Евсеева Е.Ю.** – Трансфер новых технологий в художественное пространство балетного искусства
Astafyeva T., Evseeva E. – Introducing new technologies into artistic environment of the ballet art..... 5
- Лю Чжи, Чжан Яо** – Исследование трансформации языка национального традиционного искусства орочен в формах современного искусства
Liu Zhi, Zhang Yao – Research of the transformation of the language of national traditional art Orocen in the forms of modern art..... 11
- Сунь Линсяо** – Жанровая и художественная специфика творчества художников-передвижников
Sun Lingxiao – Genre and artistic specificitic features of peredvizhnik's creativity..... 15
- Чжао Хуэйцин** – Влияние китайской культуры и общественных традиций на русское научное мышление в XIX - начале XX веков
Zhao Huiqing – The influence of Chinese culture and social traditions on Russian scientific thinking in the 19th - early 20th centuries..... 19
- Юань Сюйпэн** – Сравнительное исследование китайского и русского декоративно-прикладного искусства
Yuan Xupeng – Comparative study of Chinese and Russian decorative and applied arts 24

Психология

- Бузыкина Ю.С.** – Изучение социально-психологических характеристик и возможностей их коррекции у студентов
Buzykina Yu. – The study of socio-psychological characteristics and the possibilities of their correction in students 27

- Кузнецова И.И.** – Исследование взаимосвязи соционических признаков и моделей ценностей по М. Рокичу и Ш. Шварцу
Kuznetsova I. – Research of socionic characteristics "prudence - decision" 32
- Латынов В.В.** – Психология аттитюдов: обзор современных зарубежных исследований
Latynov V. – Psychology of attitudes: review of modern foreign studies 45
- Павлов О.В.** – Влияние биологии на понимание искусства и власти в Древнем Риме: роль дофамина и новизны
Pavlov O. – The influence of biology on the understanding of art and power in Ancient Rome: the role of dopamine and novelty 50
- Радова А.С.** – Проблемы психологической адаптации детей-беженцев: российский и зарубежный опыт
Radova A. – Problems of psychological adaptation of refugee children: Russian and foreign experience..... 54
- Тимощенко А.С.** – Понимание критических ситуаций в различных подходах
Timoshchenko A. – Understanding critical situations in different approaches..... 59
- Юсеф Инад Замиль Аль-Аиди, Альвади Марьям Неамах Джудах** – Роль физкультурно-оздоровительной деятельности в психологической и социальной адаптации слабовидящих школьников
Yousef Inad Zamil Al-Aidi, Alawadi Maryam Neamah Judah – The role of physical education and recreation activities in the psychological and social adaptation of visually impaired schoolchildren..... 64

Философия

- Александрова О.С.** – Метафизические основания памяти как фактор коммуникации науки и теологии в контексте богословской онтологии и космологии А.В. Нестерука

Alexandrova O. – Metaphysical foundations of memory as a factor in the communication of science and theology in the context of theological ontology and cosmology of A.V. Nesteruk 70

Баксанский О.Е. – Digital humanities и конвергентный подход
Vaksansky O. – Digital humanities and a convergent approach 81

Рыбант И.В. – Становление духовной миссии женщины в раннехристианской церкви (I-VI вв.) в Европе
Rybant I. – The formation of the spiritual mission of women in the early Christian church (I-VI centuries) in Europe 84

Скляр Д.С. – Элементы методологии наблюдения в социальных науках
Sklyarov D. – Elements of the methodology of observation in the social sciences. 89

Скопа В.А., Фролов А.С., Щербакова С.В. – Исторические типы социальности и феномен маргинализации в контексте системного кризиса техногенно-капиталистической цивилизации
Skopa V., Frolov A., Shcherbakova S. – Historical types of sociality and the phenomenon of marginalization in the context of the systemic crisis of technogenic-capitalist civilization 92

Информация

Наши авторы. Our Authors. 97

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 98

ТРАНСФЕР НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО БАЛЕТНОГО ИСКУССТВА

INTRODUCING NEW TECHNOLOGIES INTO ARTISTIC ENVIRONMENT OF THE BALLET ART

*T. Astafyeva
E. Evseeva*

Summary: The paper reviews how new technologies affect the experimental staging development on the one hand and the ballet art traditions conservation on the other. The Russian choreographic school and classical ballet traditions are highly valued and appreciated all over the world. Also, with disbalance between their artistic and technical components, multimedia effects shift the audience's attention from spiritual and ethic value to the wow-effects and limit the viewers' own perception of choreographic performance integrity. Employing technologies in ballet theatricals may cause controversial considerations about their influence on the artistic processes but they do favour the staging practice advancement, educational and cultural projects realization, the audience enlargement, and the Russian classical dance heritage exploration.

Keywords: ballet art, choreography, computer and multimedia technologies, modern theatre.

Астафьева Татьяна Владимировна

кандидат искусствоведения, доцент,
Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н.А. Римского-Корсакова
tatyanaastaf@mail.ru

Евсеева Елена Юрьевна

народная артистка Удмуртской республики,
преподаватель, Санкт-Петербургская государственная
консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния трансфера новых технологий на развитие постановочной деятельности, с сохранением традиций балетного искусства. Русская школа и традиции классического балета высоко ценятся во всем мире. Эффекты мультимедиа, при избытке технических средств выразительности, переориентируют внимание театральной публики с духовно-нравственной основы искусства на вау-эффект, ограничивают самостоятельность зрительского восприятия целостности хореографического произведения. Трансфер технологий в пространство балетного искусства, при неоднозначности влияния на художественные процессы, является инновацией постановочной деятельности, способствует развитию культурно-образовательных программ, изучению наследия классического танца русской школы, увеличению зрительской аудитории.

Ключевые слова: балетное искусство; хореография; компьютерные и мультимедийные технологии; современный театр.

Научно-техническая революция на рубеже XX-XXI вв. способствовала внедрению инноваций во все области деятельности человека, в том числе в театр. Театральное искусство – синтез драмы, музыки, хореографии и сценографии, в условиях трансфера компьютерных и мультимедийных технологий подвергается экспериментальному формообразованию. Современные постановщики, создавая инновационные формы спектаклей, переориентированы на принципиально иной подход к созданию художественного пространства, далекий от традиционного культурно-цивилизационного опыта человека в обозримом периоде истории.

Феномен танца, как телесная коммуникативная практика занимает особое место в синтезе театральных искусств. От истоков человеческой цивилизации до наших дней это культурное явление в своей основе сохранило «человеческое тело», не подвергнувшись экспансии интеграционных процессов. Длительный период в балетном искусстве поддерживалась тенденция противостояния «новациям». В начале XX в., после ухода великого Пети́па с петербургской сцены, наступило время перемен. А. А. Соколов-Каминский пишет: «Фокин и Горский противопоставляли свои опыты сложившейся практике

балета. Господству классического танца был положен конец. Предлагалось искать новые формы пластики, каждый раз иные, соотносясь с темой спектакля и воплощаемой эпохой. Провозглашалась необходимость многообразия жанров. На смену многоактным обстоятельным спектаклям пришли преимущественно камерные, одноактные.

Эксперименты в балетном театре обостряли споры о путях развития танцевального искусства, но далеко не всегда рождавшееся новое становилось гарантом устойчивого успеха. Погоня за новизной, нередко скандальной, стала основой программы Сергея Дягилева и его русских сезонов. Они всколыхнули мир, впервые вызвали жгучий интерес к нашему отечественному искусству, который вскоре превратился в моду на все русское, даже одежду и фамилии. Балет потряс зарубежных зрителей как искусство живое и современное (при том, что их собственное искусство в этой сфере деградировало, утратило лидирующие позиции, переродилось в жанр чисто развлекательный, лишенный значительно содержания). Благодаря начинанию Дягилева интерес к угасающему за рубежом балету вспыхнул с новой силой» [7, с. 46].

Важная роль в сохранении классического наследия принадлежит Ф.В. Лопухову. Исполнительская культура танца, опыт передаваемый «из ноги в ногу» и методика русской школы балета, приумножены в трудах А.Я. Вагановой. Новый подход к классике предложил Ю.Н. Григорович, возглавивший балет Большого театра в течение почти тридцати лет (1964-1995). «Реставрационно-редакторская» работа с классическим наследием потребовала новые приемы сохранения исполнительского мастерства. Как отмечает А.А. Соколов-Каминский: «оригинал к моменту возобновления меняется, что-то в нем неизбежно утрачено. Ход времени отзывается в искусстве: меняется и само искусство, и те, кто его реализует, и даже зрители, сидящие в зале. А им, зрителям, происходящее на сцене должно быть интересно, затрагивать душу. Такова природа театра: вне этих связей театральное искусство не существует» [7, с. 56-57]. Необходимость «осовременить спектакль» с помощью новых постановочных приемов с начала XX в. стала задачей.

Идея трансфера технологий в практику хореографии для создания способов фиксации движений танца всегда занимала режиссеров-балетмейстеров, инженеров и художников. Возможность документирования хореографического текста посредством анимированных фигур вдохновила еще первых киноэнтузиастов XIX в., задумавших фильмы, в которых актерами будут не люди, а рисунки и куклы. Так, в 1898 г. британский режиссер Джеймс Стюарт Блэтон создал анимационный фильм «Цирк лилипутов», его героями стали анимированные деревянные куклы. А в России пионером-мультипликатором, стал балетмейстер Мариинского театра в Санкт-Петербурге А.В. Ширяев – знаток классического наследия. В Дирекции Императорских театров съемки балерин на сцене были строго запрещены. Поэтому у балетмейстера возникла идея снимать подготовку к репетициям необычным способом: балетмейстер детально продумывал спектакли, создавая декорации из картона и танцовщиц-кукол. В 1906 г. он сконструировал небольшой макет сцены, с театральным освещением, и «оживлял» миниатюрных механических кукол-балерин. Моделирование спектаклей в эстетике «театрального макета» позволяли балетмейстеру-постановщику прорабатывать хореографию и важные детали художественного оформления до начала репетиций. В дальнейшем Ширяев усовершенствовал процесс моделирования и стал анимировать рисунки фигур балерин, вырезая их из бумаги, создавая «раскадровку движений» из множества композиционных фигур. Свои мультфильмы балетмейстер показывал коллегам для пояснения замысла постановок. Долгие десятилетия практика художественной анимации кукол А.В. Ширяева не применялась. Лишь в 1995 г. исследователь истории кино В. Бочаров нашел в архивах записи этих кукольных балетов и выпустил фильм «Запоздавшая премьера» с фрагментами работ

А.В. Ширяева [10].

Динамичным способом развития новых форм балетной постановки стали кинотехнологии. Отдельные хореографические номера, снятые в студийных павильонах появились на советском телевидении еще 40-х годах XX в. Позже начались трансляции балетных спектаклей из ведущих театров страны. К середине XX в. на отечественном телевидении сложилось особое направление кинематографического искусства – жанр «фильм-балет», комбинирующий художественные средства театра, кино и телевидения. При этом, огромное пространство театральной сцены транслировалось на телевизионный экран, показывающий телезрителям и пластику танца, и внутренние переживания героев. В отличие от экранизации балета, представляющей собой фиксацию сценической постановки, фильм-балет является оригинальной кинорежиссерской работой, осуществленной павильонными или натурными съемками с применением различных кинооператорских техник, приемов монтажа, в т.ч. с возможным участием драматических актеров. Известные балетные постановки Большого театра в Москве и Ленинградского Театра имени С. М. Кирова были сняты на киноленту для демонстрации спектаклей по телевидению и в кинотеатрах [2].

Первый телевизионный балет, «Граф Нулин» Б.В. Асафьева по одноименной поэме А.С. Пушкина, был создан на Центральном телевидении в 1959 г. балетмейстером В.А. Варковицким. Создатели телевизионного спектакля стремились не подражать театральной постановке: танцевальные эпизоды чередовались с игровыми; съемки на натуре, введение панорамы пейзажей, частая смена ракурсов приближали постановку Варковицкого к игровому художественному фильму. Многие приемы, использованные в постановке «Граф Нулин», в дальнейшем не стали ни обязательными, ни характерными для жанра телебалета; иначе трактовали его специфику Н.И. Рыженко и В.В. Смирнов-Голованов, создавшие ряд телевизионных балетов в середине 70-х годов XX в.

Классикой жанра стали поставленные режиссером А.А. Белинским в содружестве с балетмейстером Д.А. Брянцевым телевизионные балеты: «Галатее», по мотивам пьесы Б. Шоу «Пигмалион» (музыкальную основу составили вариации Т. Когана на темы мюзикла Ф. Лоу «Моя прекрасная леди») и «Старое танго». Именно эти постановки принесли жанру телебалета большую популярность у зрителей. Отказавшись от зрелищных эффектов, Белинский и Брянцев утверждали приоритет хореографии, которая в их постановках носила не условно-абстрактный, а жанрово-бытовой характер. Специфику они увидели в новом, необычном для театрального балета обыгрывании пространства, в возможности обогащения хореографического рисунка роли множеством мелких движений, бесполезных в театре, но хо-

рошо смотрящихся на телевизионном экране. Игровая стихия телебалетов Белинского и Брянцева позволила по-новому раскрыться артистам балета, в том числе Екатерине Максимовой, впервые обратившейся в них к гротесковому языку современного танца. Эти же принципы свое дальнейшее развитие, получили в поставленном А.А. Белинским совместно с В.В. Васильевым в телебалете «Анюта» на музыку В.А. Гаврилина. Балет был создан специально для телевизионной постановки и лишь через четыре года Васильев перенес его на театральную сцену. В «Анюте» специфику телебалета Белинский и Васильев обнаруживали в сближении его с драматическим телеспектаклем; то, что невозможно было передать через танец, здесь решалось средствами пантомимы и актерской игры. Те же приемы по-разному воплощались и в других телевизионных балетах Белинского: в «Доме у дороги» (балетмейстер В.В. Васильев, 1984 г.) и «Женитьбе Бальзамина» (балетмейстер О.Т. Тимуршин, 1989 г.) на музыку В.А. Гаврилина и поставленной вместе с Г.М. Абайдуловым «Чапелиниане» на музыку Ч. Чаплина (1987 г.). В жанре телевизионной хореографической миниатюры был снят «Гамлет» Б.Е. Барановского (1981 г.). К жанру драматического телевизионного спектакля, к психологическому театру приближался балет «Размышление на тему. Гамлет» поставленный на музыку Д.Д. Шостаковича в творческом объединении «Телетеатр». С.В. Воскресенской и С.В. Конончуком (1991 г.). В конце XX в. жанр телебалета «угас», однако, запечатленные произведения являются историческим кинодокументом хореографического искусства. К концу XX в. индустрия кино и телевидения претерпела значительные изменения, вызванные развитием цифровых технологий, появилась возможность онлайн трансляций спектаклей мирового театра. В результате слияния телевидения, театра, кино, Интернета возникли «гибридные жанры», в которых устойчивые признаки классических телевизионных жанров соединяются с мультимедийным контентом и рекламой.

С начала XXI в. российские и зарубежные постановщики активно экспериментируют с инновационной формой постановки, используя аппаратные и программные средства мультимедиа. Преимуществом коммуникативного ресурса мультимедийных технологий является возможность ознакомления широкой зрительской аудитории с образцами балетного искусства и творческими биографиями выдающихся танцовщиков в сети Интернет, на конкретной медиа платформе, исходя из познавательных потребностей и культурно-просветительских задач.

Современный зритель может увидеть интернет-контент «Гостелерадиофонда», телебалеты: «Московская фантазия» (1971 г.); балетные сцены «Вальпургиева ночь» из оперы Ш. Гуно «Фауст» (1971 г.); фильмы-балеты: «Анна Каренина» (1974 г.); «Штраузиана» (Музыкальный театр имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко.

1975 г.); «Жизель» (1975 г.); «Принц и Золушка» (1975 г.); «Галатее» (1977 г.); «Жар-птица» (Ленинградский театр имени С. М. Кирова. 1970 г.); «Кармен-сюита» (1978 г.); «Лесная сказка» (1980 г.); «Павана Мавра» (1985 г.); балеты «Синие розы для балерины» и «Мимолетности» в постановке «Московского классического балета» (1985 г.); «Размышления» (Ленинградский Малый театр оперы и балета. 1986 г.); «Шекспериана» Сюжеты трагедий У. Шекспира «Отелло», «Гамлет» и «Ромео и Джульетта» в танце (1988 г.); «Конек Горбунок» (Ленинградский театр имени С. М. Кирова. 1991 г.); «Лебединое озеро» (Большой театр. 1993 г.) и мн. др. балетные постановки.

Сегодня, при стремительном проникновении инноваций в художественные и технологические процессы создания сценических произведений, театральные постановщики нередко оптимизируют проекты спектаклей при помощи искусственного интеллекта. Постановки современных зрелищ, с использованием цифровых интеллектуальных систем, выявили коммуникативную функцию мультимедиа как связующего звена между художественным пространством спектакля, осуществленного в «докомпьютерную эпоху» и новым зрителем.

Идея создания инструмента «гибридного танца» с нестандартными сочинениями принадлежит американскому хореографу Жанне Биман, которая предполагала, что случайно сгенерированные компьютерной программой последовательности могли бы стать для постановщиков катализатором хореографических постановочных идей. По мнению О.В. Грызуновой и Ю.Н. Петухова, благодаря компьютеру: «возрастает роль случайности во всех произведениях искусства, включая хореографию и искусство полностью теряет зависимость от человека и от его выбора, т.е. освобождается от ограничений, накладываемых на него человеческой индивидуальностью» [3, с. 9, 10]. Исходя из задач хореографа, впоследствии компьютерные специалисты смогли создать программу «электронной нотации», в которой схематичные изображения человеческих фигур являлись «клавиатурой» для сочинения хореографического текста. О.В. Грызунова и Ю.Н. Петухов делают вывод: «Таким образом, инженеры и хореографы 1960-1990-х наметили несколько направлений для использования компьютеров в сфере сочинения хореографии:

Делегирование компьютерам навыков самостоятельного сочинения хореографии, создание «машинных танцев» без творческого участия человека;

Использование компьютерных технологий как средства стимуляции человеческого воображения для создания новых хореографических форм и новых моделей хореографического мышления;

Разработка программного обеспечения для сочинения и фиксации хореографии на компьютерных носителях» [3, с. 14].

В результате, интеграция процессов сочинительства хореографа и компьютерных алгоритмов привнесла в балетную постановочную практику новый вектор проектной деятельности, востребованной в области шоу-индустрии. Цифровые программы, генерирующие взаимосвязи между хореографией, музыкой, сценографией и театральным освещением также могут быть применимы в программах обучения постановочному ремеслу, в интерактивных уроках и компьютерных играх.

Сегодня распространены такие новые направления в хореографическом компьютерном творчестве, как «видеоданс» или «скринданс», использующим электронный редактор для изменения внешнего вида тела танцовщика и фоновых изображений различных пространств, эстетические свойства которых избираются автором на интуитивном уровне, не ставя задач концептуальной целостности. Из описания М.С. Новашинной следует: «Скринданс – это гибридная форма, действующая на пересечении кино, перформанса, танца и визуальных искусств. В монтаже используются пространственно-временной континуум, скорость, композиция, т.е. все то, что присутствует в процессе хореографической постановки произведения, но также следует учитывать движение камеры, линейную перспективу, изобразительный ряд, павильонное размещение всех объектов кадра и многое другое. [5, с. 118-119].

Анализируя процессы интеграции технологий и искусства в театральном пространстве, следует отметить компьютерные технологии, применяемые в творчестве художника-постановщика балетного спектакля (сценографа), Т. В. Астафьева поясняет: «Особенность театрального художника, заключается в том, что он выступает в процессе своей работы и как художник в привычном понимании этой профессии, и как медиахудожник, и как художник-программист. Так, ему приходится сканировать собственные эскизы, используя затем полученный экземпляр для создания, к примеру, его цветовой вариативности или пользоваться готовыми программными образцами (к примеру, мебели, архитектурных деталей и т.д.) для ускорения процесса создания художественного оформления спектакля [1, с. 40-41].

С помощью технологии видеомэппинга сценографом создается трехмерная графика высокого разрешения, проецируемая на пустую сцену. Оборудование для воспроизведения виртуальных декораций очень компактно, мобильно и может представлять собой всего лишь камеру, заменив целый фургон антуража. Доступность программного продукта компьютерной графики и новые методы проектирования постановки обеспечили процесс слияния профессиональной практики режиссера-постановщика, сценографа и режиссера мультимедиа-программ. Интегрированный способ постановочной деятельности разделит сценографическую структуру современного спектакля на три типа:

Материальный, с традиционными декорациями и предметно-вещественной средой художественного оформления спектакля;

Нематериальный, когда привычные декорации полностью заменяет компьютерный дизайн, с усилением выразительности светопроекционным контентом и технологиями дополненной реальности.

Комбинированный, авторский художественный язык как «творческий баланс» театральной традиции и инновации.

Известно направление постановочного творчества, в котором эстетика «театра художника», придуманная сценографом определяет задачи балетмейстера-постановщика. Это относится к балету П.И. Чайковского «Щелкунчик», 2001 г. (версия постановки, декорации и костюмы М. Шемякина, при участии балетмейстеров А. Ратманского и К. Симонова). Как пишет С. В. Шабанова: «Впервые в новейшей истории Мариинского театра художник стал автором концепции и постановщиком балетного спектакля. Он активно участвовал в подборе артистов как на главные, так и на второстепенные роли. При этом его мало интересовала техника и мастерство танцовщиков. Гораздо важнее были их актерские способности и возможность создавать на сцене такой художественный образ, который придумал и нарисовал художник. Конечно, разрабатывая модель сценического поведения артиста в балетном спектакле, художник, естественно, не мог принимать на себя роль хореографа и для реализации пластических замыслов был вынужден пользоваться помощью профессионального балетмейстера. Шемякин поставил перед хореографом принципиально новые творческие задачи, среди которых главная – пластически реализовать на сцене авторскую концепцию художника. Начиная работать над новым спектаклем, Шемякин предварительно рисовал будущий балет, представлял его в эскизах, делая так называемую “Раскадровку”. Хореограф же, в свою очередь, переносил на сцену пластику этих нарисованных персонажей» [8, с. 155].

С.В. Шабанова также отмечает, что в созданном на стыке художественных жанров и видов искусства «Щелкунчике», Шемякин нарушил пластические законы жанра, вторгаясь в его дансатную природу, в данном перформансе: «балетмейстер в значительной мере лишен творческой самостоятельности, а хореографию (танец) подменяет анимацией, призванной “оттанцовывать” костюмы и декорации, придавать им динамику, а также иллюстрировать развитие сюжетных линий» [8, с. 157].

А.В. Крылова, исследуя роль мультимедиа в театре, отмечает возникновение разнообразия современных форм: «Действительно, в век электронных и цифровых

технологий мощный комплекс технических театральных ресурсов играет отнюдь не вспомогательную роль. Реализуемая посредством медиа визуальная образность оказывается (совместно либо в параллели с музыкальной) равнозначной частью смыслового поля спектакля. Уровень «интеллекта» компьютерных программ, осуществляющих управление, а нередко в реальном времени формирующих музыкально-сценическое действо, столь высок, что требует не только технического, но и философского осмысления» [4].

Особенность сценического пространства, наполненного медиатрансляцией в том, что оно самодостаточно и вполне обходится без людей, наполняется отраженной реальностью – многоликими «призраками» и фантомами, обретающими роль независимого «действующего лица» спектакля. А.В. Крылова также отмечает: «в новом музыкальном театре наблюдается множественность составляющих синтетическое “тело” спектакля, в том числе созданных при участии электронных и медиатехнологий. Их эмансипация по отношению к традиционным, выражающаяся, как уже было отмечено, в параллельном и, возможно, разнонаправленном действии, создает своего рода полифоническую партитуру самостоятельно развивающихся смысловых линий» [4].

Зрелищность, как фактор конкурентоспособности современного спектакля в условиях театрального рынка, реализуется специалистами мультимедиа программ без учета психо-физических возможностей восприятия эффектов электронного контента как зрителями, так и артистами. Одним из самых сложных взаимодействий для артиста, находящегося в условиях мультимедийной постановки является отсутствие чувства тактильности с электронной игровой средой. В сценической интерпретации мультимедиа человек может частично утратить координация движений и ощущение своего положения в пространстве, ощущение скорости (понимание, стоим мы на месте или двигаемся), чувство расстояния и направления движения, а также снизить способность чувствовать равновесие, что усиливает риски получения профессиональных травм артистами балета.

Документальность и фотореалистичность транслируемых изображений, имитирующих пространственное оформление спектакля при помощи мультимедиа, зачастую искажают смыслы хореографического текста и могут нарушить зрительское восприятие целостности художественного образа. Как пишет Т.Е. Шехтер: «Живописный натурализм поражает мастерством автора, может быть приятен для глаз, но вряд ли он подтолкнет нашу фантазию, позволит увидеть в себе что-то еще, помимо того, что уже так старательно выведено. Натуралистичный подход способен утомить своей выговоренностью, и дело не в тех подробностях, в которых он так внимателен, а в том, что натура-

листические произведения не открывают нам новое пространство, они не способны создать новый мир, особую реальность, которую ищет зритель в произведениях искусства» [9, с.94].

В первой четверти XXI в. технологии мультимедиа быстро распространились в нетеатральной сфере. Замена пространственного художественного оформления экранной видеопроекцией сегодня является часто используемым приемом социально ориентированных проектов, театрализованных представлений, в которых актуальна трансляция материалов исторических фотокино-документов. Эта практика отодвигает проекционную технологию к функциональному формату, в котором репродукция и иллюстративность являются фактором информационной правды, актуализированной в интерактивных экспозициях театрального музея. Трансфер технологий в программу обучения балетному искусству, способствовал появлению дистанционного формата изучения наследия классического танца русской школы, увеличению зрительской аудитории.

Тенденция трансфера технологий в начале XXI в. заложила основу для инновации постановочного процесса (трансфер технологий в данном контексте трактуется как форма инновации, способствующая коммерциализации постановочного искусства, а инновацией является практика внесения в художественные процессы новых способов, повышающих результативность моделирования пространственной среды, проектирования и управления постановочным процессом).

По мнению авторов, следует подчеркнуть: «С помощью системы аудиовизуальных образов, создаваемых и распространяемых в огромных масштабах средствами электронных коммуникаций, появились новые образы мира, модели поведения, формирование мышления, стало возможным изменение вектора культурных ориентиров и предпочтений в массовом сознании. Постановщики сегодня свободны в проявлении своей индивидуальности, манипуляция средствами аудиовизуализации не имеет границ.

Проблемами режиссерской постановочной практики, по мнению авторов, сегодня являются: доминирование эффектового зрелищного фактора над художественным образом, иллюстрирование развития действия с помощью электронного контента, ограничивающего творческое эмоциональное восприятие зрительской аудитории. Увлечение постановщиков компьютерным гиперреализмом, экспериментирование с “подобием”, изменили и ценностные критерии. Физиологичность обесценивает человечность. В сценических работах медиахудожников происходит тотальное цитирование, паразитирование на наследии авторов нецифровой эпохи» [6, с. 1239].

Исходя из логики циклизма исторической памяти, хотелось бы отметить, что в произведениях выдающихся хореографов прошлого запечатлены многочисленные напоминания о том, что каким бы великолепным не считалось ремесло мастеров «нового языка современности», в живой памяти зрителей сохраняются лишь такие художественные произведения, в которых заложены: профессиональное мастерство, жизнепереживание, ду-

ховное прозрение, интуитивный смыслообраз. Трансфер технологий в пространство балетного искусства, при неоднозначности влияния на художественные процессы, формирует тенденции взаимодействия художественных языков, пересечения их смысловых полей. Новые технологии, радикально воздействуя на динамику художественного процесса, являются источником многообразия современных видов и форм постановочной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева Т.В. Новые технологии в современном постановочном процессе (на материале театрального искусства Санкт-Петербурга 1990 – 2010 гг.) дис. на соиск. уч. ст. канд. искусствоведения / СПбГУП – СПб., 2011. – 187 с.
2. Балет на телевидении // Русский балет, «Согласие», 1997. [Электронный ресурс]. – URL: www.pro-ballet.ru/html/b/balet-na-televidenii.html (дата обращения 06.07.2024).
3. Грызунова О.В., Петухов Ю.Н. Понятие компьютерной хореографии и современные направления компьютеризации постановочного процесса // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. № 6 (83), 2022. С. 6-18.
4. Крылова А.В. О новых формах синтеза искусств в современном театре. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-novyh-formah-sinteza-iskusstv-v-sovremenno-muzykalnom-teatre> (дата обращения: 02.07.2024).
5. Новашина М. С. Инновационные технологии в хореографии: практика внедрения [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-horeografii-praktika-vnedreniya> (дата обращения: 02.07.2024).
6. Петрова Э.А., Астафьева Т.В. Аудиовизуализация режиссерской идеи как художественная технология зрелища // Вопросы теории и практики. Томбов: Грамота, 2016. №7. Ч. 1. С. 117-120.
7. Соколов-Каминский А.А. Балет: Классическое наследие // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. № 3 (74), 2021. С.44-61.
8. Шабанова С.В. Михаил Шемякин: «Мой Щелкунчик», к вопросу о роли хореографа в театральном проекте художника // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой № 3 (38), 2015. С. 154-158.
9. Шехтер Т.Е. Реализм в измерении «гипер». Монография. СПб.: ЦНИТ «Астерион».2011. 179 с.
10. Как в России появилась анимация [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/animatsiya/> (дата обращения: 05.07.2024).

© Астафьева Татьяна Владимировна (tatyanaastaf@mail.ru), Евсеева Елена Юрьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА НАЦИОНАЛЬНОГО ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА ОРОКЕН В ФОРМАХ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Лю Чжи

доцент, Хэйхэский университет

yesp.80@mail.ru

Чжан Яо

старший преподаватель, Хэйхэский университет

RESEARCH OF THE TRANSFORMATION OF THE LANGUAGE OF NATIONAL TRADITIONAL ART OROKEN IN THE FORMS OF MODERN ART

Liu Zhi
Zhang Yao

Summary: The artistic elements of traditional Chinese peoples contain the wisdom of humanity. Under the influence of the natural environment, geographical conditions and other objective factors, historical culture and the trajectory of its development are a true reflection of the historical achievements of national cultural creativity. Within the framework of this study, the characteristics of Oroken are examined. Thanks to the special living conditions in the region, historical background and connection with nature, the Orokens demonstrate a different cultural worldview and spiritual qualities from other ethnic groups in the aspects of production, life, morality, customs and even the national spirit. It is on the basis of these unique social and humanistic connotations that a forest culture with characteristic national characteristics and the traditional artistic language of the Oroqen people, which is an example of this culture, were created.

To achieve the research objectives, research methods such as description, synthesis, and classification were used.

The traditional national architecture of the Oroqen people is the «leaning human column», a cone-shaped structure supported by 20 or 30 wooden poles covered with animal skins and birch bark.

This article examined the transformation of Oroqen traditional aesthetic elements and traditional artistic language in modern society. This is a very important area for research, as it helps to find the path for the development of the Oroqen national culture.

Keywords: Oroqen, artistic language, contemporary art, transformation, cultural heritage, painting, Chinese painting, leather robe.

Аннотация: В художественных элементах традиционных китайских народностей сконцентрирована мудрость человечества. Под влиянием природной среды, географических условий и других объективных факторов историческая культура и траектория ее развития являются подлинным отражением исторических достижений национального культурного творчества. В рамках настоящего исследования рассматривается характеристика Орокен. Благодаря особым условиям жизни в регионе, историческим предпосылкам и связи с природой, орокенцы демонстрируют отличное от других этнических групп культурное мировоззрение и духовные качества в аспектах производства, быта, морали, обычаев и даже национального духа. Именно на основе этих уникальных социальных и гуманистических коннотаций была создана лесная культура с характерными национальными особенностями и традиционный художественный язык народа орокен, который является образцом этой культуры.

Для достижения поставленных задач исследования были использованы такие методы исследования, как описание, синтез, классификация.

В настоящей статье рассматривалась трансформация орокенских традиционных эстетических элементов и традиционного художественного языка в современном обществе. Это является очень важным направлением для исследования, поскольку помогает найти путь развития орокенской национальной культуры.

Ключевые слова: орокен, художественный язык, современное искусство, трансформация, культурное наследие, картина, китайская живопись, кожаный халат.

Актуальность исследования

Народ ороконов (ороченов) является одним из жителей провинции Хэйлунцзян с населением менее 10 000 человек. В основном они живут в горах и лесах Большого Хингана. Существуют документы, относящиеся к периоду правления династии Цин, в которых данная этническая группа называется «народом шули». Народность орокен является типичным кочевым народом, несмотря на то что само население по численности невелико, оно породило богатую национальную культуру, воплотившуюся в том числе и в изобразительном искусстве.

Степень научной разработанности проблемы

В рамках статьи рассмотрена трансформация орокенских традиционных эстетических элементов и традиционного художественного языка в современном обществе.

Цель, задачи и предмет исследования

В рамках настоящей статьи предпринята попытка охарактеризовать орокенский язык традиционного искусства. Это положение и явилось целью исследования.

Методология и методы исследования

Для достижения поставленных задач исследования были использованы такие методы исследования, как описание, синтез, классификация.

Основная (аналитическая) часть (обсуждение, результаты)

I. Трансформация языка национального традиционного искусства орокен в современной живописи.

Традиционные элементы росписи орокен в основном состоят из цветов, птиц, бабочек и идолов, а метод росписи един. Большинство картин выполняется женщинами на колыбели детей, в то время как идолы пишутся на бумаге или холсте и большинство таких работ выполняют мужчины, что, возможно, является своего рода привычкой этой этнической группы. Раскрашивание картин происходит кистями, а цвета в основном представлены тремя основными оттенками - желтым, зеленым и фиолетовым, изредка встречаются вкрапления красного или черного. Одежда и лица идолов обычно изображаются в соответствии с человеческим обликом, а вокруг идолов кистью добавляются летящие облака, солнце, луна и другие мотивы, смысл которых заключается в желании, чтобы боги всегда жили в мире природы в окружении гор и вод. Рядом с богами рисуются фигуры, смысл которых заключается в надежде, что боги всегда будут иметь вокруг себя охранников и слуг. С течением времени традиционный художественный язык этнической группы орокен нашел отражение в различных способах рисования.

(i) Воплощение в современном полиграфическом искусстве и китайской живописи.

В последние годы появилась более известная орокенская художница - Цзян Ронхуэй, которая настаивает на создании картин тушью на тему орокенских национальных элементов. Ее картины демонстрируют глубокое понимание орокенской национальной культуры, начиная с изображения персонажей и заканчивая изображением одежды или деталей окружающей среды. Создавая «Орокенскую Женскую одежду», Цзян Ронхуэй в полной мере продемонстрировал особенности традиционной одежды женщин Орокен: на основе практичности и особенностей собственных национальных элементов, идеально сочетая традиционную культуру и современную культуру.

(i) Воплощение в современном искусстве масляной живописи.

II. Трансформация традиционного искусства орокен в настоящее время.

(i) Трансформация в современных скульптурных произведениях.

Традиционная скульптура народа орокен неразрывно связана с религиозной верой в то, что этот народ хранит дух всего сущего. Исторически сложилось так, что орокенцы принимают шаманизм в качестве своей религиозной веры. Образ жизни орокенцев основан на рыболовстве и охоте.

Они живут в нестандартных местах, а богов и идолов, которым они поклоняются, во время миграций помещают в контейнеры из бересты. Вырезанные из дерева идолы, известные как «мауни-мокудо», изготавливаются из сосны, тополя и других материалов и изображают фигуры людей и животных. Кроме того, орокенцы используют кости животных и дерево для изготовления детских игрушек путем простой резьбы. Изображения на игрушках, как правило, приходят от животных, с которыми орокенцы часто контактируют в своей жизни. Эти скульптурные эскизы образно отражают черты животных, а простая и смелая лепка - грубые и смелые национальные черты орокенского народа.

В новое время проявляют себя следующие тенденции:

- появилось множество новых материалов для скульптуры;
- высокая стоимость использования оригинальных материалов (включая экономические и экологические издержки);
- использование новых материалов или преимуществ новых процессов позволяет улучшить характеристики изделия, в том числе увеличить срок службы и повысить надежность;
- новые материалы более эстетичны;
- новые материалы снижают стоимость изделия или делают его более конкурентоспособным;
- изменились требования к использованию изделия и условия производства.

Большинство традиционных скульптурных изделий в районе меньшинства Орокен сделаны из такого материала, как: мех животных, растения, природный камень и т.д. Хотя использование примитивных материалов больше соответствует культурным привычкам местного населения, но из-за цены, окружающей среды и других причин они не могут быть произведены в больших количествах в современном обществе, поэтому современное использование новых материалов позволяет преобразовать их как в соответствии с традиционной эстетикой, так и по доступной цене. Например, при проектировании туристического центра Орокен в поселке Синьшэн города Хэйхэ создатели использовали искусственный камень для имитации текстуры бересты, что не только отвечает культурной эстетике, но и повышает долговечность здания, снижает стоимость строительства и способствует наследованию традиционной культуры.

Поэтому нам необходимо понимать как культурную

ценность и процесс производства оригинальных материалов, так и характеристики новых материалов. Это поможет лучше изучить методы преобразования и замены, способные удовлетворить современные потребности.

Рис. 1. Эффект настоящей каменной краски
Деревopodobный материал.

Традиционная одежда ороконов несет в себе религиозную культуру этого народа; на ней несложно найти элементы природы. Традиционные национальные костюмы Огодеп в основном изготовлены из меха охотничьей добычи: шкуры косули, шкуры гребенщика, шкуры ягеля и других животных шкур, на которые наносятся узоры для украшения. Все это осуществляется с учетом техники выделки кожи животных.

Художественный процесс выделки шкур и кожи начинается со сбора и дубления шкур, которые затем сращиваются и сшиваются вместе, после чего украшаются по цвету и стилю [Полеванов В., 2008]. Так, например кожаный халат этнических мужчин и женщин отличается. Мужской кожаный халат имеет передний и задний отвороты, так как мужчины всегда охотятся на лошадях, такая модель халата наиболее удобна для охоты. Кожаный халат женщин похож на мужские кожаные халаты, его лацканы, манжеты и плечи украшены вышивкой. Кожаные халаты, которые носят пожилые люди, расцвечиваются не так красочно, а манжеты не вышиваются. Пуговицы для кожаных халатов раньше делали из кости животных или твердых пород дерева, а позже стали использовать и медные пуговицы. Ремни изготавливаются из кожи оленя или ягеля. Традиционные кожаные штаны короче, только до колена, вверх и вниз к поясу и сапогу привязывается кожаный шнур, также носят штаны из кожи косули или бакскина. Женщины носят кожаные штаны с прорезями по обеим сторонам талии, штанины и манжеты штанин украшены татуировками. Мужские кожаные халаты делятся на два типа: длинные и короткие, а на манжетах и воротнике обычно вышиты первые элементы тонких черных облаков. Зимой мужчины носят шапки, сшитые из целых шкур косуль, с сохранением ушей, глаз и носа косули, а в некоторых случаях и двух рогов.

Женщины носят шапки из шкуры рыси или фетровые шляпы со свисающим с них мехом. Зимой женщины носят полусапожки из кожи косули. Перчатки изготавливаются из шкур косули и делятся на три вида: «каухулу», «вариг» и «шарибахей». После освобождения из года в год увеличивается количество хлопка различных цветов, твида, шерстяных нитей, одежды из химических во-

локон, новинок одежды, одеял и банных полотенец, что значительно расширяет возможности использования элементов традиционной культуры.

Рис. 2. Мужской кожаный халат Женские кожаные платья.

III. Трансформация современной культуры и искусства на березовой коре.

Кора березы белая, поэтому ее называют берестой. Она водонепроницаемая, легкая и может сохраняться в течение длительного времени, имеет хорошую коррозионную стойкость, хорошую пластичность и может быть обработана в различные формы и размеры посуды. Длительная обработка бересты используется для формирования полного производственного процесса, береста является ценным культурным ресурсом. В 2006 году «Техника производства бересты» Орокен была включена в первую партию списка охраны нематериального культурного наследия государства.

Орокенская национальная художественная культура бересты имеет долгую историю, изделия декоративно-прикладного искусства из материала бересты также занимают важное место в ее производстве и жизни. Отечественные орокенские, гержевые и эвенкийские этнические меньшинства также участвуют в развитии этого ремесла. Мозаика из бересты - это использование естественного цвета и текстуры окрашенной бересты. В качестве основы взята традиционная национальная культура. Она воспроизводит простой народный стиль китайского народа. Инкрустация березовой кожей - это первое творение Мола Хулхун Хунвэй, она начала заниматься созданием инкрустации кожи в 1989 году, ее работы в основном основаны на орокенских национальных мифах и легендах. Используя различные цвета и текстуры окрашенных шкур, она позитивно отражает древнюю жизнь народа ороконов.

В производстве декоративно-прикладного искусства инструменты для изготовления бересты также стали разнообразными. «Токтоен» на орокенском языке означает «инструмент», а на самом деле является разновидностью инструментов, которые обычно изготавливаются из мелких костей ног диких животных, таких как: олень, косуля, кабан и так далее. Форма приплюснутая, один конец заострен, а сами резчики делятся на двузубые, трехзубые и четырехзубые. Двузубый резчик

более распространен в орокенских ремесленных изделиях и обычно используется для вырезания узоров, а многозубый - для вырезания кружев. Вместе с прогрессом современного общества, стремительным развитием промышленности, в Орокене появились и промышленные изделия и инструменты, например, железный разделочный нож.

Заключение

Подводя итог можно выделить следующее:

1. Жизненно-ориентированные характеристики. Образ жизни лесных охотников во многом схож с кочевыми народами. Именно это обстоятельство и послужило главной особенностью национального изобразительного искусства всех рассмотренных в рамках настоящей статьи народов в бассейне реки Амур.
2. Национальные особенности изобразительных искусств. Лесные охотники бассейна реки Амур в Китае и России являются многоэтническими племенами. Племена эвенков, даур и орокен сформировали тесные отношения в течение длительного периода развития. Эти отношения проявляются в отношениях сотрудничества, сложившихся в процессе товарооборота, что также отражается в сходстве на культурном уровне. Изобразительное

искусство лесных охотников имеет ярко выраженный национальный характер. С макроэкономической точки зрения пластическое искусство этих народностей сильно отличается от изобразительного искусства других этнических групп Китая. На микроуровне различия существуют и между различными национальностями представителей лесных охотников.

3. Религиозная характеристика изобразительных искусств. Народы, промышленяющие лесной охотой в бассейне реки Амур в Китае и России, имеют общие культурные черты, и наиболее заметной из них является общая вера в шаманизм. Шаманизм – примитивная религия, сформированная на основе народных верований. Он широко распространен на северо-востоке и северо-западе Китая. Таким образом, уникальная природная среда и образ жизни в бассейне реки Амур наделяют этническое искусство и культуру данной территории особенными эстетическими характеристиками. В то же время они транслируют неотъемлемую идентичность искусства культуры каждой отдельной нации. Образ жизни лесных охотников, подразумевающий выживание в условиях ограниченной естественной среды, является материальной основой для формирования особенной художественной и культурной формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нолл Ричард, Кунь Ши. Последний шаман ороочонов Северо-Восточного Китая // Религиоведение. 2009. № 2. С. 19–37.
2. Полеванов В. К истокам Амура в «Страну непобедимых» // Наука и жизнь. 2008. № 10. С. 58-62.
3. Рисухина О.Н. Внешние культурные связи северо-восточного Китая: главные направления, основное содержание (80-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 109-115.

© Лю Чжи (yesp.80@mail.ru), Чжан Яо.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖАНРОВАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ-ПЕРЕДВИЖНИКОВ

Сунь Линсяо

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
fushiquanjiafudefu@qq.com

GENRE AND ARTISTIC SPECIFICITY OF PEREDVIZHNIKI'S CREATIVITY

Sun Lingxiao

Summary: The role of different creative associations has always been great in the history of Russia. One of such associations, which had a great influence on the further formation of Russian art, is the Association of Itinerant Art Exhibitions, which for half a century of its existence created the image of the whole epoch. This article reveals the history of the creation of this organization, which gave not only Russia, but also the world a whole pleiad of unsurpassed masters of painting. The author of the article, first of all, draws attention to the genre uniqueness of the postponed artists-peredvizhniki. Revealing the artistic specificity of the creative work of the Peredvizhniki, the author stops at four priority genres: the genre of everyday life, historical genre, landscape genre and genre of religious painting. These genres are considered on the example of paintings by V.G. Perov, V.E. Makovsky, N.N. Ge, V.I. Surikov and A.I. Kuindzhi.

Keywords: Russian art, the Association of Traveling Art Exhibitions, itinerant artists, Academy of Arts, genre originality.

Аннотация: В истории России всегда была велика роль разного рода творческих объединений. Одним из таких объединений, оказавшим огромное влияние на дальнейшее становление русского искусства, является Товарищество передвижных художественных выставок, которое за пол века своего существования создало образ целой эпохи. В данной статье раскрывается история создания этой организации, которая дала не только России, но и миру целую плеяду непревзойденных мастеров живописи. Автор статьи, прежде всего, обращает внимание на жанровое своеобразие положения художников-передвижников. Раскрывая художественную специфику творчества передвижников, автор останавливается на четырех приоритетных жанрах: бытовом жанре, историческом жанре, пейзажном жанре и жанре религиозной живописи. Эти жанры рассматриваются на примере картин В.Г. Перова, В.Е. Маковского, Н.Н. Ге, В.И. Сурикова и А.И. Куинджи.

Ключевые слова: русское искусство, Товарищество передвижных художественных выставок, передвижники, Академия художеств, жанровое своеобразие.

«Рубежи веков похожи на лес, сломанный бурей: везде царит хаос, господствует сокрушительный беспорядок. А среди него горят яркими звездами цветы, танцуют бабочки, блестит роса на стеблях и листьях травы. Старое и порушенное начинает отмирать, молодое зеленеть, набирать силу, тянуться к солнцу» [2, с. 5]. Этот образ, созданный российским искусствоведом И. Голицыной, в полной мере соотносится с русским искусством рубежа XIX – XX веков. Это было время ломки старых, академических, традиций и начала новой эпохи, ярким явлением которой, вошедшим в историю не только российской, но и мировой культуры, стало объединение художников, возникшее в последней трети XIX столетия, более известное как Товарищество передвижных художественных выставок.

Считается, что путь «передвижничества» начался в 1870 году, когда московские и петербургские художники загорелись идеей проведения выставок живописных полотен не только в столицах Российской империи, но и по всей провинциальной России. Эта инициатива «была аналогична идее «хождения в народ», которой чуть позже будет захвачена разночинная молодежь» [1, с. 207], но возникла она не на пустом месте.

«Передвижничества» пустило свои корни 9 ноября 1863 году. именно в этот день заканчивали курс императорской Академии художеств четырнадцать самых лучших ее выпускников, которые должны были конкурировать между собою за большую золотую медаль. Согласно постановлению Совета Академии, соревнующиеся выпускники должны были написать картину по заданному сюжету, взятому из скандинавской мифологии – «Пир бога Одина в Валгалле». Однако, конкурсное задание будущих живописцев не устроило. Они попросили Совет предоставить им право выбора: написать картину на избранную самим художником тему. Получив отказ, все четырнадцать человек отказались от соревнования и подали в Совет Академии прошение следующего содержания: «Просим покорнейше Совет освободить нас от участия в конкурсе и выдать нам дипломы на звание художников» [4, с. 31]. «Один по одному, - повествует о событии, известном в истории живописи как «бунт четырнадцати», А. Новицкий, - из конференц-залы Академии выходили ученики и каждый вынимал из бокового кармана своего сюртука вчетверо сложенную просьбу и клал перед делопроизводителем, сидевшим за особым столом» [4, с. 31].

Покинув стены Академии, «бунтовщики» создали пе-

тербургскую художественную Артель – первую Артель свободных художников, которую возглавил И.Н. Крамской. Вслед за этой Артелью появилась вторая Артель, «максимовская», ставшая второй попыткой создания творческого союза. Однако, какую бы позитивную роль ни играли подобные Артели в художественном служении народу, «вывести», по словам Н.Я. Ярошенко, «искусство из тех замкнутых теремов, в которых оно было достоянием немногих, и сделать его достоянием всех» можно было, лишь создав единую организацию, которая «обеспечила бы художнику не только полную свободу творчества, но и тесные и прямые связи с широким зрителем» [5, с. 5]. Создать такое объединение предложил Г.Г. Мясоедов. В 1869 году он увлек своим замыслом В.Г. Перова, А.К. Саврасова и многих других московских художников. Идею поддержал и И.Н. Крамской, к тому времени вышедший из петербургской Артели. Так было создано творческое содружество независимых художников, которые противопоставили себя официально-академическому искусству того времени, насаждавшемуся петербургской Академией художеств. Поставив перед собой цель сделать искусство популярным среди простого народа, петербургские и московские художники стремились и сюжеты своих произведений сделать доходчивыми, а изобразительный язык доступным. Поэтому на суд зрителей они, в противовес принятым в академических кругах «шаблонам», выносили коренные вопросы русской жизни. В качестве формы выставочной деятельности созданное в 1870 году Товарищество выбрало передвижную форму, обосновав это тем, что каждый житель провинциальной России должен иметь возможность прикоснуться к русскому искусству. Здесь следует подчеркнуть, что идея «передвижных» выставок была очень близка членам Товарищества. В.Г. Перов, И.Е. Репин, Н.Н. Ге, Г.Г. Мясоедов, В.В. Верещагин и многие другие художники, ставшие впоследствии знаменитыми, были выходцами не только из провинциальных российских городов, но и из деревень. Поэтому они понимали необходимость художественного просвещения провинциального общества и старались сделать все для того, чтобы состоялся межкультурный диалог между столицами и всей остальной Россией.

Первые состоявшиеся в Москве и Петербурге выставки картин художников-передвижников прошли с большим успехом, и «вырученных от продажи билетов средств хватило на реализацию главной идеи – познакомить жителей провинциальной России с достижениями русского искусства» [3, с. 68]. Легшая в основу создания и функционирования Товарищества передвижных художественных выставок идея народности сыграла ключевую роль в истории русского искусства. Именно благодаря передвижникам «представители власти стали смотреть на картины глазами народа, вскрыв, таким образом, основные пороки российского общества» [3, с. 70].

Анализируя художественное своеобразие творчества передвижников, поражается их многоплановостью, кото-

рая выражается в стремлении охватить все направления живописи, все ведущие жанры изобразительного искусства, к которым относятся: бытовой жанр, религиозная живопись, пейзажная живопись, исторический жанр.

Учитывая тот факт, что темы для полотен передвижникам давала сама жизнь, то приоритетным направлением в их творчестве стал бытовой жанр. Непревзойденным мастером «сценок повседневной жизни» является В.Г. Перов.

Уже ко времени организации передвижных товарищеских выставок В.Г. Перов сложился как удивительный мастер, большинство работ которого носили социальное звучание. В своем творчестве Перов, несомненно, использовал традиции П.А. Федотова, но вместе с тем он пошел дальше своего предшественника и осмелился коснуться таких тем, о которых Федотов даже не смел мечтать.

Одной из лучших работ В.Г. Перова является картина «Проводы покойника», написанная в 1865 году. Простая по содержанию, она наполнена глубоким социальным смыслом.

«Проводы покойника» переносят зрителя в русскую деревню, и перед ним раскрывается одна из величайших трагедий в жизни крестьянской семьи – смерть кормильца. Похороны... На облучке вместо возницы, опустив голову, согнувшись, сидит молодая вдова, а в снях, прижавшись к гробу, неподвижно застыли двое детей. Настроением скорби и одиночества пронизано все полотно. Конь, точно чувствуя горе хозяев, медленно и тяжело ступает в гору. Даже природа молчаливо замерла: застыл заснеженный лес, тяжело нависли зимние тучи. Синеватый тон заснеженного пространства и вечернего неба, дровни с гробом и осиротевшей семьей вызывают ощущение бесприютности и тоски. «Проводы покойника» закономерно можно связать с поэмой Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос», вышедшей из печати в 1863 году. Известно, что Перов был страстным почитателем этого поэта.

В.Г. Перов
Проводы покойника 1865

Одним из лучших и талантливейших передвижников и истинным представителем русской бытовой живописи справедливо признан В.Е. Маковский. Художник. изобра-

жает действительную жизнь без прикрас, без фальшивой сентиментальности и фальшивого трагизма. На его полотнах (а написал он примерно 500 картин) представлены самые разнообразные слои русского общества – от дворян до крестьян. Перед нами проходит вереница барынь-благотворительниц, адвокатов, ростовщиков, мировых судей, отставных чиновников, нищих и т.п. Ярмарка, свадьба, поминки – словом, вся наша жизнь, во всех ее разнообразных проявлениях запечатлена кистью художника.

Одной из лучших картин В.Е. Маковского является картина «Осужденный». Перед нами коридор окружного суда. Из двери, ведущей в огороженное решеткой пространство для подсудимых, два солдата с ружьями и два жандарма с саблями наголо выводят осужденного. Здесь его ожидает убитая горем мать, на которую он молча косится исподлобья, как бы стараясь сдержать надрывающее его горе. Позади матери стоит отец и, полузакрыв одну рукою лицо, другою дергает за платье свою жену. Ему невыразимо тяжело, о чем говорит поза, выражение лица, жесты рук. Страшное, мучительное горе захватило и заполонило всю его душу, – не то горе, которое облегчается слезами, нѣтъ, а то ужасное состояние какого-то оцепенения, распространяющееся по всему существу этого человека и подавившего собою все его мысли и чувства. А тут же, неподалеку, с полным и невозмутимым равнодушием, беседуют между собою присяжный поверенный и судебный пристав, как будто не перед их глазами происходит эта раздрающая душу жизненная драма. Но что удивительно – сам осужденный вовсе не выглядит каким-то отъявленным злодѣем или извергом. Нет, у него самое обыкновенное русское лицо, по которому даже не скажешь, преступник ли он или просто несчастная жертва, подвергшаяся суду в силу каких-нибудь случайных обстоятельств.

В.Е. Маковский
Осужденный 1879

Теперь перейдем к еще одному жанру, который в творчестве передвижников заиграл новыми красками, – живописи религиозного содержания.

«Еще в то время, когда только что возникал самостоятельный родъполнѣ реальной живописи бытовых сцен, – пишет А. Новицкий, живопись религиозная тоже вышла на реальную почву. Главный толчок в этом направлении

дал А.А. Иванов, которого вполне справедливо можно назвать родоначальником русской религиозной живописи. Русскому народу нужна была простая, настоящая натура, глубоко проникнутая духом религии, а это-то и дал нам Иванов» [4, с. 102–103]. По стопам Иванова пошли, хотя совершенно разными путями, сообразно своим силам и взглядам, Н.Н. Ге, И.Н. Крамской, В.Д. Поленов, В.М. Васнецов и др, хотя есть в религиозной живописи передвижников и нечто общее. Как отмечает М.М. Алленов, создавая картины на основе евангельских сюжетов, художники-передвижники, «видели формулы коллизий высокой степени типичности, коллизий, способных повторяться в разных контекстах, включая текущую современность» [1, с. 207]. Так, на полотне «Что есть истина?» Николая Ге Понтий Пилат, допрашивающий Иисуса Христа, напоминает современного начальника, шествующего в свой кабинет мимо узника и задающего ему свой вопрос «на ходу». При этом ответ его не интересует, как, впрочем, и сам обвиняемый, ждущий своей незавидной участи. Пилат на картине Н. Ге не получает ответа на свой вопрос, как и не получает его евангельский Пилат. Да и что изменилось бы, если бы ответ все-таки прозвучал из уст Христа? Понял бы его Пилат? Вряд ли. Потому что Пилат и Христос – антиподы, живущие в разных, непересекающихся мирах, и у каждого из них – своя истина. Поэтому художник создает атмосферу «безмолвного диалога», участников которого связывает не слово, а молчание. И это молчание – более глубокое, чем тирада мыслей, получивших словесную оболочку.

Н.Н. Ге
Что есть истина? 1890

«Когда скудеет слово, аргументы исчерпаны, а убеждение бесполезно, – пишет М.М. Алленов, – то наступает черед молчаливого действия» [1, с. 207]. Наверное, поэтому в картинах Н. Ге на библейские сюжеты нет боли, крика, гнева, стоны, проклятий, иными словами, того, с чем ассоциируются последние дни жизни и смерть Иисуса Христа, а есть только гнетшее молчание – пауза, тишина перед катастрофой, предчувствие конца.

Тема исторических процессов, происходящих в России на протяжении веков, всегда волновала художников-передвижников. Поэтому исторический жанр в движении «передвижничества» является одним из при-

оритетных. К примеру, А.Ф. Максимов написал батальное полотно «Вещее знамение», навеянное бессмертным «Словом о полку Игореве», и создал прекрасные иллюстрации к поэме М.Ю. Лермонтова «Песня про купца Калашникова» [2, с. 6]. Но, по мнению А. Новицкого, из всей «толпы» своих собратьев, обращавшихся к историческому жанру, особо выделяется В.И. Суриков, создавший такие шедевры, как «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Степан Разин» и др. [4, с. 133].

В сюжете картины «Боярыня Морозова» «запечатлена значительнейшая из коллизий русского XVII века, родственная реформационному движению в Европе. Тогда проведенная сверху церковная реформа возбудила ответное противодействие в движении раскольников. Одной из наиболее деятельных фигур раскола была боярыня Федосья Морозова. На полотне изображен момент, когда ее везут на допрос в Кремль сквозь толпу по зимней московской улице. В пышном соцветии красок толпы, сложенных в плавный певучий узор, остроугольное пятно черных одежд Морозовой воспринимается как диссонанс, погребальный аккорд среди праздника – эхо чужого, прошедшего мира. Раскол для Сурикова – не только отошедшее в прошлое историческое происшествие, но повторяющееся событие русской истории, событие, в котором всякая новая эпоха может узнать себя» [1, с. 220–221].

В.И. Суриков
Боярыня Морозова 1884–1887

По мысли А. Новицкого, пейзажная живопись – одна из лучших слав русского искусства, давно признаваемая в остальной Европе. И все-таки действительно талантливые пейзажи появились в России в эпоху передвижничества [4, с. 135].

Лучшим мастером пейзажного жанра признан А.И. Куинджи. Особенностью всех его полотен является игра со светом. Световые эффекты солнца и луны почувствованы и переданы им с такою оригинальностью и новизной, что выделяют из всех других пейзажистов. По поводу картины «Ночь на Днепре» И.Н. Крамской писал следующее: «Вся картина наполнена действительным светом и воздухом: река совершает величественно свое течение, небо – настоящее, бездонное и глубокое» [4, с. 136].

Эпоха «передвижничества» сыграла огромную роль в становлении русского искусства, дальнейшая судьба которого оказалась неотвратимо связана с этим ярким художественным явлением. Передвижники, как справедливо отмечает Т.В. Юденкова, «подняли уровень осмысления современности на новые рубежи по сравнению с предшествующим временем, они первые начали говорить о наболевшем, остром, актуальном» [6, с. 163].

На наш взгляд, притягательная сила жанровых произведений передвижников, создавших единый и полный образ России, заключается в новизне не только самих сюжетов, но и в необыкновенно доступной форме развернутого живописного повествования, живо перекликавшегося с прогрессивной русской литературой. Передвижничество в истории русского искусства следует воспринимать как новое идейно-эстетическое направление, непосредственно отражавшее жизнь, полное глубокой человечности и благородных мыслей, которое с начала своего пути противостояло холодным академическим полотнам на отвлеченные темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алленов М.М. История русского искусства. Кн. 2. – М.: Трилистник, 2000. – 320 с.
2. Голицына И. История русской живописи. Рубеж XIX и XX веков. – М.: Белый город, 2007. – 128 с.
3. Колокольцева Н.Ю., Валькова К.В. Деятельность художников-передвижников в России второй половины XIX века: диалог культур в контексте повседневности // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 65–72.
4. Новицкий А. Передвижники и их влияние на русское искусство. – М.: Издание книжного магазина «Гросман и Кнебель», 1897. – 173 с.
5. Рогинская Ф.С. Передвижники. – М.: Издательство «Искусство», 1003. – 183 с.
6. Юденкова Т.В. Эра передвижников: взгляд из XXI века // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. – 2020. – № 4. – С. 161–186.

© Сунь Линсяо (fushiquanjiatufu@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ НА РУССКОЕ НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ¹

Чжао Хуэйцин

доцент, Хэйхэский университет, (г. Хэйхэ, КНР)

273004890@qq.com

THE INFLUENCE OF CHINESE CULTURE AND SOCIAL TRADITIONS ON RUSSIAN SCIENTIFIC THINKING IN THE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES

Zhao Huiqing

Summary: This article provides an analysis of the influence of Chinese culture and social traditions on Russian scientific thinking from the 19th to the early 20th century. The work traces the evolution of the perception of Chinese civilization in Russian science and its reflection in various fields of knowledge. Key aspects of Chinese culture that influenced Russian scientific thought are considered: philosophy, literature and art. The ways of penetration of Chinese ideas into the Russian intellectual space, their transformation and adaptation in the context of the domestic scientific tradition are studied. The works of leading Russian sinologists and orientalists, their role in the formation of scientific ideas about China are analyzed. The importance of cultural exchange and diplomatic missions in the development of Russian-Chinese scientific ties is highlighted.

Keywords: Chinese culture, philosophy, imagology, scientific approach, N.Ya. Bichurina, art, oriental studies.

Аннотация: В данной статье приведен анализ влияния китайской культуры и общественных традиций на русское научное мышление с XIX до начала XX века. Работа прослеживает эволюцию восприятия китайской цивилизации в российской науке и ее отражение в разных областях знания. Рассматриваются ключевые аспекты китайской культуры, повлиявшие на российскую научную мысль: философия, литература и искусство. Изучаются пути проникновения китайских идей в российское интеллектуальное пространство, их трансформация и адаптация в контексте отечественной научной традиции.

Анализируются труды ведущих российских синологов и востоковедов, их роль в формировании научных представлений о Китае. Освещается значение культурного обмена и дипломатических миссий в развитии русско-китайских научных связей.

Ключевые слова: культура Китая, философия, имагология, научный подход, Н.Я. Бичурина, искусство, востоковедение.

В контексте исторических взаимосвязей России и Азии, Китай занимает выдающееся место в российском восприятии восточных культур. Интерес России к китайской цивилизации, особенно к аспектам её долговечности и способности к самосохранению, которые Китай демонстрировал на протяжении многих веков. Этот интерес находит своё подтверждение в значительном количестве публикаций: более 120 книг и статей, посвящённых Китаю, были изданы в России в течение XVIII века. Исследования китайской истории, философии, политической системы и искусств в России часто инициировались желанием найти ключи к долгосрочному развитию и социальной гармонии.

Роль «китайского фактора» в российском обществе существенно возросла, охватывая как внешнеполитическую стратегию, так и повседневную жизнь граждан. Это порождает высокий спрос на углубленные знания о

Китае, включая специфику их формирования и особенности восприятия этой страны в России. Интерпретационные стратегии российских ученых при изучении китайской тематики приобретают особую значимость [1].

Растет понимание важности влияния эмоционально-ценностных оценок на формирование научных концепций. Здесь ключевую роль играет имагология – дисциплина, исследующая образы других народов или стран в индивидуальном, групповом или массовом сознании в конкретных социокультурных и исторических условиях.

Имагологический подход раскрывает механизмы формирования и трансформации представлений о Китае в российском обществе, а также их влияние на научное понимание китайской политики, культуры и социальных процессов. Изучение образов и стереотипов, связанных с Китаем, становится ключом к пониманию формирова-

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда фундаментальных исследований высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян (КНР), 2023 г. Тема исследования «Образование и культурные исследования китайцев в архивах Дальнего Востока России». Номер проекта: 2023-KYYWF-1128.

ния российской внешней политики и особенностей взаимодействия двух стран на разных уровнях.

В 1850-1880 годах наблюдается рост публикаций российских исследователей Китая - путешественников, синологов и миссионеров Российской духовной миссии в Пекине. К концу XIX - началу XX века объем российской литературы о Китае значительно увеличивается. Появляются обширные исследования, брошюры, знакомящие россиян с китайской культурой и населением, проблемные статьи в журналах, очерки и дневники путешественников.

Растущее число россиян, посещающих Китай, способствовало более глубокому пониманию страны. Путешественники, изначально имевшие лишь поверхностные, стереотипные представления, переосмысливали их через личный опыт межкультурного общения. До конца XIX века в российском обществе доминировал интерес к «экзотическим» верованиям и обычаям китайской культуры, отражая широкое стремление к познанию «чужой» культуры.

Этот период ознаменовался не только возросшим интересом к Китаю, но и углублением понимания его культуры и общественных процессов среди российских ученых и широкой общественности. Формировались новые научные подходы и методы изучения Китая, что способствовало развитию российской синологии. Интерес был вызван не только политическими причинами, но и стремлением интеллектуальной элиты понять уникальные формы государственной организации, отличающиеся от обычных западных моделей. События на Дальнем Востоке привлекли внимание широкого круга людей: от политиков до ученых и путешественников.

Российские дипломаты и исследователи, которые работают в Китае в течение длительного времени или посещают Китай на короткие периоды времени, играют ключевую роль в просвещении российской общественности о сложностях китайской политической жизни. Они не только освещают изменения на национальной политической сцене, но и подробно описывают характер местных политических институтов и функциональные аспекты имперской власти. Важным моментом их сообщений было описание символов государственной и имперской власти, таких как законы, государственные ритуалы и другие элементы, которые формировали социальную и политическую структуру Китая.

Использование цивилизованных методов анализа китайской философии и культуры привело к значительным изменениям во взглядах людей на Китай. Этот сдвиг предполагает пересмотр ранее доминирующей негативной оценки конфуцианской политической философии, которую ранее критиковали за неспособность эффективно способствовать политическому развитию и обвиняли

в стагнации. Согласно новым исследованиям, например исследованиям А. Столповской, конфуцианская традиция начинает рассматриваться как фундаментальная основа будущего развития китайского общества [2]. Столповская подчеркнула, что конфуцианская этика и нормы поведения играют центральную роль в формировании морального облика китайских граждан, который является уникальным выражением национального характера. Обновленное понимание конфуцианской философии открывает новую перспективу для оценки ее влияния на политическую и социальную структуру Китая.

Н.Я. Данилевский выступал с критикой «европоцентризма» при изучении азиатских культур, утверждая, что этот подход искажает восприятие восточного образа жизни. По его мнению, европейская интерпретация навязывает восточным обществам ярлыки «застоя» и «косности», упрощая сложные культурные и исторические процессы.

Ученый отмечал, что Китай веками был центром инноваций в различных сферах. Он указывал на достижения Китая в легкой промышленности, окрашивании тканей, изготовлении лаковых изделий и фарфора. Данилевский также подчеркивал вклад Китая в развитие земледелия и ландшафтного садоводства. Философ обращал внимание на китайские изобретения пороха, книгопечатания, компаса и бумаги, оказавшие значительное влияние на мировую цивилизацию. В духовной сфере Китай достиг успехов в космологии, этике и философии. Данилевский отмечал, что многие китайские инновации были заимствованы европейскими народами и успешно интегрированы в их социально-экономические структуры, обогащая европейскую культуру и технологии [3].

В итоге, ученый призывал пересмотреть подходы к анализу восточных культур, отказавшись от упрощенных европоцентричных взглядов. Он настаивал на признании значимости и уникальности восточных цивилизаций в их вкладе в мировое культурное и технологическое развитие.

Провинциальные учебные заведения внесли значительный вклад в развитие китайских культурных знаний в России. Ярким примером этого вклада является деятельность Н.Я. Бичурина, основавшего 16 мая 1835 г. в российском приграничном городе первую школу в Российской империи с целью подготовки китайских переводчиков. Обучение в школе основано на «Китайской грамматике», сформулированной Бичуриным и опубликованной в 1838 году. До начала 20 века этот учебник был основным пособием по изучению китайского языка в России.

Программа обучения предназначена для того, чтобы студенты могли освоить разговорный китайский язык

и навыки перевода коротких текстов в течение первых пяти лет. Следующие два-три года обучения включают пребывание в Китае, где студенты должны изучать Четыре книги. Бичурин считает, что освоение «Четырех книг» является залогом достижения качественного зарубежного перевода китайских научных трудов. После прохождения этого этапа студенты могут самостоятельно выбирать предлагаемые курсы для более глубокого и тщательного изучения [4].

В период активной деятельности Н.Я. Бичурина наблюдается значительный рост интереса к его научным трудам и переводам в академических и литературных кругах. Многочисленные периодические издания того времени публиковали развернутые рецензии на работы ученого, в которых критики, как правило, давали высокую оценку его исследованиям, акцентируя внимание на их фундаментальном научном значении и новаторском характере.

Научная и переводческая деятельность Бичурина оказала существенное влияние на формирование представлений о Китае в российском обществе. Его труды не только способствовали углублению знаний о китайской цивилизации, но и стимулировали развитие отечественной синологии как самостоятельной научной дисциплины.

Примечательно, что влияние работ Бичурина распространилось далеко за пределы узкоспециализированных научных кругов. Благодаря его обширной и многогранной деятельности, в литературном творчестве того периода начинает проследиваться если не глубокий аналитический интерес, то, по меньшей мере, заметная увлеченность Китаем, его историей, философией и культурными традициями.

Этот феномен можно рассматривать как свидетельство формирования нового культурного тренда в российском обществе, характеризующегося возрастающим вниманием к восточным цивилизациям в целом и к Китаю в частности. Труды Бичурина, таким образом, не только обогатили научное знание, но и оказали значительное влияние на культурный ландшафт России, способствуя расширению интеллектуальных горизонтов и стимулируя межкультурный диалог.

В последние десятилетия XIX века деятельность Института восточных языков Петербургского университета была направлена на подготовку специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками для служения государству в различных областях, в том числе в дипломатии и образовании восточных языков. Президент колледжа Мирза А.К. Казем-Бек в докладе перед попечителями Санкт-Петербургского Образовательного округа осветил практическую направленность образовательной программы колледжа. Он подчеркнул, что

ограниченного подхода, сосредоточенного только на языковых навыках, уже недостаточно для удовлетворения потребностей времени, поэтому курсы студентов должны включать курсы, непосредственно связанные с их будущей карьерой.

Казем-Бейкер предложил на китайско-маньчжурском отделении колледжа курсы дипломатии и политической экономии, курсы, призванные развивать будущие компетенции студентов, необходимые для эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей. Кроме того, он также предложил инициативу по усилению практической подготовки в области владения языком, предусмотрев, что кафедра китайского и маньчжурского языка должна вести активную языковую практику с первой половины первого учебного года [5].

Поэтому стратегия развития учебного процесса Института восточных языков направлена на создание комплексной образовательной программы, сочетающей теоретическую подготовку с практическим применением полученных знаний, что, по мнению Казем-Бека, должно иметь следующие характеристики: способствовать более хорошо подготовленным специалистам для удовлетворения потребностей страны.

В контексте русской интеллектуальной традиции XIX-XX веков важное место занимает литературное наследие, созданное русскими писателями и мыслителями. Особо следует отметить влияние русской философии на восприятие и интерпретацию китайской мудрости. В этом отношении особенно выделяется Лев Николаевич Толстой. Его произведения были переведены на китайский язык и сыграли важную роль в культурном обмене между Россией и Китаем.

Л.Н. Толстой опирался на свое владение иностранными языками, чтобы соприкоснуться с произведениями великих китайских мыслителей, таких как Конфуций и Лао-цзы, и эти произведения были опубликованы на европейских языках в XIX веке. Его интерес к китайской философии выходил за рамки простого хобби или популярных тенденций того времени. Это вдумчивое духовное стремление, призванное сформировать новые моральные учения и размышления о цели жизни.

Толстой пытался найти в учениях древнекитайских философов идеи, согласующиеся с его собственными мыслями о природе жизни и судьбах человечества. Его интерес к Китаю стал частью более широкого культурного и философского диалога, способствуя глубокому взаимопониманию и влиянию русской мысли на китайскую культурную сферу [6].

Исследования последних лет, в том числе различные выставочные проекты, показали, что китайская культура

оказала значительное влияние на русское искусство XIX века, и в некоторых случаях качество русского искусства было очень высоким. В этот период русские мастера, следуя сложившимся традициям прошлого века, активно занимались созданием предметов, вдохновленных восточным искусством, что нашло отражение в архитектуре и дизайне интерьеров.

Продолжая традицию строительства китайских павильонов, для этого периода было характерно формирование внутреннего убранства в восточном стиле. неотъемлемой частью дизайна стали элементы китайского искусства, популярного в рамках ориентализма. В таких интерьерах оригинальные восточные артефакты сочетаются с европейскими и российскими имитациями или репродукциями, создавая неповторимое визуальное впечатление.

Примером влияния китайской культуры на российское производство является производство ваз на частных фарфоровых, гончарных и стекольных заводах. Например, вазы фабрики Батенина были украшены надглазурным декором в китайском стиле, сочетающим имперские формы и позолоту с китайскими мотивами (1832-1838, «Петергоф»). В фаянсовых вазах фабрики С.Я. Поскочина также прослеживается влияние китайской культуры, в том числе лубочные сюжеты и сцены из «Изобретения Китая» (1820-1830-е гг., МАЭ РАН).

Элементы рококо, мифические существа, бабочки и экзотические птицы стали важными элементами художественных проектов русских частных фабричных гончаров первой половины XIX века. Это подчеркнуло глубокое взаимодействие и взаимовлияние русских и китайских художественных традиций, которые обогатили культуры обеих стран и способствовали развитию уникального стиля русского искусства того времени [7].

Начиная с середины XIX века происходит усиление официальных контактов между Российской империей и цинским Китаем. В этот период участились дипломатические визиты высокопоставленных китайских деятелей в Россию. Особенно примечательны миссии Хун Цзюня, известного ученого и дипломата, посетившего помимо России несколько европейских стран, и Ли Хунчжана, лидера модернизационного движения в Китае, который

возглавил делегацию на коронации Николая II.

В России развитием культурных связей с Китаем занимались различные организации. Кроме Русской православной церкви, важную роль играли научные и образовательные учреждения: Императорская академия наук в Санкт-Петербурге, Совет по российским исследованиям в Центральной и Восточной Азии, Институт востоковедения. Они организовывали разнообразные формы культурного взаимодействия с Китаем.

Важной частью официальных культурных обменов стала традиция дарения книг, способствовавшая пополнению библиотек и расширению научных знаний в обеих странах. В этот период также зарождается российская синология как самостоятельная научная дисциплина.

По всей России создаются специализированные исследовательские институты, занимающиеся всесторонним изучением Китая. Их научные интересы охватывали философию, историю, религию, этнологию, литературу, фольклор, традиционную медицину, археологию, искусствоведение, музыку и другие аспекты китайской культуры [8].

Подводя итог можно сказать, что период с середины XIX до начала XX века стал ключевым для развития российско-китайских культурных и научных связей. В это время были заложены основы глубокого изучения китайской культуры и науки, что способствовало взаимному обогащению знаний обеих стран.

Культурные обмены, дипломатические миссии и работа востоковедов сыграли важную роль в этом процессе. Ученые не только переводили китайские тексты, но и интегрировали новые знания в российскую науку. Эти десятилетия сформировали устойчивый интерес к Китаю, который актуален и сегодня.

Усилия ученых того времени позволили российской науке лучше понять уникальные аспекты китайской цивилизации. Это обогатило российское научное сообщество новыми методами и идеями. Необходимо продолжать исследования в этой области, опираясь на созданный фундамент, для дальнейшего развития российско-китайских отношений в науке и культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Титаренко, А.С. Представления русских о китайском национальном характере (вторая половина XIX — начало XX вв.) / А.С. Титаренко // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования», [г. Екатеринбург, 10-11 апреля 2015 г.]. — Екатеринбург: УрФУ, 2015. — С. 368-379.
2. Маслова, А.В. Осмысление китайской философии русскими мыслителями XVIII, XIX и XX столетий / А.В. Маслова // Дискурс-Пи. — 2020. — № 4 (41). — С. 158-169.
3. Благодер, Ю.Г. Китай в российской периодической печати второй половины XIX – начала XX в.: эволюция представлений в изменяющихся исторических

- условиях: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Благодер Юлия Гариевна. — Краснодар, 2019. — 50 с.
4. Грузинов, И.И. Роль российских духовных миссий в Китае в формировании отечественных школ китаеведов XVIII-XIX веков / И.И. Грузинов, Д.О. Скосырева // Китайская цивилизация в диалоге культур: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25 февраля 2021 года. — Москва: Московский государственный областной университет, 2021. — С. 97-104.
 5. Петухова, Н.В. Развитие китаеведения как науки в России в середине - второй половине XIX века / Н.В. Петухова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение. Африканистика. — 2014. — № 4. — С. 136-141.
 6. Чу Шэннань. Л.Н. Толстой и китайская интеллигенция в конце XIX - начале XX вв. / Чу Шэннань // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2016. — № 74. — С. 103-108.
 7. Винокуров, С.Е. Преодолевая границы рококо: «китайский стиль» в декоративно-прикладном искусстве России XIX в. / С.Е. Винокуров // Китай: история и современность : материалы XI международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 18–20 октября 2017 г. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — С. 50-56.
 8. Хэ Син. Шинуазри в российской культуре до XX века / Хэ Син // Мир русскоговорящих стран. — 2021. — № 4 (10). — С. 51-58.

© Чжао Хуэйцин (273004890@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Юань Сюйпэн

Доцент, Институт искусств и дизайна Хэйхэского
университета
yana_dex@mail.ru

COMPARATIVE STUDY OF CHINESE AND RUSSIAN DECORATIVE AND APPLIED ARTS

Yuan Xupeng

Summary: This article contains a comparative study of Chinese and Russian decorative and applied arts: embroidery, wood carvings, paper carvings, casting figures from burnt sugar. Conclusions are drawn: there are few similarities, but there are points of contact: art reflects the closeness of peoples to their native nature, the ability to see the beauty around them, the talent and inexhaustible imagination of people. In the process of decorative and applied art, a person acts as a subject of art perception, while at the same time being an object of its influence. The ultimate goal of the process of perceiving a work of art should be considered the formation of a person as an individual. Activities in the field of decorative and applied arts seem to us to be a system consisting of three elements: the artist's creativity, products of creativity or art, and artistic perception. At the same time, understanding the language of art is especially significant, since art may not fulfill its educational role if a person does not know how to see, feel and understand beauty; without developed visual perception, the formation of artistic taste is impossible.

Keywords: decorative and applied arts, embroidery, wood carving, paper cutting, figurine casting, culture, development.

Аннотация: В настоящей статье проведено сравнительное исследование китайского и русского декоративно-прикладного искусства: вышивки, вырезания по дереву, вырезания из бумаги, отливание фигурок из жжёного сахара. Сделаны выводы: схожего немного, но точки соприкосновения есть: в искусстве отражается близость народов к родной природе, умение видеть прекрасное вокруг себя, талант и неисчерпаемую фантазию людей. В процессе деятельности декоративно-прикладного искусства личность выступает в качестве субъекта восприятия искусства, одновременно являясь объектом его влияния. В качестве конечной цели процесса восприятия произведения искусства следует рассматривать формирование человека как личности. Сделаны выводы: деятельность в сфере декоративно-прикладного искусства нам представляется системой, состоящей из трех элементов: творчество художника, продукты творчества или искусства и художественное восприятие. При этом понимание языка искусства является особенно значимым, поскольку искусство может не выполнить своей воспитательной роли, если человек не умеет видеть, чувствовать и понимать прекрасное, без развитого визуального восприятия невозможно формирование художественного вкуса.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, вышивка, вырезание по дереву, вырезание из бумаги, отливание фигурок, культура, развитие.

Введение

Обращаясь к научным трудам С.И. Гессена, мы находим, что определяющим воздействием на формирование и развития личности следует считать воздействия, оказываемые социальными и природными факторами через её субъективность, т.е. в преломлении индивидуально обусловленных свойств и качеств человека. Таким образом, С.И. Гессен утверждает значимость деятельности, осуществляемой личностью в ходе решения сверхличных задач [1, стр. 132].

Таким образом, можно говорить о том, что в ходе становления личности, под влиянием различных по характеру ситуаций и обстоятельств, в процессе осуществления коммуникационных действий в рамках конкретного социума наблюдается развитие определенной, индивидуально обусловленной системы взглядов, убеждений, ценностей, что, в свою очередь, получает свое отражение в элементах декоративно-прикладного искусства.

Постановка проблемы

Декоративно – прикладное искусство – это значимое

направление самореализации личности, ее субъективной позиции в конкретный период времени.

Так, в исследованиях, осуществленных отечественным ученым Р.М. Асадуллиным под субъектной позицией понимается совокупность ценностных отношений личности и способов их реализации, которые в совокупности отражают уровень личностного развития человека [2, стр. 16-18]. С точки зрения Т.Ю. Большаковой исследуемое словосочетание следует рассматривать как личностно-переживаемую связь человека с окружающей его действительностью, которая находит своё отражение в различных видах деятельности, реализуемой в условиях конкретных жизненных ситуациях [3, стр. 123].

Важная роль в процессе становлении субъектной позиции личности принадлежит её внутренним субъективным характеристикам, среди которых можно выделить активность, возможность осуществления выбора и ответственность за него, способность к саморазвитию и самоопределению, к творчеству. По мнению автора многочисленных исследования Ф.И. Блиевой, субъективной можно считать только ту личность, которая проявляет свою активную, творческую позицию [4, стр. 123-129].

По утверждению Б.С. Братуся совокупность взаимоотношений человека с миром, людьми и с самим собой образуют некое единство и выступает в качестве основной сущности нравственной позиции человека [5].

Обсуждение

Китайское искусство оказывало заметное влияние на творчество художников СССР, поэтому вполне вероятно, что Вечтомов обратился к китайской традиции, пытаясь выйти за пределы соцреализма. «Подпись Дракона» стала экспериментальной работой для художника. Данная картина была сделана на картоне, на одном участке, быстро и в соответствии с китайской техникой мазка. Для Вечтомова было важно воссоздать метод и облик иностранного культурного менталитета, выйти за рамки принятых художественных приемов.

Русский художник Константин Кузнецов долго путешествовал по Алтайскому краю и был поражен новой для него природой и необычными оттенками земли и неба. Маленькие высокогорные облака напоминали ему облака в китайском изобразительном искусстве. В них он видел не декоративную технику, а явление природы. Художник сделал много рисунков гор с натуры, а также деревьев и цветов. Позже, мечтая объединить русское, европейское и китайское искусство, он изучал китайские руководства по живописи. Его творчество было направлено на синтез культуры, природных сил и человеческой личности.

Во многом традиционные виды китайского и русского искусства не похожи. Это объясняется различными природными условиями проживания этих народов, разной историей их развития. Для народов России и Китая характерны разные образы жизни, религиозное мировоззрение и, наконец, разные языки. Однако же, их объединяет то, что и в Китае, и в России с давних времён люди пытались украсить окружающий их мир, они стремились обычную вещь сделать не только практичной, но и красивой. Отсюда и в Китае, и в России существует множество видов декоративно-прикладного искусства.

В Китае многочисленные виды декоративно-прикладного искусства делятся на следующие категории:

- резьба (по дереву, по нефриту, по словной кости),
- работа по металлу,
- ткачество и вышивание,
- рисование и изготовление искусственных цветов,
- производство фарфора и керамики,
- лаковые изделия,
- вырезки из бумаги, цветные фонари, бумажные змеи, игрушки и другие народные ремесла.

В России к декоративно-прикладному искусству

относятся:

- роспись деревянной утвари, жестяных подносов,
- изготовление и роспись игрушек из дерева и глины,
- вышивание, вязание,
- резьба по дереву и камню, ткачество, чернение,
- работа по металлу и многое другое.

Попробуем найти точки соприкосновения во всём многообразии традиционных видов декоративно-прикладного искусства двух народов.

Вышивка. В Китае и в России давно существует этот вид искусства. В России чаще вышивки создавались с помощью красных, чёрных или синих ниток. Рисунки в большинстве случаев носят орнаментальный, характер с повторяющимися элементами. В Китае, напротив, вышивка делалась цветными шёлковыми нитями в несколько слоёв, что придавало картинам объём и реалистичность.

Вырезание по дереву. И русские, и китайские мастера добились в этом виде декоративно-прикладного искусства больших высот. Русский человек одевал в деревянные кружева дома и церкви. В Китае до сих пор делают удивительную резную мебель: диваны, кровати, столики для чайной церемонии.

Вырезание из бумаги. Сегодня в Китае этими яркими, воздушными картинками украшают окна и стены домов на Новый год. В России этот вид искусства появился сравнительно недавно, чуть более 100 лет назад, при этом он трансформировался: в России начали вырезать цветы, силуэты животных и людей из белой или цветной бумаги, а на Новый год традицией стало вырезать снежинки и также украшать ими окна и стены домов.

Фигурки из жжёного сахара. В России из жжёного сахара отливали фигурки петушков, курочек и других зверей на палочке и продавали на ярмарках в праздничные или базарные дни. В Китае это искусство довели до совершенства: мастера формировали с помощью небольшой ложечки и ножа ажурные сахарные кружева. Чаще всего они делали фигурки дракона или птицы феникса.

Таким образом, можно заключить, что русские художники рассматривали Китай как колодец, который полон новых художественных идей и техник, что в конечном итоге привело к тому, что русские художники начали писать картины либо с использованием китайских мотивов, либо путем заимствования техники мазка одной руки. Благодаря такой деятельности культурное наследие России заметно обогащается, а культурные контакты между Россией и Китаем продолжают расширяться.

Выводы

1. При сравнении разных видов традиционного

русского и китайского декоративно-прикладного искусства, видно, что схожего немного, но точки соприкосновения есть: в искусстве отражается близость народов к родной природе, умение видеть прекрасное вокруг себя, талант и неисчерпаемую фантазию людей. Стоит отметить, что и в китайском, и русском искусстве предпочитаемыми цветами были красный и золотой, хотя для китайского искусства в большей степени характерна естественность или сдержанность полутонов, что для русского искусства не характерно; для китайского традиционного искусства характерны утонченность и чрезмерная сложность или простота, а для русского – масштабность и монументальность. В любом случае, творчество и искусство призвано созидать, а значит, своей целью призвано обогащать мировую культуру и объединять людей.

2. В контексте сказанного, считаем возможным отметить, что поступательное развитие декоративно-прикладного искусства - высокий вклад в воспитание нового поколения, которое рассматривается в качестве одного из наиболее эффективных средств, поскольку именно с помощью искусства возможно сформировать разно-

ронную личность, способную сохранять и передавать культуру и традиции своего народа из поколения в поколение. В этой связи на передний план выходит необходимость более детального понимания спектра возможностей, предоставляемого искусством в системе культурно - образовательной деятельности.

3. В процессе деятельности декоративно-прикладного искусства личность выступает в качестве субъекта восприятия искусства, одновременно являясь объектом его влияния. В качестве конечной цели процесса восприятия произведения искусства следует рассматривать формирование человека как личности. Деятельность в сфере декоративно-прикладного искусства нам представляется системой, состоящей из трех элементов: творчество художника, продукты творчества или искусства и художественное восприятие. При этом понимание языка искусства является особенно значимым, поскольку искусство может не выполнить своей воспитательной роли, если человек не умеет видеть, чувствовать и понимать прекрасное, без развитого визуального восприятия невозможно формирование художественного вкуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессен В.М. Основы конституционного права. Изд. 2-е. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», типолитография товарищества А.Ф. Маркс, 1918. С. 132.
2. Асадуллин Р.М. Интеграция как новая форма сопряжения образования, науки и практики в регионе // Аккредитация в образовании. 2019. N 32. С. 16 - 18.
3. Большакова Татьяна Юрьевна. Интегративная художественная деятельность как средство формирования субъектной позиции личности в процессе дополнительного образования: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Большакова Татьяна Юрьевна; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова»]. - Кострома, 2016.- 202 с.
4. Блиева Фарида Ибрагимовна Структура профессиональной субъектной позиции будущего специалиста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2007. №3. С. 123-129.
5. Полякова В.Э. Охранное обязательство объекта культурного наследия <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?BASENODE=g19&req=doc&cacheid=9F2EF5E46BD7A4BBE2AF5C25604329B6&mode=searchcard&rnd=Qf1u7Q&base=CJl&n=116026#0uibZAUAT1HVXKYix> (Дата обращения: 15.04.2024 г.).

© Юань Сюйпэн (yana_dex@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИХ КОРРЕКЦИИ У СТУДЕНТОВ

THE STUDY OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS AND THE POSSIBILITIES OF THEIR CORRECTION IN STUDENTS

Yu. Buzykina

Summary: The article presents the results of a study of the socio-psychological characteristics of students. Positive dynamics in indicators of sociability, emotional stability, self-control, tension, personal orientation, interpersonal relationships due to corrective effects, including methods and techniques of art therapy, role-playing games, relaxation exercises, methods of increasing self-regulation and development of communication skills.

Keywords: socio-psychological characteristics, sociability, emotional stability, self-control, tension, personal orientation, interpersonal relationships, students.

Бузыкина Юлия Сергеевна

к. псих. н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
ylamart@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования социально-психологических характеристик у студентов. Выявлена положительная динамика в показателях общительности, эмоциональной устойчивости, самоконтроля, напряженности, личностной направленности, межличностных отношений вследствие коррекционного воздействия, включающего в себя методы и приемы арт-терапии, ролевые игры, релаксационные упражнения, методы повышения саморегуляции и развития коммуникативных навыков.

Ключевые слова: социально-психологические характеристики, общительность, эмоциональная устойчивость, самоконтроль, напряженность, личностная направленность, межличностные отношения, студенты.

Юношеский возраст, приходящийся на период студенчества, представляет собой важный этап становления личности, связанный с профессиональным самоопределением. Индивидуальные свойства личности, эмоционально-волевые состояния и психические процессы в студенческом возрасте переходят на новую, более высокую ступень развития самосознания. Для молодежи наступает период становления личности, как субъекта саморазвития, через обретение самостоятельности и ответственности при принятии решений. Происходит актуализация внутренних ресурсов, ориентированных на достижение значимых целей и реализацию планов.

Для оптимизации процесса профессионального самоопределения в том или ином направлении деятельности, а также повышения уровня самообразования молодежи, при организации учебной и воспитательной работы образовательных учреждений целесообразно рассмотреть основных социально-психологических характеристик студентов.

Для юношеского возраста характерны такие социально-психологические особенности, как: профессиональное самоопределение (при выборе профессии молодые люди стремятся реализовать творческое начало, но при их максимализме не всегда это подкреплено знаниями, опытом и умениями [5, с. 18]); целеполагание, построение планов на жизнь; реализация потребности в общении, в том числе межличностном взаимодействии

в группе; индивидуальные особенности: эмоциональная возбудимость, усиление субъективного контроля, самоуправление, развитие интеллекта, «открытие» своего внутреннего мира, переоценка своих возможностей, усложнение «Я-образа», самовыражение, что находит свое проявление в соотношении возрастных, статусных, индивидуальных особенностей и притязаний с требованиями общества [4, с. 11].

Поиск личностной идентичности Э. Эриксон рассматривал в качестве центральной задачи студенческого периода [6], когда происходит процесс осознания тождественности собственной личности. При этом человек отвечает на значимые вопросы о значимости своей роли и ее месте в данном обществе. На этапе освоения новых социальных ролей студенты стремятся к согласованию своих внутренних оценок с оценками окружающих.

В процессе развития самосознания студентов наиболее значимую роль играет социальный фактор, а именно общение, которое рассматривается, как социально-психологический феномен многогранного процесса восприятия, понимания и взаимодействия индивидов. Являясь структурным компонентом коммуникативной компетенции, общение способствует налаживанию сотрудничества, а также успешной социальной адаптации личности. Значимые сферы жизнедеятельности молодежи в студенческие годы определяют ценностно-смысловую доминанту их общения.

Осознание своей неповторимости и индивидуальности, открытие внутреннего мира, рост потребности в духовной близости с другими людьми, по мнению И.С. Кона, являются одними из особенностей юношеского периода [3, с. 184-187]. На основе этого могут возникать внутриличностные конфликты, возникающие из-за внутренней напряженности, и порождающие чувство одиночества, которое усиливает потребность в общении, одновременно повышая его избирательность.

Стремление принадлежать к определенной социальной группе, где происходит не только обмен информацией, но и эмоционально-чувственное общение, на основе которого складывается зависимость и ответственность в отношениях, является главной социальной особенностью студенческого возраста.

Важным фактором развития социальной группы является сплоченность. В процессе развития группы у студентов вырабатываются определенные нормы и правила, которые определяют социально-ролевые ожидания каждого отдельного члена группы. Это способствует пониманию и гармоничному функционированию группы [1]. При целостности студенческой группы она находится под социальным контролем, а внутри нее для каждого есть возможность проявить свою индивидуальность. Для установления межличностного и внутригруппового взаимодействия на основе нравственности и морали, а значит и усвоения норм общественной жизни, для студентов базовыми становятся такие понятия, как достоинство, гуманизм, толерантность и др.

Через анализ взаимосвязей, которые возникают в данной группе, и личностных особенностей каждого члена группы, учитывая которые, возможно развитие высоких показателей в самореализации и самосовершенствовании в профессии, следует рассматривать динамику развития студенческой группы.

Таким образом, решить задачу по коррекции социально-психологических характеристик у студентов возможно через формирование коммуникативных навыков, включающих в себя развитие способностей к общению и эффективному взаимодействию, а также снятие психоэмоционального напряжения и эмоциональной нестабильности, посредством внедрения активных форм обучения и проведения тренинговых занятий, включающих в себя творческий характер применяемых методов, и элементы соревновательности.

С целью изучения динамики личностной направленности, индивидуально-психологических характеристик, межличностных отношений студентов вследствие коррекционного воздействия, на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли уча-

стие 30 студентов в возрасте 18-20 лет.

В качестве основных методов были использованы констатирующий и формирующий эксперименты с применением следующих методик: «Методика диагностики направленности личности» Б. Басса (опросник Смекала-Кучера); «Методика диагностики межличностных отношений» Т. Лири; «Многофакторный личностный опросник» Р. Кеттелла.

В результате диагностики личностной направленности студентов с помощью методики Б. Басса было выявлено, что у 40% испытуемых преобладает направленность на общение и взаимодействие. У таких студентов выражена потребность в привязанности и эмоциональных контактах с людьми, возможна зависимость от группы, ориентированность на социальное одобрение. Как правило, у них хорошо развиты коммуникативные способности в сфере межличностных и деловых отношений, где они стремятся проявить себя.

Направленность на дело выявлена у 33,4% испытуемых, для которых характерна ориентация на сотрудничество с коллективом, заинтересованность в решении деловых проблем, способность к отстаиванию своего мнения. Они стремятся к овладению новыми умениями и навыками, увлечены процессом деятельности, могут творчески подходить к решению возникающих трудностей. Отдают предпочтение построению планов заранее.

Направленность на себя была выявлена у 26,6% испытуемых. Это студенты с преобладанием мотивов собственного благополучия, склонностью к соперничеству. Они заняты своими чувствами и переживаниями, в деятельности стремятся, прежде всего, к удовлетворению своих притязаний и амбиций. Склонны к агрессивности в достижении статуса. Стараются отделять личные интересы от коллективных, склонны к подозрительности и настороженности в отношении с другими, а также зависти к успехам других.

По результатам диагностики межличностных отношений по методике Т. Лири можно сказать, что для большинства испытуемых (62,3%) в сфере межличностных отношений характерно проявление агрессивно-конкурентной позиции, препятствующей сотрудничеству и успешности в совместной деятельности.

При установлении межличностных контактов у 37,7% испытуемых преобладает подчинение.

Стремление к сотрудничеству с окружающими выявлено у 56,7% студентов по выборке. 43,3% испытуемых по выборке проявляют агрессивную тенденцию при установлении отношений с другими людьми.

Так, по преобладающим типам межличностных отношений можно говорить о том, что по выборке у 30% испытуемых преобладает дружелюбный тип, для которого характерны зависимость от чужого мнения, склонность к кооперации, стремление к согласию с мнением окружающих, сознательная конформность, инициативность в достижении целей группы, потребность в признании, общительность, некоторая поверхностность увлечений при достаточно широком диапазоне интересов.

Следующими по частоте встречаемости по выборке являются зависимый (20%), авторитарный (16,7%) и эгоистический (16,7%) типы межличностных отношений.

Для зависимого типа характерна неуверенность в себе, конформность, тревожность, доверчивость, излишняя вежливость.

Для студентов с умеренной степенью выраженности авторитарного типа межличностных отношений характерна уверенность в себе, но не обязательно проявляющаяся в лидерстве, повышенный уровень притязаний, высокая активность, быстрота реакций, оптимистичность, мотивация достижения, тенденция к доминированию, легкость и быстрота при принятии решений.

Эгоистический тип межличностных отношений находит свое выражение в завышенном уровне притязаний, независимости, расчетливости, эгоцентричности. Такие студенты ведут себя несколько отчужденно по отношению к окружающим, но при этом стремятся переключать на них возникающие трудности в делах.

Для 10% испытуемых характерен агрессивный тип межличностных отношений, что проявляется в настойчивости, повышенном чувстве справедливости, доминировании у студентов упрямства, упорства в достижении целей, которое сочетается с убежденностью в своей правоте, а также ригидности установок, сочетающейся с высокой спонтанностью.

Наименьшая степень выраженности выявлена по выборке в подчиняемом типе межличностных отношений (6,7% студентов), что характеризует их, как скромных, робких, уступчивых, с интровертированной направленностью. При этом они эмоционально сдержанны, способны подчиняться, неуверенные в себе.

Альтруистического и подозрительного типов отношений в ходе диагностики выявлено не было. Это говорит о том, что для студентов по выборке не характерна эмоциональная вовлеченность, проявляющаяся в страдании и заботе, гибкость в контактах, ответственность по отношению к людям, деликатность и отзывчивость. Кроме того, испытуемым не достает критичности по отношению к социальным явлениям и окружающим

людям, они не испытывают трудностей при установлении межличностных контактов, не задумываются о том, как выглядят в глазах окружающих.

В результате диагностики у студентов уровня общительности, эмоциональной устойчивости, самостоятельности, самоконтроля и напряженности по личностному опроснику Р. Кеттелла было выявлено, что по выборке у студентов преобладает средний уровень выраженности по данным показателям.

По результатам диагностирующего эксперимента были сформированы экспериментальная и контрольная группы, в которые вошли по 10 человек с различными типами направленности и соответствующими ей характеристиками межличностных отношений.

С целью коррекции социально-психологических характеристик у студентов был разработан тренинг, направленный на развитие коммуникативных навыков, повышение саморегуляции, уровня социальной адаптации, улучшение межличностного взаимодействия у студентов, и включающий в себя ролевые игры, дискуссии, методы арт-терапии, релаксационные упражнения [2].

Тренинговая программа была рассчитана на 10 занятий; режим занятий – 2 раза в неделю по 80-90 мин.

После реализации коррекционной программы была проведена повторная диагностика в экспериментальной и контрольной группах.

По итогам математико-статистической обработки данных с помощью критерия U-Манна-Уитни были установлены изменения в следующих показателях:

- на уровне тенденции изменилась направленность «на себя» в сторону личностной направленности «на общение» (50% по выборке) и «на дело» (40% по выборке) ($U_{ЭМП} = 27$ при $p \leq 0,05$);
- у испытуемых с ориентацией «на себя» эгоистический тип ($U_{ЭМП} = 26$ при $p \leq 0,05$) межличностных отношений изменился на дружелюбный тип (40% по выборке) с ориентацией «на дело», а также с агрессивного типа ($U_{ЭМП} = 24$ при $p \leq 0,05$) на дружелюбный тип с ориентацией «на общение» ($U_{ЭМП} = 17,5$ при $p \leq 0,01$);
- повысился уровень общительности ($U_{ЭМП} = 26$ при $p \leq 0,05$), эмоциональной устойчивости ($U_{ЭМП} = 10,5$ при $p \leq 0,01$), самоконтроля ($U_{ЭМП} = 20,5$ при $p \leq 0,05$);
- снизился уровень напряженности (у 30% с высокого до среднего уровня) ($U_{ЭМП} = 17$ при $p \leq 0,01$).

На основании полученных данных можно дать следующую характеристику студентов с разной личностной направленностью.

Так, для студентов с направленностью на общение и взаимодействие (50% по выборке) характерны следующие аспекты межличностных отношений:

- преобладание зависимого типа отношений, находящего выражение в конформности, неуверенности в себе, тревожности, доверчивости, вежливости, постоянно нуждаются в советах, поддержке и одобрении окружающих; такие студенты имеют небольшой круг близких по интересам друзей, с которыми чувствуют себя комфортно;
- тенденция к аффилиации, т.е. потребность в групповом признании и уважении через построение хороших отношений с коллегами, подчиняемый тип межличностных отношений; характерно сохранение эмоционального равновесия, преимущественно, в привычной для них обстановке;
- дружелюбный тип отношений, для которого характерны такие личностные характеристики, как зависимость от чужого мнения, стремление к согласию с окружающими; отличаются невозмутимостью, удовлетворены любым положением дел, не стремятся к достижениям.

Для студентов с направленностью на дело (40% по выборке), в большей степени, характерны:

- ориентация на сотрудничество, способность отстаивать собственное мнение и точку зрения, которую они считают полезной для выполнения поставленной задачи, в интересах дела;
- стремление к достижению успеха, преобладание дружелюбного типа отношений, что выражается в склонности к кооперации и стремлении к согласию с мнением окружающих;
- эгоистический тип межличностных отношений выражается у них в навязывании другим людям предпочтительных для себя решений;
- при их стремлении к удовлетворению нужд коллектива, настойчивости и повышенном чувстве справедливости, упорстве в достижении целей, им свойственны авторитарный и агрессивный типы межличностных отношений;
- по личностным характеристикам у студентов преобладает средний с тенденцией к высокому уровню напряженности, общительности; им свойственно следовать общественному мнению, проявляя при этом предприимчивость; они ответственные, организованные, проявляют настой-

чивость, прежде всего, в ситуациях, где чувствуют себя комфортно; для них характерно сохранение эмоционального равновесия, однако, при высокой эмоциональной чувствительности эмоции превращаются в основной регулятор поведения и взаимоотношений с людьми.

Для студентов с доминирующей направленностью на себя (10% по выборке) характерно стремление к власти и следующие аспекты межличностных отношений:

- проявление доминирования, препятствующего сотрудничеству и успешности в совместной деятельности, а также проявление агрессивной тенденции при установлении отношений с другими людьми. Для большинства таких студентов при установлении межличностных отношений характерно проявление расчетливости, независимости, эгоцентричности;
- авторитарный тип межличностных отношений находит свое выражение в завышенном уровне притязаний, чувстве превосходства, конкуренции и при этом выраженной мотивации к достижению;
- разделение интересов на «групповые» и «личные», склонность к настороженности и подозрительности по отношению к другим, зависть к успехам окружающих;
- по личностным характеристикам у студентов с доминирующей направленностью на себя преобладают высокие показатели самостоятельности, самоконтроля и напряженности в сочетании с высокой эмоциональной чувствительностью и неустойчивостью, преобладанием пониженного настроения, раздражительности, нетерпимости к критике.

Таким образом, гипотеза о том, что коррекционная программа, включающая в себя методы и приемы арт-терапии, ролевые игры, релаксационные упражнения, способствует повышению саморегуляции, развитию коммуникативных навыков, улучшению межличностного взаимодействия у студентов, нашла свое подтверждение.

Полученные результаты могут применяться в деятельности педагога-психолога, направленной на развитие коммуникативных способностей и навыков эффективного общения в студенческой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянская Т.Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-studencheskogo-vozrasta/viewer> (дата обращения: 17.06.2024).
2. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники: Учебное пособие. – М.: Издательство «Ось – 89», 2005. – 256 с.
3. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 2009. – 255 с.
4. Мясичев В.Н. Психология отношений / под ред. А.А. Бодалева. – М.: Институт практической психологии. – Воронеж: НПО МОДЭК, 1995. – 356 с.

5. Резниченко М.Г. Введение в педагогическую деятельность: учеб. пособие для студентов факультета начального образования. – Самара: Издательство СГПУ, 2003. – 132 с.
 6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Университетская книга. – 1996. – 344 с.
-

© Бузыкина Юлия Сергеевна (ylamart@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИОНИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ И МОДЕЛЕЙ ЦЕННОСТЕЙ ПО М. РОКИЧУ И Ш. ШВАРЦУ

Кузнецова Ирина Игоревна

Независимый исследователь

serenity86@bk.ru

RESEARCH OF SOCIONIC CHARACTERISTICS "PRUDENCE – DECISION"

I. Kuznetsova

Summary: The goal of the empirical research is to test the existing hypotheses in socionics related to values. The study examines the results of a correlation analysis of terminal values according to M. Rokeach with socionic indicators. Factor analysis of Rokeach values and correlation analysis of factors with socionic indicators were also conducted. Additionally, the article presents the results of a correlation analysis of socionic indicators with values according to Sh. Schwartz. The results of the studies refuted the most common hypothesis about the connection between values and verbal functions and quadras, while I. Beletskaya's hypothesis was found to be closest to the research results. The obtained results also allow for the refinement of descriptions of socionic indicators and the formulation of definitions for previously unexplored socionic indicators, which will enable practicing specialists using socionic methods to rely on verified hypotheses.

Keywords: socionics, values, Terminal Values, Instrumental Values, Rokeach Value Survey, Schwartz Universal values, quadras.

Аннотация: Цель эмпирического исследования – проверка существующих в соционике гипотез, связанных с ценностями. В работе рассмотрены результаты корреляционного анализа интегральных ценностей по М. Рокичу с соционическими признаками. Также был проведен факторный анализ ценностей по М. Рокичу и корреляционный анализ факторов с соционическими признаками. Также в статье рассмотрены результаты корреляционного анализа соционических признаков с ценностями по Ш.Шварцу. В результате исследований опровергнута наиболее распространенная гипотеза о связи ценностей с вербальными функциями и квадрами, а гипотеза И.Белецкой наиболее приближенная к результатам исследований. Также полученные результаты позволяют уточнить описания соционических признаков, и сформулировать определения для неизученных ранее соционических признаков, что позволит практикующим специалистам, использующим соционические методы, опираться на проверенные гипотезы.

Ключевые слова: соционика, ценности, терминальные ценности, инструментальные ценности, система ценностей Рокича, система ценностей Шварца, квадры.

Введение

Изучение темы ценностных ориентаций представляется очень важной. Поскольку ценности являются одним из основополагающих субъективных компонентов личности. Именно на их основе человек или группа формирует свое поведение, удовлетворяет потребности, ориентируется при принятии решений. Ценности являются базисом для самоопределения, самореализации, смысла жизни. Кроме того, ценности могут функционировать как объективные регуляторы социального поведения. Термины «ценность» и «ценностные ориентации» встречаются в различных социальных и гуманитарных науках – психологии, социологии, культурологии, политологии, философии, антропологии и других. Психологические теории интерпретируют ценности как черты, мотивы, установки, жизненные цели, каузальные атрибуции, убеждения, ожидания, намерения, модели поведения, сосредоточение интересов и желаний, и т.д. [1].

Анализ источников и существующих гипотез

Свое отражение тема ценностей нашла и в такой типологической концепции, как соционика. Рассмотрим,

как же понимаются ценностные ориентиры в данной типологии наиболее авторитетными исследователями.

Традиционно ценности в соционике рассматриваются в рамках квадральных ценностей. Основательница типологии А.Аугустинавичюте в своей работе [2] прямо не пишет, что для людей-носителей различных типов характерны какие-либо предпочтения на уровне ценностей. Однако она отмечает особое отношение к функциям вербальных блоков: «Вербальные блоки «озвучивают проблемы. Коллективные обсуждения и очень осторожная индивидуальная активность, дотошное избегание ошибок. Все, обсуждая и вышучивая, стараются всевозможные ошибки испробовать на вербальном уровне...» [2].

В дальнейшем большинство исследователей соционики стали рассматривать ценности именно через призму вербальных блоков модели А, иначе эти ценности можно назвать квадральными, поскольку именно функции вербальных блоков выстраиваются на признаках, которые определяют принадлежность типа к той или иной квадре.

В.В. Гуленко в своей работе [3] рассматривает цен-

ности, как фундамент культуры, как ценностно-идеологическую базу сообществ людей. Выявляя ценности каждой квадры, автор основывается на таких признаках, как «рассудительность / решительность», «субъективизм / объективизм» и «демократия / аристократия», рассматривает социально-экономический и духовно-психологический аспекты. Обобщив, можно выделить следующие ценности для каждой квадры:

АЛЬФА (рассудительность, субъективизм и демократия): экономика семейного типа, авторитет старших по возрасту, отсутствие необходимости в государственном аппарате, отсутствие наказания и силовых принуждений, «умеренный индивидуализм», семья, познание мира на основе любопытства, открытость и доверчивость, трудолюбие.

БЕТА (решительность, субъективизм и аристократия): национализм, патриархат, максимальный коллективизм, романтизм, героизм, самоотверженность, пассионарность, справедливость, «идеологическая система точных ценностей».

ГАММА (решительность, объективизм и демократия): свободная рыночная экономика, общество потребления, динамизация общественной жизни, «все против всех», индивидуализм, эгоизм, «деньги – главный товар», независимость, прагматизм (то, что приносит пользу), либерализм (свобода выбора), гедонистически-потребительская мораль, постмодернизм (смешение жанров и стирание границ).

ДЕЛЬТА (рассудительность, объективизм и аристократия): корпоративная общественная собственность, меритократия (власть у старейшин), экологическое общество (проживание в пригороде, ПГТ), гуманизм, нравственные чувства человека, религия в форме неоязычества, умеренный коллективизм (малые и средние коллективы, объединенные одной целью), «гуманистический идеализм» по Э.Фромму (быть, а не иметь).

Отмечает В.В. Гуленко и такое метафорическое понятие, как дух квадры, об это подробнее будет написано ниже.

Т.Н. Прокофьева [4] рассматривает ценности квадры с целью решения вопроса о комфортном общении и взаимодействии с людьми. Предполагается, что только в своей квадре человека принимают таким, какой он есть, ценят за сильные стороны и не корят за слабые. Автор подчеркивает, что главные ценности заключаются в функциях вербальных блоков модели А, а функции лабораторных блоков являются вытесненными. Выглядят ценности следующим образом:

АЛЬФА (рассудительность, субъективизм и демократия): возможности, порядок, комфорт, эмоции. Гуманизм и радость жизни, идеи, свобода, полет фантазии, универсальные законы. Больше ценится возвышенное, не земное, чем конкретный результат и деньги. Новые замыслы, то, чего не было раньше. Развитие способностей и возможностей

БЕТА (решительность, субъективизм и аристократия): эмоции, порядок, планы, стратегия, тактика, мобилизованность, захват. Воля и разум, государственность, патриотизм, иерархия, энтузиазм, коллективизм. Активные действия. Дисциплина, система, армейская культура, внедрение идей в производство. Нет невыполнимых заданий. Уравниловка.

ГАММА (решительность, объективизм и демократия): работа, бизнес, деньги. Зубастость, агрессия. Крайний индивидуализм. Буря и натиск. Перестройки, перемены. Ревизия. Проверка. Контроль. Переделка. Перевороты, перестройки. Свободное предпринимательство. Все необычное, декаданс: любовь и смерть рука об руку, утонченность, ужасики, страшилки.

ДЕЛЬТА (рассудительность, объективизм и аристократия): тепло родного дома, единство с природой, комфорт, профессионализм, иерархия, клановость, семейственность. На работе родственные связи. Семья, забота. Глубокое проникновение в специальность, налаженное производство. Передают мастерство, технологии. Развивают потенциал, таланты. Все земное. Цветущая земля, природа. Стабильность. Все для блага человека. Накормят и приставят к делу, дадут работу по возможностям. Крестьянский уклад, уклад деревни. Бабушки рассказывают сказки внукам.

А. Митрохина [6] в своем учебнике по общей социологии рассматривает ценности, как элементы информационного метаболизма, которые представляют для каждого типа особую, безусловную значимость вне зависимости от воспитания и конкретного информационного наполнения. Также, как и другие соционики, автор ставит в зависимость эти элементы от признаков квадры: «Ценности квадры – четыре аспекта, входящие в вербальные блоки типов ИМ, образующих одну квадру. Информация по этим аспектам, равно как и ее отсутствие, для этих ТИМов чрезвычайно важна и значима». А. Митрохина утверждает, что ценности квадры представляют собой ось сознания и подсознания, определяют целостность личности типа ИМ. Суть квадральных ценностей А. Митрохина описывает через метафору духа квадры. К слову, данную символическую картину когда-то предложил В.В. Гуленко [3], В.В. Мегедь и А.А. Овчаров [7], А.В. Букалов [8]. Дух квадры определяется теми аспектами, которые образуют вербальные блоки модели А. Функции этих блогов формируют представления о мире, определяют сферы деятельности, психологические предпочтения и переживания, темы шуток и разговоров и т.д.

Ссылаясь на А.В. Букалова [8] автор выделяет следующие ценности:

АЛЬФА (рассудительность, субъективизм и демократия): перспективные идеи, поиск нового и интересного; глобальная структурная логика, уверенные законы, которые правят миром; положительные ощущения, комфорт; уход от отрицательных эмоций, мягкая, непринуж-

денная обстановка.

БЕТА (решительность, субъективизм и аристократия): разнообразные проявления эмоций, драматизм и накал переживаний; ощущение историчности происходящих событий, предчувствие возможных опасностей, мобилизованность в экстремальных ситуациях, иерархическая система, дисциплина, порядок; сила воли, стойкость, решительность, негибкость.

ГАММА (решительность, объективизм и демократия): отстаивание своей позиции, противодействие, способность дать отпор; неприятие зла, нравственная чистота; продвижение вперед, отменяя все устаревшее, критикуя прошлые ошибки и заблуждения; деловая логика риска и предпринимательства.

ДЕЛЬТА (рассудительность, объективизм и аристократия): логика потребления и рационального использования имеющихся ресурсов; уход от дискомфорта, хорошие условия жизни, качество и добротность; хорошие отношения, гуманизм, прощение; тайна окружающего мира, раскрытие талантов и способностей людей.

Таблица 1.

Метафоры духа квадр (кратко).

Квадры	Типы информации вербальных блоков	Метафоры духа квадр	
		по Гуленко	по Мегедь и Овчарову
АЛЬФА	ЧИ, БЛ, ЧЭ, БС	Воздух, Весна	Утро, Детство
БЕТА	ЧС, БЛ, ЧЭ, БИ	Огонь, Лето	День, Молодость
ГАММА	ЧС, БЭ, ЧЛ, БИ	Вода, Осень	Вечер, Зрелость
ДЕЛЬТА	ЧИ, БЭ, ЧЛ, БС	Земля, Зима	Ночь, Старость

Интересен подход И.Е. Белецкой [5]. Здесь ценности рассматриваются, как персональные. По мнения автора, они, как мотиваторы к деятельности, призваны ответить на вопросы: Ради чего? Чего я хочу? Их проживание делают жизнь человека хорошей, а осознание дает энергию. Персональные ценности противопоставляются декларируемым.

В своей статье о соционических ценностях [5] в карьерном консультировании И.Е. Белецкая особенно отмечает, что первоначально в качестве персональных ценностей сотрудники Центра использовали только квадратные ценности, однако позже выяснилось, что ценности конкретных людей-представителей ТИМов гораздо шире и большинство из них дополнительно зависят от таких соционических признаков, как: экстраверсия-интроверсия, процесс-результат, позитивизм-негативизм, рациональность-иррациональность, статика-динамика, беспечность-предусмотрительность, интуиция-сенсорика, тактика-стратегия, уступчивость-упрямство. В статье [5] автор приводит таблицу с ценностями для каждого признака. Например, для экстравертов характерен масштаб, охват, признание, быть увиденным, а для интроверта – гармония, он сам и его творчество; для бес-

печных – новизна, инновационность, а для предусмотрительных – опора на опыт; для уступчивых – ресурсы и деньги, а для упрямых – персональные ценности; для рассудительных – гармония, отдых, расслабление, разнообразие ощущений, а для решительных – скорость, включенность, напряжение, преодоление и т.д. (более подробно можно ознакомиться в работе автора).

Кроме того, И.Е. Белецкая отдельно выделяет группы ценностей, которые, по мнению автора, формируются на основе признаков малой группы (клубы) – логика – этика, сенсорика – интуиция, демократия – аристократия. Объясняется это тем, что отдельно признаки логика – этика не формируют ценности, однако в сочетании с другими признаками дает устойчивую направленность ценностных ориентаций:

ИССЛЕДОВАТЕЛИ (интуитивные логики – демократы) – ценность знания как такового;

УПРАВЛЕНЦЫ (сенсорные логики – аристократы) – порядок, последовательность, устойчивость, ответственность;

ГУМАНИТАРИИ (интуитивные этики – аристократы) – человечность, гуманизм, ценностей идей;

СОЦИАЛЫ (сенсорные этики – демократы) – клиентоориентированность как понимание и направленность на удовлетворение потребностей конкретных людей.

Есть и другие исследователи, которые в своих работах затрагивают тему ценностей, но так или иначе общая суть большинства сводится к приравниванию ценностей конкретного типа к ценностям квадр, к которой тип принадлежит. Напомним, что соционическими признаками, на основании которых строятся квадр, являются «рассудительность / решительность», «субъективизм / объективизм», «демократия / аристократия». Но насколько важными являются указанные признаки для ценностных ориентаций конкретного представителя соционического типа? Существуют ли иные признаки, оказывающее наибольшее влияние на формирование ценностей того или иного типа? Для ответа на эти и другие вопросы обратимся к психологии и с помощью эмпирических исследований уточним, какие соционические признаки имеют наибольший вес при формировании ценностей.

Материалы и методы исследований

Итак, в исследованиях того, какие соционические признаки будут являться наиболее значимыми при формировании ценностей личности, были использованы две методики изучения ценностных ориентаций: методика М. Рокича «Ценностные ориентации» и методика Ш. Шварца «Ценностный опросник».

Методика изучения ценностных ориентаций Рокича позволяет получить информацию о системе целей жизни человека. Автор выделяет два типа ценностей: терми-

нальные и инструментальные (всего 36 ценностей).[9]

Терминальные — убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться (ценности-цели).

Инструментальные — убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации (ценности-средства). (Таб. 2., 3.)

Респонденту предъявляются два списка ценностей (по 18 в каждом), которые он распределяет по порядку значимости для него.

Методика Шварца строится на теории базовых ценностей. Сам автор считал, что наиболее существенный содержательный аспект, лежащий в основе различий между ценностями, — это тип мотивационных целей, которые они выражают. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности (всего он выделял 56 ценностей) в типы ценностей в соответствии с общностью их целей.

Ш. Шварц выделяет 19 ценностей и располагает их на круговой диаграмме (континууме) (рисунок 1): смежные ценности являются наиболее совместимыми, а противоположные находятся в наибольшем конфликте друг с другом [10]. (Таб. 4., Рис. 1.)

Результаты исследования модели ценностей по Рокичу

Для начала рассмотрим результаты исследования по методике Рокича. Исследования проводились среди клиентов НИЦ «Соционического анализа». Выборка составила 95 человек. Из них 27,4% мужчин и 72,6% женщин. Средний возраст – 29,9 лет (максимум – 52, минимум –18 лет). Распределение участников исследования по типам личности представлено на рисунке 1. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 5.

Поскольку отдельных ценностей довольно много, в данной работе будут рассмотрены группы ценностей и их корреляция с соционическими признаками. В таблице представлены только те признаки, которые показали

Таблица 2.

Группировка терминальных ценностей по М. Рокичу.

АБСТРАКТНЫЕ	КОНКРЕТНЫЕ	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ	ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ
Жизненная мудрость	Активная деятельная жизнь	Активная деятельная жизнь	Любовь
Красота природы и искусства	Здоровье	Интересная работа	Наличие хороших и верных друзей
Любовь	Интересная работа	Общественное признание	Свобода
Познание	Материально обеспеченная жизнь	Продуктивная жизнь	Счастливая семейная жизнь
Развитие	Наличие хороших и верных друзей	Развитие	Удовольствия
Свобода	Общественное признание		
Счастье других	Продуктивная жизнь		
Творчество	Счастливая семейная жизнь		
Уверенность в себе	Удовольствия		

Таблица 3.

Группировка инструментальных ценностей по М. Рокичу.

ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ	ЦЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ	ЦЕННОСТИ ДЕЛА	ИНДИВИДУАЛИСТИ-ЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
Ответственность	Воспитанность	Аккуратность	Независимость
Высокие запросы	Жизнерадостность	Исполнительность	Непримиримость к недостаткам
Независимость	Непримиримость к недостаткам	Образованность	Рационализм
Самоконтроль	Терпимость	Рационализм	Смелость в отстаивании своего мнения
Широта взглядов	Чуткость	Смелость в отстаивании своего мнения	Твердая воля
	Честность	Твердая воля	
		Эффективность в делах	
КОНФОРМИСТСКИЕ ЦЕННОСТИ	АЛЬТРУИСТИ-ЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ	ЦЕННОСТИ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ	ЦЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ДРУГИХ
Воспитанность	Терпимость	Высокие запросы	Самоконтроль
Самоконтроль	Чуткость	Независимость	Терпимость
Широта взглядов		Непримиримость к недостаткам	Чуткость
		Образованность	Широта взглядов
		Смелость в отстаивании своего мнения	Честность
		Твердая воля	
		Эффективность в делах	

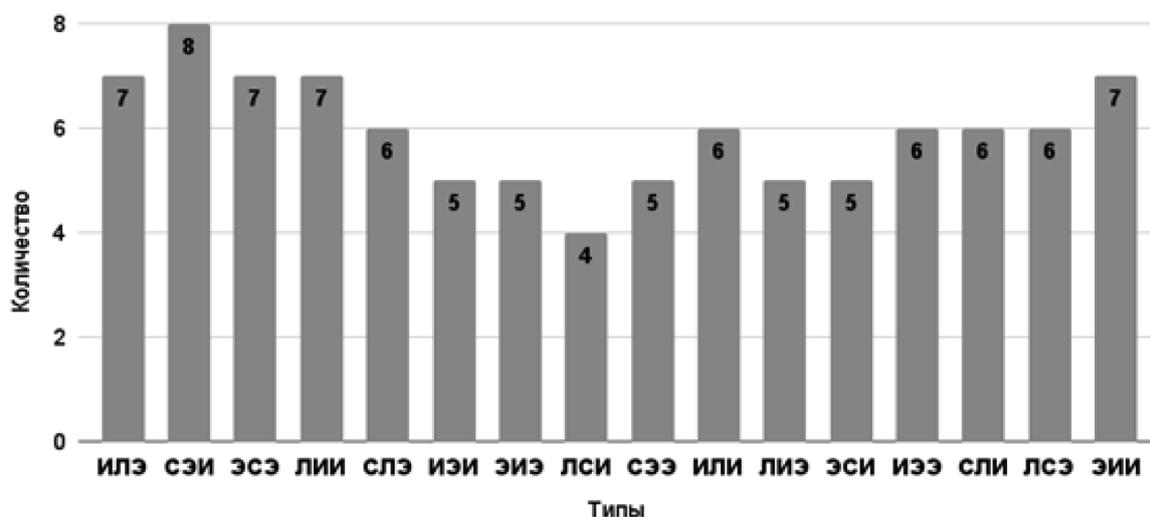

Рис. 2. Распределение испытуемых по типам личности

Таблица 5.

Результаты корреляционного анализа между соционическими признаками и ценностями по М. Рокичу.

		Интуиция / сенсорика	Логика / Этика	Беспеч- ность / Предусмот.	Тактика / Стратегия	Позитивизм / Негати- визм	Рассудитель- ность / Реши- тельность	Процесс / Результат	Квестимность / Деклатим- ность
Конкретные ценности	Корр.	-0,223	0,043	-0,006	-0,274	-0,074	-0,129	-0,128	0,085
	Знач.	0,03	0,676	0,956	0,007	0,474	0,212	0,218	0,414
Абстрактные ценности	Корр.	0,223	-0,043	0,006	0,274	0,074	0,129	0,128	-0,085
	Знач.	0,03	0,676	0,956	0,007	0,474	0,212	0,218	0,414
Профсамореализация	Корр.	-0,009	0,131	-0,021	-0,046	-0,059	-0,132	0,149	0,132
	Знач.	0,931	0,206	0,843	0,661	0,567	0,202	0,149	0,204
Личная жизнь	Корр.	-0,075	-0,114	-0,014	-0,09	-0,084	0,088	-0,277	-0,063
	Знач.	0,468	0,271	0,89	0,384	0,418	0,398	0,006	0,547
Этические ценности	Корр.	-0,002	0,036	0,101	0,01	0,042	0,241	-0,087	0,011
	Знач.	0,984	0,731	0,328	0,924	0,688	0,019	0,404	0,914
Ценности общения	Корр.	0,009	-0,245	-0,199	0,123	-0,012	0,086	0,15	-0,191
	Знач.	0,933	0,017	0,053	0,236	0,909	0,407	0,148	0,064
Ценности дела	Корр.	-0,008	0,247	0,152	-0,143	-0,015	-0,260	-0,107	0,204
	Знач.	0,942	0,016	0,142	0,167	0,883	0,011	0,303	0,047
Индивидуалистические ценности	Корр.	-0,03	0,257	0,18	-0,101	0,095	-0,066	-0,128	0,062
	Знач.	0,773	0,012	0,081	0,332	0,361	0,525	0,215	0,552
Конформистические ценности	Корр.	0,099	-0,163	0,027	0,04	-0,205	0,129	0,164	-0,019
	Знач.	0,339	0,114	0,792	0,701	0,046	0,212	0,111	0,854
Альтруистические ценности	Корр.	0,088	-0,2	-0,13	0,172	0,142	0,154	0,113	-0,209
	Знач.	0,395	0,052	0,208	0,096	0,169	0,137	0,276	0,042
Ценности самоутверждения	Корр.	-0,024	0,12	0,284	-0,04	0,07	-0,106	-0,089	0,177
	Знач.	0,819	0,246	0,005	0,7	0,503	0,305	0,392	0,085
Ценности принятия других	Корр.	0,103	-0,187	-0,105	0,206	0,008	0,111	0,255	-0,221
	Знач.	0,32	0,069	0,313	0,045	0,936	0,282	0,013	0,032

статистически-значимые значения корреляции (выделены заливкой и жирным) с ценностями.

Среди конкретных ценностей, отмеченных респондентами, на первый план выходят здоровье и материальная обеспеченность. Эта группа ценностей ожидаемо коррелирует с соционическими признаками «сенсорика» и «стратегия». «Сенсорики» в своем познании ориентируются на органы чувств, им легче управлять материальными объектами. «Стратеги» отличаются дотошностью в восприятии материального мира. «Сенсорики-стратеги» – это люди с конкретным типом восприятия окружающего мира. [12] «Сенсорики» более приземленные и прагматичные люди, ценящие конкретное, материальное, что подтверждается данной корреляцией.

Абстрактные ценности включают в себя любовь, познание, свободу, счастье других, творчество, развитие, искусство и т.д. и коррелируют с соционическими признаками «интуиция» и «тактика». «Интуиты» обладают доминирующим образным восприятием, у них лучше может быть развито воображение, «тактики» дотошны в смыслах, идеях. «Интуиты-тактики» обладают образным типом восприятия, что позволяет им детально и качественно погрузиться в суть этих ценностей [12], им более важна идейная составляющая дела, они легче относятся к материальной стороне вопроса [16]. Вероятность того, именно эти типы людей будут больше ценить абстрактные ценности, большая, что подтверждается данной корреляцией.

Ценности личной жизни включают такие категории, как любовь, друзья, свобода, семья и имеют высокую степень корреляции с соционическим признаком «результат». Данный признак пока недостаточно изучен, а соционические трактовки ничем не подтверждены.

Группа этических ценностей (чувство долга, умение держать свое слово, сдержанность, уважение к иным вкусам, обычаям, привычкам, высокие требования к жизни и другие) нашла корреляцию с соционическим признаком «рассудительность». «Рассудительность» – социальная установка на открытость личности к миру [13].

Ценности общения, в которые входят воспитанность, жизнерадостность, честность, чуткость, любовь, друзья и т.д. коррелируют с соционическим полюсом «этика». «Этики», согласно исследованиям, имеют задатки к качественной обработке информации об эмоциональных процессах мышлением человека: настроения людей, их чувства, переживания, ценности, мотивы их поведения. [14] Данная корреляция подтверждает наполнение полюса «этика».

С соционическими признаками «логика», «решительность» и «квестимность» (в меньшей степени) коррелирует группа ценностей дела, а именно рационализм с «логикой» (высокий показатель), эффективность в делах

с «решительностью», образованность и продуктивная жизнь высокую корреляцию с «квестимностью». Кроме того, с полюсом «логика» коррелируют индивидуалистические ценности, в которые входит рационализм. «Логики» имеют задатки к качественной обработке информации о структурах, схемах, системах, методах (абстрактные результаты мышления) [14]. То, что «логики» склонны к принятию решений на основе логического анализа и расчета, однозначно подтверждается данным исследованием. «Решительность» – социальная установка на закрытость личности к миру [13]. Признак «квестимность» имеет взаимосвязь с фактором «подозрительность» модели BIG5 и вертикальным индивидуализмом по Триандису (высокий социальный статус и конкуренция с другими) [16]. Таким образом, «логики-решительные-квестимы» – это люди, максимально настроенные на продуктивность в делах, достижения и конкуренцию с другими. Типов, которые полностью сочетают в себе эти три признака, нет. Поэтому можно предположить, что для одних «логиков» продуктивность в делах усиливается «решительностью» (СЛЭ, ЛСИ, ЛИЭ, ИЛИ), для других – «квестимностью» (ЛИИ, ИЛЭ, ЛСЭ, СЛИ).

Конформистические ценности (терпимость, умение понять чужую точку зрения, воспитанность) находят корреляцию с соционическим признаком «негативизм». Данный признак находится на стадии изучения, трактовки ничем не подтверждены.

Альтруистические ценности (счастье других, терпимость ко взглядам других, чуткость) коррелируют с соционическим признаком «деклатимность». Полюс «деклатимность» в соционике – это полюс, который имеет обратную корреляцию с «квестимностью», т.е. верой в конкурентный мир [16]. Как следствие «деклатимы» более доброжелательны и благожелательны, поскольку в их представлении мир таков, где не нужно конкурировать с другими. Данная корреляция полностью подтверждает исследования о наполнении признака «деклатимность».

Между ценностями самоутверждения (высокие запросы, требования к жизни, умение настоять на своем) и соционическим признаком «беспечность» выявлена высокая корреляция. Людям с полюсом «беспечность» свойственна неготовность отказаться от поиска впечатлений, они обладают ригидной позицией в вопросах комфорта и удобств [14].

Найдена корреляция между ценностями принятия других (самоконтроль, терпимость, чуткость, широта взглядов, честность) и признаками «тактика», «процесс» и «деклатимность». Как уже отмечалось ранее «тактики» стремятся к детальному погружению в абстрактную информацию (идеи, образы, смыслы), «деклатимы» терпимы к другим людям, не видят в них конкурентов. Признак «процесс» в настоящее время недостаточно изучен,

однако в данной группе ценностей он присутствует, поэтому игнорировать его не стоит. В соционике всего два типа, которые отвечают трем параметрам: ЛСИ, ИЛИ.

с использованием метода главных компонент и последующим варимакс-вращением. В результате анализа были получены 2 фактора. Результаты корреляционного анализа факторов с признаками приведены в таблицах 6 и 7.

Также был проведен факторный анализ ценностей

Таблица 6.

Результаты факторного анализа ценностей М. Рокича.

Ф	Пр.	Ценности	
ФАКТОР 1	Квестимость	Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)	0,554
		Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	0,53
		Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных проблем)	0,396
		Исполнительность (дисциплинированность)	0,39
		Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, коллег)	0,378
		Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	0,367
		Непримиримость к недостаткам в себе и других	0,365
		Жизнерадостность (оптимизм, чувство юмора)	-0,33
		Честность (правдивость, искренность)	-0,401
		Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	-0,433
		Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	-0,582
		Чуткость (заботливость)	-0,675
		Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)	-0,742
ФАКТОР 2		Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	0,55
		Смелость в отстаивании своего мнения	0,438
		Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые благодаря жизненному опыту)	0,403
		Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	0,343
		Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	0,334
		Творчество (возможность заниматься творчеством)	0,326
		Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	0,315
		Воспитанность (хорошие манеры, умение вести себя в соответствии с нормами культуры поведения)	-0,39
		Наличие хороших и верных друзей	-0,416
		Счастливая семейная жизнь	-0,479
		Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных проблем)	-0,518
		Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	
ФАКТОР 3	Предусмотрительность, Рациональность, Логика	Интересная работа	0,443
		Исполнительность (дисциплинированность)	0,437
		Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)	0,437
		Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые благодаря жизненному опыту)	0,39
		Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	0,375
		Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	0,354
		Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	-0,316
		Смелость в отстаивании своего мнения	-0,397
		Творчество (возможность заниматься творчеством)	-0,397
		Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)	-0,488
		Удовольствия (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей, развлечения)	-0,493

Ф	Пр.	Ценности	
ФАКТОР 4	Решительность, Интроверсия	Честность (правдивость, искренность)	0,521
		Творчество (возможность заниматься творчеством)	0,426
		Удовольствия (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей, развлечения)	0,382
		Интересная работа	0,31
		Здоровье (физическое и психическое)	-0,334
		Жизнерадостность (оптимизм, чувство юмора)	-0,388
		Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	-0,41
		Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	-0,444
ФАКТОР 5	Аристократия	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	0,577
		Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)	0,433
		Честность (правдивость, искренность)	0,361
		Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	-0,313
		Образованность (широта знаний, высокий культурный уровень)	-0,359
		Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	-0,444
ФАКТОР 6	Экстраверсия, Позитивизм	Интересная работа	0,461
		Жизнерадостность (оптимизм, чувство юмора)	0,388
		Непримиримость к недостаткам в себе и других	0,337
		Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, коллег)	0,332
		Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	-0,368
		Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	-0,458
		Воспитанность (хорошие манеры, умение вести себя в соответствии с нормами культуры поведения)	-0,548
ФАКТОР 7	Процесс	Образованность (широта знаний, высокий культурный уровень)	0,373
		Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, коллег)	0,312
		Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	-0,304
		Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	-0,317
		Смелость в отстаивании своего мнения	-0,361
		Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	-0,435
ФАКТОР 8		Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, коллег)	0,414
		Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	0,302
		Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	-0,332
		Удовольствия (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей, развлечения)	-0,397
		Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	-0,534
ФАКТОР 9	Предусмотрительность, Стратегия	Образованность (широта знаний, высокий культурный уровень)	0,417
		Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые благодаря жизненному опыту)	0,328
		Здоровье (физическое и психическое)	-0,311
		Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	-0,33
		Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	-0,346
ФАКТОР 10	Аристократия	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	0,554
		Наличие хороших и верных друзей	0,408
		Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	0,341
		Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	-0,309
		Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	-0,321
		Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	-0,379

Таблица 7.

Результаты корреляционного анализа факторов по ценностям М. Рокича и соционических признаков.

		Экстраверсия / интроверсия	Логика / Этика	Иррациональн. / Рациональн.	Беспечность / Предусмотр.	Демократия / Аристократия	Тактика / Стратегия	Позитивизм / Негативизм	Рассудительн. / Решительн.	Процесс / Результат	Квестимность / Деклатимн.
Фактор 1	Корр.	0,042	0,173	-0,008	0,168	0,032	-0,118	-0,111	-0,181	-0,135	0,284
	Знач.	0,684	0,094	0,939	0,104	0,759	0,255	0,283	0,079	0,194	0,005
Фактор 2	Корр.	-0,145	0,199	0,018	0,14	0,085	0,147	0,097	0,028	0,158	0,031
	Знач.	0,16	0,053	0,859	0,177	0,41	0,154	0,348	0,791	0,125	0,768
Фактор 3	Корр.	-0,053	0,223	-0,295	-0,297	-0,031	0,001	-0,109	-0,077	0,14	-0,063
	Знач.	0,607	0,03	0,004	0,003	0,766	0,99	0,292	0,458	0,175	0,544
Фактор 4	Корр.	-0,203	-0,108	0,022	-0,029	-0,044	-0,001	-0,101	-0,223	0,165	0,168
	Знач.	0,049	0,298	0,836	0,778	0,671	0,993	0,328	0,03	0,109	0,103
Фактор 5	Корр.	0,18	0,076	-0,052	-0,033	-0,269	0,147	-0,06	0,053	-0,015	-0,062
	Знач.	0,081	0,462	0,615	0,753	0,008	0,156	0,565	0,609	0,882	0,55
Фактор 6	Корр.	0,218	0,036	0,053	-0,196	0,134	-0,183	0,203	-0,186	0,074	-0,024
	Знач.	0,034	0,731	0,609	0,058	0,194	0,076	0,048	0,072	0,476	0,819
Фактор 7	Корр.	0,098	-0,056	-0,057	0,026	-0,077	0,088	-0,135	0,051	0,243	0,187
	Знач.	0,347	0,593	0,58	0,799	0,46	0,394	0,191	0,621	0,018	0,07
Фактор 8	Корр.	0,078	-0,193	-0,068	0,007	0,016	0,15	0,07	-0,11	0,189	-0,063
	Знач.	0,453	0,061	0,513	0,949	0,878	0,145	0,499	0,288	0,067	0,543
Фактор 9	Корр.	0,013	0,18	-0,125	-0,268	0,065	-0,206	-0,125	-0,104	-0,035	0,072
	Знач.	0,899	0,082	0,226	0,009	0,53	0,046	0,229	0,316	0,737	0,489
Фактор 10	Корр.	-0,187	0,127	0,055	0,105	-0,222	-0,076	0,03	0,023	0,129	0,04
	Знач.	0,07	0,219	0,598	0,309	0,031	0,462	0,772	0,828	0,214	0,698

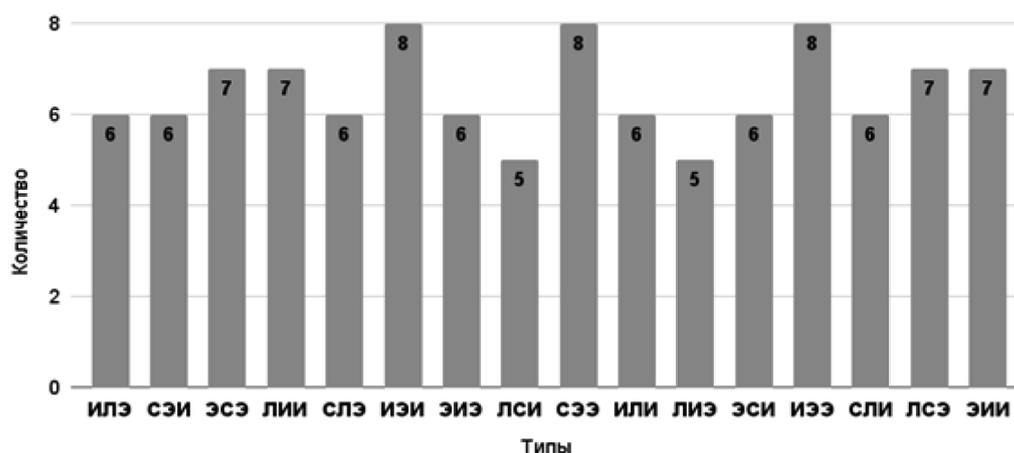

Рис. 3. Распределение испытуемых по типам личности

Результаты исследования модели ценностей по Шварцу

Перейдем к методике по Шварцу. Исследования проводились среди клиентов НИЦ «Соционического ана-

лиза». Выборка составила 105 человек. Из них 27,4% мужчин и 72,6% женщин. Средний возраст - 33,3 лет (максимум - 60, минимум - 20 лет). Распределение участников исследования по типам личности представлено на рисунке 3. Результаты корреляционного анализа представ-

лены в таблице 8.

В данной работе будут рассмотрены десять типов ценностей и суммарные ценности (самоутверждение, самоопределение, открытость новому и консерватизм).

Суммарная ценность «Самопреодоление» имеет высокую корреляцию с соционическими признаками «этика» и «деклатимность» (в меньшей степени). Типы, которые сочетают эти два признака, ЭСЭ, СЭИ, ИЭЭ, ЭИИ. Согласно круговому мотивационному континууму Шварца, в данную суммарную ценность входят такие типы

ценностей, как универсализм (забота о других, о природе, толерантность, терпимость), благожелательность или доброта (сохранение и повышение благополучия близких людей). Согласно корреляционному анализу, универсализм имеет очень высокую корреляцию с полюсом «этика», а доброта с полюсами «деклатимность», «тактика». Действительно, люди, у которых дивергентное мышление является ведущим полюсом, обладают более высоким уровнем эмоционального интеллекта (при должном развитии), при принятии решений они склонны учитывать эмоции, чувства, мотивы и ценности других людей, быть более этичными. «Деклатимы» более

Таблица 8.

Результаты корреляционного анализа факторов по ценностям Ш. Шварцу и соционических признаков.

		Экстраверсия / интроверсия	Логика / Этика	Иррациональн. / Рациональн.	Беспечность / Предусмотр.	Тактика / Стратегия	Позитивизм / Негативизм	Рассудительн. / Решительн.	Субъективизм / Объективизм	Квестимность / Деклатимность
Самоопределение	Корр.	0,073	-0,277	0,06	0,102	0,183	0,024	0,041	-0,037	-0,218
	Знач.	0,457	0,004	0,546	0,299	0,061	0,809	0,677	0,705	0,026
Самоутверждение	Корр.	0,439	-0,09	0,113	0,006	0,04	0,029	-0,195	-0,05	0,069
	Знач.	0	0,361	0,251	0,953	0,688	0,765	0,047	0,612	0,485
Открытость новому	Корр.	0,267	-0,104	0,154	0,250	0,101	0,131	0,238	0,012	-0,09
	Знач.	0,006	0,289	0,117	0,01	0,304	0,182	0,015	0,903	0,359
Консерватизм	Корр.	0,037	-0,212	-0,099	-0,053	0,194	0,097	0,08	-0,087	-0,101
	Знач.	0,707	0,03	0,317	0,592	0,048	0,323	0,417	0,378	0,304
Конформность	Корр.	0,003	-0,269	-0,078	-0,075	0,149	0,113	-0,008	-0,112	-0,012
	Знач.	0,973	0,006	0,427	0,449	0,128	0,251	0,939	0,256	0,901
Традиции	Корр.	-0,077	-0,035	-0,132	-0,107	0,162	0,034	0,11	-0,037	-0,12
	Знач.	0,436	0,722	0,181	0,276	0,098	0,733	0,265	0,709	0,223
Доброта	Корр.	0,04	-0,155	-0,037	-0,002	0,196	0,051	0,006	-0,026	-0,193
	Знач.	0,688	0,115	0,709	0,98	0,045	0,603	0,954	0,79	0,048
Универсализм	Корр.	0,077	-0,287	0,104	0,142	0,134	0,002	0,053	-0,035	-0,183
	Знач.	0,437	0,003	0,293	0,149	0,173	0,984	0,592	0,72	0,062
Самостоятельность	Корр.	0,069	0,123	0,004	0,283	-0,123	0,123	0,004	0,283	-0,012
	Знач.	0,485	0,213	0,964	0,003	0,211	0,213	0,964	0,003	0,901
Стимуляция	Корр.	0,278	-0,116	0,239	0,284	0,086	0,086	0,15	0,016	-0,05
	Знач.	0,004	0,238	0,014	0,003	0,385	0,383	0,125	0,871	0,61
Гедонизм	Корр.	0,106	-0,095	0,165	0,043	0,085	0,262	0,044	-0,09	-0,128
	Знач.	0,281	0,334	0,092	0,666	0,391	0,007	0,655	0,361	0,192
Достижения	Корр.	0,428	-0,074	0,076	0,006	-0,043	0,009	-0,204	-0,006	0,1
	Знач.	0	0,455	0,438	0,953	0,661	0,931	0,036	0,951	0,31
Власть	Корр.	0,372	-0,06	0,073	-0,013	0,089	-0,061	-0,188	-0,055	0,085
	Знач.	0	0,541	0,458	0,899	0,368	0,535	0,055	0,579	0,391
Безопасность	Корр.	0,163	-0,235	-0,042	0,044	0,181	0,101	0,099	-0,073	-0,123
	Знач.	0,097	0,016	0,67	0,657	0,065	0,306	0,314	0,459	0,212

терпимы к людям, не склонны считать, что мир основан на конкурентной борьбе. Таким образом, данный признак вносит дополнительное стремление к заботе и благожелательности.

Противоположной суммарной ценностью является «Самоутверждение» и коррелирует с соционическими признаками «экстраверсия» (очень высокая корреляция) и «решительностью» (в меньшей степени). Если объединить эти два признака, то типами, которые им соответствуют, будут СЛЭ, ЭИЭ, СЭЭ, ЛИЭ. В данную суммарную ценность входят такие группы, как власть, достижения. Если рассмотреть отдельно эти две ценности, то власть имеет высокую корреляцию с «экстраверсией», а достижения – с «экстраверсией» и в меньшей степени с «решительностью». Это довольно ожидаемая корреляция, поскольку «экстраверты» ввиду особенностей своей нервной системы в жизни более активны, склонны к доминированию, а «решительные» в виду своей социальной установки на «опасный мир», склонны к соперничеству, непокорности, борьбе за свои интересы [13]. Таким образом, «экстравертам-решительным» наиболее важны ценности влияния над людьми, ресурсами и достижения успеха.

Суммарная ценность «Открытость новому» имеет корреляцию с соционическими признаками «экстраверсия» (в большей степени), «беспечность», «рассудительность». Данная суммарная ценность включает в себя такие группы, как самостоятельность (свобода развивать собственные идеи, определять действия), стимуляция (стремление к новизне и переменам). На пересечении этих признаков находятся типы ИЛЭ и ИЭЭ. Можно сказать, что для этих типов суммарная ценность «открытость новому» является максимальной. И это очень ожидаемая корреляция, поскольку «экстраверты-беспечные-рассудительные» склонны к расширению круга своих интересов, впечатлений, они постоянно контролируют новые возможности, у них снижена личностная тревожность, в силу своей социальной установки открыты и доверчивы к миру и людям. Если разобрать группы признаков отдельно, то можно увидеть, что самостоятельность (свобода идей и мыслей) коррелирует с признаками «беспечность» и «веселый» (типы ИЛЭ, СЭИ, ЛСИ, ЭИЭ); стимуляция имеет корреляцию с признаками «экстраверсия», «беспечность» и «иррациональность» (в меньшей степени). Это типы ИЛЭ и ИЭЭ.

Суммарная ценность «Консерватизм» является противоположной предыдущей суммарной ценности и коррелирует с соционическими признаками «этика» и «тактика». Сюда входят такие группы ценностей, как конформность (соблюдение правил, формальных законов, сдерживание действий, которые могут навредить другим), традиция и безопасность (безопасность окружения, стабильность в обществе). Типы: ЭСЭ, ЭСИ. Если

рассматривать группы ценностей отдельно, то конформность и безопасность коррелируют с «этикой». Ценность традиций не находит значимых корреляций с соционическими признаками. Можно предположить, что это связано с тем, что этики больше ориентируются на других людей, лучше их понимают, более эмпатичны, поэтому у них в целом отсутствует стремление к чему-либо, что может нарушать межличностное взаимодействие.

Отдельно стоит разобрать рассмотреть такую группу ценностей, как гедонизм (стремление к удовольствию и чувственному удовлетворению). Эту группа находится на пересечении таких суммарных ценностей, как открытость к изменениям и самоутверждение, но даже согласно корреляционному анализу, нельзя однозначно сказать, что относится только к одной из категорий. Так, гедонизм обнаружил высокую корреляцию с соционическим признаком «позитивизм». Данный признак находится в процессе исследования.

Обсуждение результатов по двух методикам

Подытоживая, можно отметить, что многие соционические признаки получили ожидаемую корреляцию между их психологическим наполнением и ценностным наполнением как по методике Рокича, так и методике Шварца.

Ранее проведенные исследования относительно признаков «квестимость / деклатимность» подтверждают корреляцию с верой в конкурентный мир. Так, главными ценностями для «квестимов» по Рокичу стали продуктивная жизнь, высокие требования к жизни, образованность. Согласно факторному анализу «квестимость» обнаружила высокую корреляцию с самоутверждением, делом, самореализацией в то время, как ценности принятия других и альтруизм у ушли на последнее место. Как следствие, «квестимы» больше ориентируются на конкуренцию и личные достижения. Для «деклатимов» характерны больше альтруистические ценности (счастье других, терпимость ко взглядам других, чуткость). По Шварцу «деклатимность» вошла в суммарную ценность самопреодоление (забота о других, благожелательность), что подтверждает выводы по Рокичу. Таким образом, для «квестимов» важно самим утвердиться в жизни, «деклатимам» ограничить себя ради счастья и заботы о других, они более альтруистичны.

Интересно также то, что согласно исследованиям по методике Рокича обнаружена высокая корреляция между признаком «негативизм» и конформистскими ценностями (хорошие манеры, сдержанность, самодисциплина, широта взглядов, умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки), «позитивисты» отмечали для себя наиболее важным смелость в отстаивании своего мнения. Согласно исследованию по методике Шварца «позитивизм» нашел очень высокую

корреляцию с гедонизмом (наслаждение едой, сексом, развлечениями; удовольствие; потворство желаниям; жизнь, полная впечатлений). Можно выдвинуть гипотезу, что «негативисты» больше склонны к сдерживанию себя и своих желаний через самодисциплину, тогда, как «позитивисты» стремятся потворствовать своим желаниям.

Выводы

В качестве выводов можно отметить:

1. Соционические гипотезы А. Аугустинавичюте, В. Гуленко, Т. Прокофьевой о том, что ценности определяются квадратами или вербальными функциями, не нашли подтверждения. Некоторые признаки, на основе которых выстраиваются квадраты (например, решительность-рассудительность) действительно влияют на ценности того или иного типа, однако помимо этого наблюдается еще большое количество других признаков, которые дают корреляцию с ценностями. Гипотеза И. Белецкой оказалась самая близкая по подходу, поскольку она декларировала, что каждый признак порождает свою ценность. Между проведенным исследованием и гипотезой Белецкой

есть частичное совпадение. Например, влияние признака «экстраверсия» на расширение круга интересов, признание, охват, масштаб; влияние признака «решительность» на преодоление, вызов, силу; признака «беспечность» на открытость новому опыту, и что самое интересное косвенное влияние признака «позитивизм» на ценность положительного взгляда на мир.

2. Согласно данному исследованию, ценностные ориентации зависят от признаков темперамента (наиболее яркие «экстраверсия / интроверсия»), некоторых социальных и умственных установок («рассудительность / решительность», «беспечность / предусмотрительность», «аристократия / демократия», «квестимость / деклатимность», «позитивизм-негативизм»), способностей («этика / логика», «интуиция / сенсорика», «тактика / стратегия») и комбинаций этих признаков.
3. Найдено ценностное наполнение для признака «квестимость / деклатимность», которое подтверждает ранее найденную корреляцию этого признака с верой в конкурентный мир. Выдвинута гипотеза относительно ценностного наполнения признака «позитивизм / негативизм».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарванова М.З., Гарванов И.Г. Исследование ценностей в современной психологии // Современная психология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). — Казань: Бук, 2014.
2. Аугустинавичюте А. Теория признаков Рейнина. «Соционика, ментология и психология личности», 1998г.
3. Гуленко В.В. Квадральные ценности. Психологические корни социального неравенства. // Соционика, ментология и психология личности, — 2000. — № 2
4. Прокофьева Т.Н., Каменева С.К. Еще раз о квадральных ценностях. // Психология и соционика межличностных отношений, — 2013
5. Белецкая И.Е. Работа с соционическими ценностями в карьерном консультировании. // Доклад на соционической конференции в Киеве, — 2017
6. Митрохина А. Общая соционика. Библиотека SOCIONICA. Прикладная соционика. 2010
7. Мегедь В.В, Овчаров А.А. Характеры и отношения. М.: Дрофа, 2002
8. Букалов А.В. Потенциал личности и загадки человеческих отношений. М.: Черная белка, 2009
9. Спивак В.А. Управление персоналом для менеджеров: учебное пособие. Эксмо — 2012
10. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70
11. Карандашев В.Н. К 21 Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004
12. Канунников И.Н. Исследование взаимосвязи между типами мышления по Г.В. Резапкиной и типами личности по соционике и психософии // Психология, социология и педагогика. 2022. № 5
13. Коваленко Р.К., Звонарёва Н.А. Исследование соционического признака «рассудительность / решительность» // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Познание. 2023. №12.
14. Коваленко Р.К., Звонарёва Н.А. Исследование взаимосвязи между соционическим типом и моделью «большая пятерка» // Психолог. 2021. № 3.
15. Корнилова М.Н. (2021) Экспериментальное исследование признака «демократы / аристократы». Соционика, ментология и психология личности. № 1-2.
16. Kovalenko R., Zvonareva N. Research of the relationship of socionic characteristics, jungle world beliefs and a tendency to collectivism // Proceedings of the L International Multidisciplinary Conference «Recent Scientific Investigation». Primedia E-launch LLC. Shawnee, USA. 2023.
17. Коваленко Р.К., Звонарёва Н.А. (2022) Исследование взаимосвязи между соционическим типом личности и типом темперамента. Russian Journal of Education and Psychology. Т.13. №3.

© Кузнецова Ирина Игоревна (serenity86@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЯ АТТИТЮДОВ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

PSYCHOLOGY OF ATTITUDES: REVIEW OF MODERN FOREIGN STUDIES

V. Latynov

Summary: The article considers three areas of modern attitude research: the structure of attitudes, their interrelationships with intrapsychic formations and the human social environment, and the influence of attitudes on human behavior. The influence of the structural features of attitudes on their stability and resistance to impact is analyzed. There are two main approaches to studying the influence of attitudes on human behavior: individual-oriented and aggregated. Significant factors in this regard have been identified: the type of attitude, the nature of the behavioral act and its context.

Keywords: attitude, behavior, explicit attitude, implicit attitude, values.

Латынов Владислав Викторович

кандидат психологических наук, ведущий научный
сотрудник, ФГБУН Институт психологии
Российской Академии Наук (г. Москва)
vladlat5@lenta.ru

Аннотация: В статье рассмотрены три направления современных исследований аттитюдов: структура аттитюдов, их взаимосвязи с внутриспсихическими образованиями и социальным окружением человека, влияние аттитюдов на поведение людей. Проанализировано влияние особенностей структуры аттитюдов на их стабильность и устойчивость к воздействию. Выделены два основных подхода к изучению влияния аттитюдов на поведение людей: индивид-ориентированный и агрегированный. Выявлены значимые в данном отношении факторы: тип аттитюда, характер поведенческого акта и его контекст.

Ключевые слова: аттитюд, поведение, эксплицитный аттитюд, имплицитный аттитюд, ценности.

В статье будут рассмотрены три основных направления современных исследований аттитюдов: структура аттитюдов, их взаимосвязи с внутриспсихическими образованиями и социальным окружением человека, влияние аттитюдов на поведение людей.

Под аттитюдами понимаются оценки различных объектов (отдельных индивидов, социальных групп, организаций, способов поведения, идей и др.) по шкале привлекательности-непривлекательности. В настоящее время выделяется три вида аттитюдов, различающихся способом диагностики: эксплицитные (основанные на самооценочных методиках); имплицитные (выявляемые при помощи приемов, «снимающих» контроль сознания и нивелирующих фактор социальной желательности); «цифровые» (полученные посредством анализа цифровых следов (текстов, лайков и т. д.) людей в Интернете) [16, 20].

Традиционно важнейшей характеристикой аттитюдов признается их *валентность* (позитивная, нейтральная или негативная оценка объекта аттитюда). Собственно, именно благодаря ей аттитюды и являются одним из важнейших и часто исследуемых понятий в социальной психологии. Нравится ли человеку тот или иной товар, политик и т. д. во многом определяет его поведение в отношении этих объектов [32].

Современные исследования показали, что при объяснении устойчивости аттитюдов к внешнему воздействию и выраженности их влияния на поведение информации только об их валентности недостаточно, следует учиты-

вать и другие их характеристики (полярность, легкость извлечения из памяти, рефлексивность и др.) [25]. Например, легкость извлечения аттитюдов из памяти способствует более тесной их взаимосвязи с поведением [1].

Значимым для понимания динамики аттитюда является характер его основания (когнитивное оно или эмоциональное), т.е. то, что послужило источником его формирования: факты и данные, касающиеся некоторого объекта, или связанные с ним эмоции. Характер основания влияет на устойчивость аттитюдов к воздействию: основанные на когнициях аттитюды легче корректируются при помощи логической аргументации, а основанные на эмоциях - посредством апелляции к эмоциям [18]. Важность психологических оснований аттитюдов обнаруживается и в случае «цифровых» аттитюдов. Показано, что учет эмоциональности (в добавление к валентности) позволяет более точно прогнозировать их поведенческие эффекты [27].

Современные исследования показали, что помимо частных аттитюдов у людей существует общая установка (диспозиционный аттитюд) на позитивное или негативное восприятие мира [1]. Некоторые люди имеют относительно положительное отношение ко всем объектам, тогда как другие не любят большинство людей, объектов и идей. Позитивный диспозиционный аттитюд положительно коррелирует с чертами, связанными с положительным аффектом (экстраверсией, доброжелательностью, оптимизмом, удовлетворенностью жизнью), а негативный - с чертами, связанными с отрицательным аффектом (невротизмом, поведенческим торможением,

фокусом на профилактике). Наличие подобной установки во многом определяет знак формирующихся установок к новым объектам, а также влияет на поведение людей [1].

В рамках анализа диспозиционных, общих установок изучаются установки, касающиеся глобальных психологических ориентаций людей (на действие или бездействие, на достижение или избегание) [2]. Показано, что наличие у человека ориентации на действие (либо на бездействие) влияло на его оценки событий и устойчивость установок к воздействию [2]. ИмPLICITные установки к способам поведения (ориентация либо на достижение объектов и ситуаций, либо на их избегание) предсказывали поведение людей в реальной жизни [12].

Рассмотрение установок во взаимосвязи с другими психологическими образованиями (ценностями, мотивами и др.) человека позволяет лучше понимать механизмы их функционирования. Так, учет структуры ценностей человека способствует более эффективному воздействию на установки человека [34]. Неоднократно было продемонстрировано, что принятие в расчет не только ценностей, но и других психологических особенностей человека повышает успешность изменения его установок и убеждений [31, 35]. Кроме того, связанные с ценностями установки более явно, открыто проявляются в поведении [9]. Имеет место влияние определенного типа ценностей на установки людей. Например, наличие у человека ориентации на социальное доминирование, т.е. позитивного отношения к существующей в обществе социальной иерархии и доминированию одних групп над другими часто сочетается с негативными установками к определенным социальным группам (женщинами, сексуальным меньшинствам, инвалидам и др.) [5].

Исследования показали, что внутриспсихические взаимосвязи установок могут быть довольно сложными. Так, в зависимости от того, далекие или близкие (в пространстве или во времени) явления оцениваются, влияние на этот новый установок оказывают различные психологические образования человека. Например, в случае формирования установок, касающихся близких событий, более важную роль играют мотивы материальной выгоды, а в случае установок к далеким — ценности [14]. О сложной взаимосвязи ценностей и установок свидетельствует и исследование Милфонта с соавт. (2010), в котором негативные установки к экологической проблематике оказались связаны с ценностями личного самосовершенствования, а позитивные — с альтруистическими [23].

Помимо внутриспсихических взаимосвязей при анализе динамики установок следует учитывать их социальную составляющую, т.е. присутствие в социальном окружении человека людей со сходными установками.

При наличии такой группы лиц существенно возрастает устойчивость установок к воздействию [6]. Люди склонны корректировать свои установки (как эксплицитные, так и имплицитные) в направлении их большего соответствия позиции окружающих [15]. О роли социального окружения в функционировании установок свидетельствуют и результаты исследования, в котором изменению установок (эксплицитных и имплицитных) и поведения в группе способствовала активность специально обученных ее членов [29]. Важна не только позиция социального окружения человека, но и то, насколько он сам ориентирован на мнения других людей. Выраженность такой ориентации зависит от ситуативных и внутриспсихологических факторов [33].

Развитие современных технологий коммуникации повышает актуальность изучения установок, выявляемых посредством анализа цифровых следов (текстов, лайков и др.), оставляемых людьми в виртуальном мире. В последнее десятилетие отмечается значительный прогресс в данной области [16]. Разработаны алгоритмы, позволяющие исследовать «цифровые» установки к самым разным объектам: социальным и этническим группам, политическим акторам, способам поведения, социальным проблемам, технологиям [7, 22].

Для выявления «цифровых» установок, как правило, используются тексты [8, 11]. Так, проведенный на материале 47 языков анализ совместной встречаемости относящихся к мужскому и женскому полам слов со словами, имеющими позитивную и негативную коннотации, позволил обнаружить значимые межязыковые различия в гендерных установках [8]. С помощью цифровых алгоритмов можно исследовать не только текущее состояние установок, но и проводить их ретроспективный анализ. Примером может служить работа Гарга с соавт. (2018), в которой динамика гендерных и этнических стереотипов за последние сто лет изучалась во взаимосвязи с происходящими в обществе трансформациями [11].

В связи с тем, что активные исследования «цифровых» установок начались относительно недавно, то нерешенным остается ряд вопросов методического плана. Так, не прекращаются дискуссии о том, насколько репрезентативны данные, получаемые из социальных сетей, по сравнению с результатами традиционных опросов [26]. Не ускользают ли от внимания ученых, анализирующих «цифровые» установки, мнения отдельных социальных групп (например, пожилых)? Как показали исследования, сомнения такого рода вполне обоснованы. Это, в частности, было обнаружено при изучении «цифровых» установок, касающихся отношений между полами [28]. Хотя в целом наблюдалось соответствие между такого рода установками и данными опросов, однако для ряда групп (афро- и латино-американцы, лица с незаконченным средним и средним образованием) соответствия выяв-

лено не было. О различиях в аттитюдах, выявляемых посредством опросов (European Social Survey), и аттитюдов, основанных на анализе данных социальной сети Reddit, сообщается и в работе Э.Амая с соавт. (2020) [3].

Активное использование методов машинного обучения при выявлении аттитюдов ставит также вопрос об их точности при решении той или иной конкретной задачи. Так, отмечались существенные различия в точности работы цифровых алгоритмов в зависимости от валентности аттитюдов: процент правильно идентифицированных позитивных аттитюдов был существенно выше, чем процент негативных [28].

Помимо изучения структуры и взаимосвязей аттитюдов значительное внимание ученых привлекают их поведенческие эффекты. Можно выделить два подхода к изучению влияния аттитюдов на поведение людей: индивид-ориентированный и агрегированный. Первый (индивид-ориентированный) широко используется в психологии и предполагает диагностику аттитюдов и соответствующего им поведения у одних и тех же индивидов. Затем с целью выяснения степени взаимосвязи аттитюдов и поведения применяются различные статистические методы (например, корреляционный анализ).

Как показали многочисленные исследования, аттитюды оказывают ощутимое влияние на поведение людей [19]. Степень их влияния зависит от действия ряда факторов (типов аттитюдов, характера поведенческого акта, контекста, в котором он реализуется). Так, эксплицитные аттитюды, как правило, лучше предсказывают продуманное, спланированное поведение, а имплицитные — спонтанное, импульсивное [20]. При анализе влияния аттитюдов на поведение следует также учитывать тип аттитюда (общий-частный). Это позволяет более точно прогнозировать поведение людей. Например, в области экологии общие аттитюды лучше предсказывали интегральные индексы экологической активности, включающие многочисленные поведенческие индикаторы [17]. Конкретное же поведение (покупка автомобиля, сбор мусора и т.п.) более точно прогнозировалось на основании специфических аттитюдов. Следует учитывать, что в ряде случаев взаимосвязь аттитюдов и поведения носит нелинейный характер.

Влияние аттитюдов на поведение опосредуется контекстными факторами. Речь идет о наличии в обществе или локальной группе норм, накладывающих ограничения на непосредственную реализацию в поведении аттитюдов, касающихся определенных, так называемых социально-сензитивных тем. Когда такие темы затрагиваются, то активируется фактор социальной желательности и респонденты своими ответами стремятся произвести позитивное впечатление, а не высказать свою точку зрения. В результате взаимосвязь между аттитюда-

ми и поведением оказывается довольно слабой. Например, степень влияния межэтнических и гендерных аттитюдов, затрагивающих социально-сензитивные темы равенства и дискриминации, на поведение существенно ниже, чем аттитюдов, касающихся политики, товаров или экологии [30].

Для объяснения поведенческих эффектов аттитюдов активно привлекается понятие «интенция». Интенции (намерения совершить поведенческий акт) опосредуют влияние аттитюдов на поведение. Как показали исследования, именно интенции оказываются наиболее точными предикторами поведения [17]. Степень влияния аттитюдов на интенции (и, соответственно, на поведение) изменяется в зависимости от культурного контекста. Например, в США аттитюды, как правило, взаимосвязаны с интенциями, что позволяет, основываясь на знании о валентности аттитюда, довольно точно предсказывать интенцию. В Японии же взаимосвязь аттитюдов и интенций слабее, а прогнозирование интенций более успешно осуществляется на основании оценок социальных норм (т. е. представлений о том, как следует себя вести в конкретной ситуации) [10].

В отличие от индивид-ориентированного агрегированного подхода реализует несколько иную логику исследования взаимосвязей аттитюдов и поведения. На первом этапе производится диагностика аттитюдов большой группы лиц — жителей определенного региона, на втором же этапе эти агрегированные (усредненные в целом по группе) данные соотносятся с некоторым внешним, как правило, непсихологическим показателем/критерием (уровнем зарплаты той или иной социальной группы, смертностью в этом регионе и др.). Показано, что чем более негативными были имплицитные аттитюды к афро-американцам в конкретном районе, тем чаще (по сравнению с белыми) применяла полицией по отношению к ним огнестрельное оружие; были выше процент их отстранений от занятий и ниже данные стандартизированных тестов; ниже среди них были уровень усыновления и карьерная мобильность; ниже расходы по программе Medicaid, чаще преждевременные роды и больше различия между афро-американцами и белыми в весе младенцев при рождении [4, 13, 24].

Отметим, что степень влияния аттитюдов на поведение, выявляемая посредством индивид-ориентированного и агрегированного подходов, может ощутимо различаться. Например, подобное наблюдается в случае межэтнических аттитюдов: при использовании индивидуальных данных они довольно слабо влияют на поведение, однако в случае агрегированных отмечаются устойчивые взаимосвязи аттитюдов с рядом объективных поведенческих индикаторов. Так, обнаружена связь валентности эксплицитных аттитюдов к афро-американцам с доступностью для них медицинской помощи

и смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний в различных регионах США [21].

Современные исследования свидетельствуют о сложной детерминации их функционирования.

Стабильность аттитудов и выраженность их влияния на поведение людей зависят от действия самых разных факторов: типа аттитюда, особенностей его структуры, характера взаимосвязи аттитюда с другими психическими образованиями человека и его социальным окружением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Albarracín D., Shavitt S. Attitudes and attitude change // *Annual review of psychology*. 2018. V. 69. P. 299-327.
2. Albarracín D., Sunderrajan A., Dai W., White B.X. The social creation of action and inaction: From concepts to goals to behaviors // Olson, J.M. (Ed.), *Advances in experimental social psychology*. 2019. V. 59. Academic Press, San Diego. CA. P. 2–76.
3. Amaya A, Bach R, Kreuter F, Keusch F. Measuring the strength of attitudes in social media data // Hill C et al., (Eds.) *Big data meets survey science*. 2020. Wiley, Hoboken. P. 163–192.
4. Bell S.B., Farr R., Ofosu E., Hehman E., DeWall C.N. Implicit bias predicts less willingness and less frequent adoption of Black children more than explicit bias // *The Journal of Social Psychology*. 2023. V. 163. P. 554-565.
5. Blais-Rochette C., Miranda D., Kljajic K. A meta-analysis on personality and cultural attitudes // *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*, 2022. V. 63. P. 1.
6. Bonetto E., Varet F., Troian J. To resist or not to resist? Investigating the normative features of resistance to persuasion // *Journal of Theoretical Social Psychology*. 2019. V. 3. P. 167–175.
7. Cerina R., Duch R. Measuring public opinion via digital footprints // *International Journal of Forecasting*. 2020. V. 36. P. 987-1002.
8. DeFranza D., Mishra H., Mishra A. How Language Shapes Prejudice Against Women: An Examination Across 45 World Languages // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. V.119. P. 7-22.
9. Effron D.A., Miller D.T. How the moralization of issues grants social legitimacy to act on one's attitudes // *Personality and Social Psychological Bulletin*. 2012. V. 38. P. 690–701.
10. Eom K., Kim H.S., Sherman D.K., Ishii K. Cultural variability in the link between environmental concern and support for environmental action // *Psychological Science*. 2016. V. 27. P. 1–9.
11. Garg, N., Schiebinger, L., Jurafsky, D., Zou, J. Word embeddings quantify 100 years of gender and ethnic stereotypes // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. V. 115. P. E3635–E3644.
12. Hannan, T.E., Moffitt, R.L., Neumann, D.L., Kemps, E. Implicit approach–avoidance associations predict leisure-time exercise independently of explicit exercise motivation // *Sport, Exercise, and Performance Psychology*. 2019. V. 8. P. 210-222.
13. Hehman E., Flake J.K., Calanchini J. Disproportionate use of lethal force in policing is associated with regional racial biases of residents // *Social psychological and personality science*. 2018. V. 9. P. 393-401.
14. Hunt, C.V., Kim, A., Borgida, E., Chaiken, S. Revisiting the self-interest versus values debate: The role of temporal perspective // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. V. 46. P. 1155-1158.
15. Huntsinger, J., Sinclair, S., Kenrick, A.C., Ray, C. Affiliative social tuning reduces the activation of prejudice // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2016. V. 19. P. 217–235.
16. Jackson, J.C., Watts, J., List, J.M., Puryear, C., Drabble, R., Lindquist, K.A. From text to thought: How analyzing language can advance psychological science // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. V. 17. P. 805-826.
17. Katz I.M., Rauvola R.S., Rudolph C.W., Zacher H. Employee green behavior: A meta-analysis // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2022. V. 29. P. 1146-1157.
18. Keer M., van den Putte B., de Wit J., Neijens P. The effects of integrating instrumental and affective arguments in rhetorical and testimonial health messages // *Journal of Health Communication*. 2013. V. 18. P. 1148–1161.
19. Kumar, G., Nayak, J.K. A meta-analysis of TPB model in predicting green energy behavior: The moderating role of cross-cultural factors // *Journal of International Consumer Marketing*. 2023. V. 35. P. 147-165.
20. Kurdi B., Seitchik A.E., Axt J. R., Carroll T.J., Karapetyan A., Kaushik N., Tomezsko D., Greenwald A.G., Banaji M.R. Relationship between the Implicit Association Test and intergroup behavior: A meta-analysis // *American Psychologist*. 2019. V. 74. P. 569–586.
21. Leitner, J.B., Hehman, E., Ayduk, O., Mendoza-Denton, R. Blacks' death rate due to circulatory diseases is positively related to Whites' explicit racial bias: A nationwide investigation using Project Implicit // *Psychological Science*. 2016. V. 27. P. 1299–1311.
22. Liu, S., Jialin Liu. Public attitudes toward COVID-19 vaccines on English-language Twitter: A sentiment analysis // *Vaccine*. 2021. V. 39. P. 5499-5505.
23. Milfont T.L., Duckitt J., Wagner C. A cross-cultural test of the value-attitude-behavior hierarchy. *Journal of Applied Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 2791–2813.
24. Morehouse K.N., Banaji M.R. The science of implicit race bias: Evidence from the Implicit Association Test // *Dædalus*. 2024. V. 153. P. 21-50.
25. Petty R.E., Briñol P. A process approach to influencing attitudes and changing behavior // *Applications of social psychology: How social psychology can contribute to real world problems*. J. Forgas, W. Crano, K. Fiedler (Eds.). 2020. Psychology Press. P. 82–103.
26. Reveilhac M., Steinmetz S., Morselli D. A systematic literature review of how and whether social media data can complement traditional survey data to study public opinion // *Multimedia tools and applications*. 2022. V. 81. P. 10107-10142.
27. Rocklage M.D., Rucker D.D., Nordgren L.F. Mass-scale emotionality reveals human behaviour and marketplace success // *Nature Human Behaviour*. 2021. V. 5. P. 1323–1329.

28. Scarborough W.J. Feminist Twitter and Gender Attitudes: Opportunities and Limitations to Using Twitter in the Study of Public Opinion // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. 2018. V. 4. P. 1–16.
29. Stout J.G., Dasgupta N., Hunsinger M., McManus M.A. STEMing the tide: using ingroup experts to inoculate women's self-concept in science, technology, engineering, and mathematics // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 100. P. 255–270.
30. Teige-Mocigemba S., Klauer K.C., Sherman J.W. A practical guide to Implicit Association Task and related tasks. 2023. URL: <https://escholarship.org/content/qt63t6n75d/qt63t6n75d.pdf> (дата обращения 25.06.2024).
31. Tran T.P., Lin C-W., Baalbaki S., Guzmán F. How personalized advertising affects equity of brands advertised on Facebook? A mediation mechanism // *Journal of Business Research*. 2020. V. 120. P. 1-15.
32. Verplanken B., Orbell S. Attitudes, habits, and behavior change // *Annual review of psychology*. 2022. V. 73. P. 327-352.
33. Wijenayake S., van Berkel N., Kostakos V., Goncalves J. Impact of contextual and personal determinants on online social conformity // *Computers in Human Behavior*. 2020. V. 108. P. 1–11.
34. Wolsko C., Ariceaga H, Seiden J. Red, white, and blue enough to be green: effects of moral framing on climate change attitudes and conservation behaviors // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2016. V. 65. P. 7–19.
35. Zarouali B., Dobber T., De Pauw G., de Vreese C. Using a personality-profiling algorithm to investigate political microtargeting: assessing the persuasion effects of personality-tailored ads on social media // *Communication Research*. 2022. V. 49. P. 1066-1091.

© Латынов Владислав Викторович (vladlat5@lenta.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ БИОЛОГИИ НА ПОНИМАНИЕ ИСКУССТВА И ВЛАСТИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ: РОЛЬ ДОФАМИНА И НОВИЗНЫ

Павлов Олег Витальевич

Аспирант, Таганрогский институт управления
и экономики
Kapitalstroy007@yandex.ru

THE INFLUENCE OF BIOLOGY ON THE UNDERSTANDING OF ART AND POWER IN ANCIENT ROME: THE ROLE OF DOPAMINE AND NOVELTY

O. Pavlov

Summary: This text explores the relationship between biology and literature, emphasizing the importance of dopamine, the information-speech model of the world and novelty for understanding the processes of thinking and creation. The main idea of the text is that progress and conservatism in Ancient Rome were interconnected, and power was determined by the ability to control the level of dopamine in society. By creating emotional cocktails and controlling emotions, the Romans could ensure the stability of society. Additionally, the text reveals the importance of empathy, novelty and responsibility for the formation of personality and leaders. The text also emphasizes the importance of humanity, evolutionary change and continuous development for society.

Keywords: Ancient Rome, human brain, dopamine release, entrepreneurial activity, neurons.

Аннотация: В данном тексте исследуется взаимосвязь биологии и литературы, подчеркивая значение дофамина, информационно-речевой модели мира и новизны для понимания процессов мышления и создания. Основная мысль текста заключается в том, что прогресс и консерватизм в Древнем Риме были взаимосвязаны, а власть была обусловлена способностью управления уровнем дофамина в обществе. Путем создания эмоциональных коктейлей и контроля эмоций, римляне могли обеспечить стабильность общества. Дополнительно, текст раскрывает важность эмпатии, новизны и ответственности для формирования личности и лидеров. Текст также подчеркивает значимость гуманности, эволюционных изменений и непрерывного развития для общества.

Ключевые слова: Древний Рим, человеческий мозг, выделение дофамина, предпринимательская активность, нейрон.

Биология имеет огромное значение в познании корреляции прогрессивного и консервативного подходов в Древнем Риме в исследуемом нами периоде. В 2 года в человеке имеется около 500 речевых центров, а в 3 года, в момент возникновения информационно-речевой модели мира, - около 2000, в ней отражены все важные для ребенка предметы, действия, признаки, сборка по принципам ассоциации и речевого обобщения. Модель как упрощенное отображение сложного объекта, процесса, явления. После удовлетворения витальных программ мозга - обеспечения пропитания, в древнем Риме происходило воздействие на гиппокамп в мозгах римлян - через представления в Колизее.

Любопытство и его удовлетворение по академику Си-монову — это основа выделения дофамина, как говорил Стивен Хокинг: «существую в рамках модели зависимого реализма». Наполнение информацией этой модели дает колоссальный положительный эффект. Информационно-речевая модель внешнего мира – это основа процессов мышления и прогнозирования успешности возможной деятельности. Когда мы вводим в нее новую информацию, создаем новые ассоциации, проводим дополнительные обобщения – мы через поясную извилину и покрышку среднего мозга ощущаем положительные эмоции, связанные с мечтами, творчеством или юмором.

За речь в мозге отвечает зона Брока.

В творческой модели мира акт творения или создания может позволить подняться на вершину творческого экстаза, рассмотрим данный прием как основу государственности Древнего Рима - руководящие лица через творческие решения по строительству инфраструктурных и культурных объектов получают славу и уважение, и через особенности человеческого мозга, все жители Древнего Рима чувствуют свою причастность к этим событиям, получают удовольствие и удовлетворение от новизны происходящего. Почему нам нравится узнавать новую информацию? Какие мозговые процессы и структуры стоят за этим? Главную роль играет здесь дофамин. $\text{HO}-\text{CH}_2-\text{CH}_2-\text{NH}_3$ HO формула дофамина. Дофамин - медиатор нейронов вентральной покрышки среднего мозга, выделяется в синапсах в коре и базальных ганглиях, является одним из химических факторов внутреннего подкрепления и служит важной частью «системы вознаграждения» мозга. Новизна имеет огромное значение в искусстве, опять же из-за дофамина. В нашем мозге заложен алгоритм снижения новизны: с возрастом происходит фатальный процесс.

Современные технологии позволяют переложить на программы функцию непрекращающегося обучения и

использования максимального массива нужной информации, полученную в кратчайшие сроки - чат GPT на основе искусственного интеллекта позволяет заменить до 70% профессий, сейчас в компаниях им заменяют целые отделы. Эмоциональные коктейли из новизны и дофамина позволяли жителям древнего Рима испытывать счастье, это было словно парадоксальный сон - впечатления и эмоции от сражений и морских баталий в Колизее, позволяли контролировать эмоции жителей Рима, что оберегало власть имущих от бунтов и недовольств общества. Борьба в Риме с негативными моментами, такими как антисанитария, высокая смертность, очень высокая преступность, компенсировалась возможностью увидеть грандиозные зрелища и величественную архитектуру.

Программа свободы такая же базовая у человека, как и программа любопытства, и еды, и размножения (базовые потребности). В 1917 году Иван Петрович Павлов написал очерк «Рефлексы Свободы»: «Скука – это отсутствие новизны эмоций, скука – это не свобода. Скука – это сигналы мозга об опасности отсутствия изменений». В мозге в том числе в гиппокампе существует конечный ресурс и заполнение его пустой информацией вредит выделению дофамина, нужно быть осознанным пользователем всех разделов мозга. Юрий Нагибин и его новелла о том, как чешский дворянин едет смотреть в Вену концерт Моцарта, и через погодные катаклизмы пробивается и ожидает этого информационно развлекательного события, как важнейшего в своей жизни, а в наше время дофаминовые источники информации многочисленны и легко доступны, сродни информационному фаст фуду, и способ познания и влияния на сознание и мозг совершенно другие. Для понимания важности информации, необходимо преодоление антиспам системы в нашей длительной памяти. Оффлайн информация воспринимается четче и лучше, благодаря задействованным системам сенсоров, за счёт окситоцина память качественнее запускает процессы обучения.

Смена деятельности важна, как декантер на малое время для вдохновения в основной деятельности, например, двигательная новизна — это и движение, и дофамин, самое лучшее для нашего мозга. Гиппокамп можно натренировать практикой изучения нового для нашего мозга. Первичная загрузка информации проходит сначала в гиппокамп, а уже затем в большую кору полшарий мозга, поэтому дисциплина важнее мотивации, необходимо тренировать мозг, изучая его особенности так же, как и общее физическое состояние человека. Во все времена применялись стимулы и мотивация от государства и общества, такие как: мода, ГТО, популяризация здорового тела и духа. За хождение по канату и почерк отвечает мозжечок головного мозга - все можно натренировать. Нейроны в гиппокампе имеют возможность делиться и формируют новые контакты – синапсы, именно они позволяют увеличивать возможности запоминать и творить, в результате даже вес мозгового отдела

гиппокампа увеличивается в граммах. Новизна и новые знания находили отражение в человеческом мозге, и в то же время служили инструментом для управления людьми и формированию условий развития предпринимательской активности в Риме как способ подъема по пирамиде Маслоу.

Точка роста возможна в способности государства не помешать пассионарным и талантливым людям, умеющим генерировать добавленную стоимость для своего общества, путем создания рабочих мест, оплаты налогов и изобретениям способов и видов того, чего раньше не было. Все, что было изобретено в истории, придумано людьми, которые хотели на этом заработать. Больше половины человеческих нейронов находятся в мозжечке и являются двигательными нейронами, необходимыми для выделения дофамина. Сначала движение и затем мотивация, дисциплина важнее мотивации. По данным новейших исследований, сокращение мышц вызывает выделение молекул миокинов. Миокины гормоноподобные факторы, управляющие нашим мозгом и дающие обратную связь нашему мозгу, улучшают работу мозга и в том числе улучшают работу гиппокампа. Болезни Альцгеймера реже всего бывают у судей верховного суда и профессоров университетов, что доказано учеными.

Дофамин, чувство свободы и необходимость новизны играют важнейшую роль в заинтересованности граждан в законодательных изменениях. В Древнем Риме, как нигде, умели управлять уровнем дофамина в обществе, за это отвечали, как и государственные институты, так и частные организации. Программа безопасности человека подразумевает естественную агрессию, которая имела выход в представлениях Колизея в виде «боления». Люди имели возможность сопереживать, чем реализовывалась их эмпатия. Торли Шьельдеруб Эббе в начале 20 века, наблюдая за курами, заметил, что у куриц есть иерархия, которой дал название «порядок клевания» - альфа курица взаимодействует с дельта курицей и организуются сообщества жесткой агрессии с подчинением. Любые законодательные инициативы служат не только подчинению народа власти, на примере рецепции древнего Рима мы видим, что организационная структура изменяющегося законодательства обязана меняться в эволюционном смысле слова для того, чтобы обеспечить максимальную выживаемость сообщества.

За последние 25 000 лет мозг человека уменьшился, как объясняют ученые это следствие качественного законодательного и юридико-правового регулирования, где в основе лежит гуманизм, слабейшие получают защиту от сильнейших в рамках правового поля. Тем самым нарушаются адаптивные законы эволюции, что выживает сильнейший, сейчас правильным путем экономического роста и подъема предпринимательской активности будет отказ от регулирования, в том числе налогообложения (в лучших мировых практиках это

свободные экономические зоны) для части предпринимателей, чтобы они могли сосредоточиться на формировании продуктов, которые конкурентоспособны на международных рынках. Отказ от регуляций и проверок со стороны законодательных и исполнительных органов — это не отсутствие и пренебрежение принципами гуманизма, а наивысшее его проявления для людей, которым суждено быть предпринимателями, важно не столько помогать сколько попытаться не мешать.

По книге Франса Девуаля о стаях обезьян и людей - эволюция заложила в нас очень много позитивных черт, таких как: взаимопомощь, поддержка и альтруизм. Эмпатия делает нас людьми. Первые сведения, это останки хомо георгикус, возраст которых составляет 1,75 миллиона лет, найдены на территории Грузии, были обнаружены черепа без зубов и в пожилом возрасте. Но также как и любой перегиб, эмпатия может привести к токсичному гуманизму или псевдодемократии, если абсолютное большинство народонаселения за отсутствие прогресса и архаику. Государство не имеет права уходить с пути прогресса на необдуманное исполнение воли большинства народа. По теории «антихрупкости» только сложности и преодоление делают наши нейросистемы более пластичными, а нейроны более подвижными.

Среда формирует эволюционные изменения – исчезают леса, превращаясь в саванну, первобытный человек спускается с деревьев и, защищаясь руками от хищников, выбирает прямоходящую модель поведения, несет в руках детей и переходит в безопасное место. Если бы решения о развитии человека принимались не эволюционным путем, а искусственной ситуационной моделью, по типу ограждения от опасности человека со стороны, и решение вместо него его витальных потребностей, таких как организация питания и безопасности, человек вымер бы как вид. Это доказывает исчезновение тупиковых ветвей развития человека, например, хомо гигантус и хобитас, денисовцы.

Формирование неоднородной стаи, с появлением вожака-лидера, это также необходимая часть прогресса и отходить от такой модели сейчас антинаучно. Прогресс всегда сталкивается с сопротивлением со стороны окружающей среды. Стая — это основа социального взаимодействия и определение ее лидера изучено нейробиологами по ряду современных исследований.

Грегор Мэндел предположил изучать генетику по единственному признаку. Он открывает законы, влияющие на все живые существа от микроба до хомо сапиенс. В ходе эволюции объем миндалины коррелирует со степенью сложности социальных взаимодействий, такая же корреляция обнаруживается для взрослых людей. Люди с более крупной миндалиной поддерживают больше социальных связей и степень их сложности выше по числу социальных групп, качество мозговой амигдалы также

важно для формирования лидерских качеств. Людей с такими качествами количественно меньше, поэтому необходимо изучить труды нобелевских лауреатов и применить их труды в законотворчестве для системы образования современного общества.

Проанализировав научные работы и факты, указанные выше, можно прийти к выводу, что для полноценного формирования личности необходимы трудности и постоянно меняющиеся ситуации или риски, принятие на себя ответственности, что само по себе для многих не приемлемо и не гуманно. Без внешнего давления на личность и на народ не происходит формирования лидеров, во всех областях человеческой жизнедеятельности, не происходят промышленные и информационные открытия и прорывы, без которых невозможно совершить эволюционный переход на новую ступень развития предпринимательского и юридико-правового сообщества. Анализируя корреляцию принципов прогрессивности и консерватизма Древнего Рима, необходимо понимать, в чем заключалась успешность Римского права. Дело в том, что она отражала и регулировала реальную картину отношений в обществе и не всегда соответствовала принципам справедливости, равенства, гуманности, но тем не менее, именно из-за этого лидеры определяли вектор развития общества. Ошибки Лидеров приводили к фатальным последствиям – император Нерон сжег Рим, но из-за «антихрупкости» системы, стремясь вынести уроки из ошибок, следующие лидеры двигали прогресс- строительства Колизея на месте дворца Нерона.

В заключении можно отметить, что исследование взаимосвязи биологии и литературы в контексте Древнего Рима демонстрирует значимость понимания роли дофамина, информационно-речевой модели мира и концепции новизны для культурного развития общества. Прогресс и консерватизм в данной эпохе тесно переплелись, а власть оправдывалась способностью управлять уровнем дофамина. Эти выводы позволяют глубже понять процессы мышления и творчества древнеримских людей и придать новый взгляд на их историю и культуру.

Можно сказать, что понимание важности эмоционального интеллекта и его влияние на формирование стабильности общества в Древнем Риме несомненно представляет собой одно из ключевых аспектов социокультурного развития. Ответственность, эмпатия, новизна и гуманность стали неотъемлемой частью личности и лидеров того времени, а также играли существенную роль в эволюционных изменениях общества. Постоянное развитие и стремление к гармонии между чувствами и разумом были основополагающими принципами, которые дали жизнь целому ряду искусств и институтов власти. Важно учитывать эти аспекты для более глубокого понимания культурного наследия и влияния биологии на формирование ценностей и идеалов общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыжкова М.В., Дукарт С.А., Кашапова Э.Р. Влияние когнитивных искажений на эффективность рыночного взаимодействия // Изв. Том. политех. ун-та. 2010. Т. 317, № 6. С. 12-17.
2. Стаселович О. Проблема рационального мышления: современный взгляд // Политехнический молодёжный журнал МГТУ им. Баумана. Москва: Наука, 2016. № 4. С. 1-10.
3. Чалдини Р. Психология влияния. Убеждай. Воздействуй. Защищайся. СПб.: Питер, 2016. 338 с.
4. Талеб Н. Антихрупкость // КоЛибри, 2022 г, С. 260-269
5. Кнабе ГС. История. Быт. Античность // Быт и история в античности. М., 1988. С. 12.

© Павлов Олег Витальевич (Kapitalstroy007@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-БЕЖЕНЦЕВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Радова Алевтина Сергеевна

Новосибирский государственный технический университет
radovaalevtina@yahoo.com

PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF REFUGEE CHILDREN: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

A. Radova

Summary: The article reveals an urgent problem of providing psychological assistance to children from refugee families for their successful social adaptation in the host society. The research goal is to summarize the existing Russian and foreign experience in this area. The research objectives are to describe the main psychological problems faced by children from refugee families, to analyze the scientific literature on the topic of research and generalize approaches to providing assistance to children from families Refugees.

The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, generalization, comparison), as well as a number of special methods: historiographical analysis of scientific literature on the topic under study; a descriptive analysis of the current experience in providing psychological assistance to refugee children in Russia and abroad, as well as methods of scientific generalization.

As a result, the author of the article came to the following conclusion: both in Russia and abroad, psychological assistance to children from refugee families is based on their needs and the need to level psychological traumas and correct disorders. In Russia, psychologists and special institutions are mainly involved in this process, and abroad such support is also provided by volunteers, local communities and supranational bodies.

Keywords: refugees, children, psychological assistance, adaptation, host society.

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблема оказания психологической помощи детям из семей беженцев для их успешной социальной адаптации в принимающем социуме. Цель статьи заключается в том, чтобы обобщить имеющийся российский и зарубежный опыт в данной сфере. Задачи исследования состоят в описании основных психологических проблем, с которыми сталкиваются дети из семей беженцев, в анализе научной литературы по теме исследования и обобщения подходов к оказанию помощи детям из семей беженцев. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, обобщение, сопоставление), а также ряд специальных методов: историографический анализ научной литературы по изучаемой теме; описательный анализ существующего в России и за рубежом современного опыта по оказанию психологической помощи детям-беженцам, а также методы научного обобщения. В результате проведенного исследования автор статьи пришел к следующему выводу: как в России, так и за рубежом, психологическая помощь детям из семей беженцев основана на их потребностях и необходимости нивелирования психологических травм и коррекции расстройств. В России в данный процесс вовлечены в основном специалисты-психологи и специальные учреждения, а за рубежом такую поддержку также оказывают волонтеры, местные сообщества и наднациональные органы.

Ключевые слова: беженцы, дети, психологическая помощь, адаптация, принимающий социум.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что согласно статистике, число мигрантов других национальностей в Российской Федерации растет с каждым годом [1, с. 191], что привлекает все большее внимание к проблеме их адаптации и успешного вхождения в российское общество. Особое значение имеет проблема психологической адаптации детей-беженцев. Такие дети составляют отдельную категорию иностранных граждан: через них их родители также успешнее адаптируются в принимающем сообществе [2, с. 12], тем самым дети-беженцы могут выступать посредниками или проводниками между двумя культурами: своей родной и культурой принимающей страны.

Образовательные учреждения сталкиваются с необходимостью оказания психологической поддержки социокультурной адаптации детей-беженцев [3, с. 8], а перед исследователями стоит задача изучения содержания, механизмов и критериев ее успешности.

В современной научной литературе выявлено множество различных маркеров (индикаторов) адаптации или дезадаптации детей-мигрантов на личностном и групповом уровне: представления о будущем, отсутствие жизненных перспектив на новом месте и желание вернуться на родину, готовность к межнациональному взаимодействию, позитивная личностная и социальная идентичность, овладение социальными навыками, благоприятное психоэмоциональное состояние [4, с. 47].

Ключевым показателем успешной адаптации ребенка-беженца, как подчеркивают исследователи, является психологическое благополучие и удовлетворенность различными аспектами своей жизни [5, с. 53]. Удовлетворенность жизнью рассматривается как многогранное явление, которое определяется как субъективная оценка качества жизни, как характеристика внутреннего мира, как синоним счастья и психологического благополучия [6, с. 43]. Многочисленные эмпирические исследования показали, что высокий уровень удовлетворенности жизнью тесно связан с адаптивным совладающим поведением индивида [8, с. 62]. Для детей-беженцев удовлетворенность различными аспектами жизни как неотъемлемая характеристика их внутреннего состояния выступает, с одной стороны, определяющим критерием успешности адаптации, а с другой – мощным ресурсом выживания в совершенно новой социокультурной среде [9, с. 12].

В то же время, необходимо изучить российский и зарубежный опыт оказания психологической помощи детям из семей беженцев.

Материалы и методы исследования

Для изучения заявленной темы использовались научные труды отечественных и зарубежных авторов, эмпирические исследования российских и зарубежных экспертов, материалы научно-практических конференций.

Методология исследования включает в себя общенаучные методы: синтез, анализ, систематизация, описательный метод, сопоставление, а также формально-логический метод. В ходе исследования использовались также специальные методы: историографический анализ научной литературы по изучаемой теме, описательно-аналитический метод для обобщения отечественных и зарубежных подходов к психологической помощи детям-беженцев.

Результаты и обсуждения

Адаптация (от лат. «adaptatio») означает приспособление к новой среде, новым условиям, в то время как социологическая адаптация – это приспособление индивида к новой социальной среде [10, с. 57]. Термин в данном значении относится также и к детям из семей беженцев. В результате бегства из страны ребенок-беженец оказывается в совершенно новой реальности, сталкивается с новой культурой, которая может быть стрессовым фактором [11, с. 72]. Большое значение в процессе адаптации детей-беженцев имеет отношение общества к ребенку, а конкретно отношение местного сообщества, поскольку именно местное сообщество – это первая новая, незнакомая среда, с другой культурой, с другим менталитетом, в которую попадает ребенок [12, с. 46].

В Российской Федерации осуществляется ряд программ помощи детям-беженцам и вынужденным мигрантам. Так, например, психологическую помощь детям мигрантов оказывает Федеральный координационный ресурсный центр по психологической и социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан [14].

Также существует проект помощи в доступе к образованию, который реализует Комитет «Гражданское содействие», оказывая всю необходимую помощь семьям беженцев и трудовых мигрантов, дети которых нуждаются в получении дошкольного и школьного образования на территории РФ [7].

В процессе оказания психологической помощи в России учитывается, что ребенок, ставший беженцем, фактически оторван от места своего происхождения и перемещен в незнакомую среду [13, с. 31]. Вследствие этого такой ребенок подвержен тяжелым травмам, стрессам, депрессивным состояниям, эмоциональным трудностям, проблемам в определении собственной идентичности, а также имеет низкую самооценку [15, с. 58].

Положение ребенка из семьи беженцев сложное, потому что она не зависит от него. Перед ребенком проходит много сложных образов, которые он не понимает, которые вызывают у него массу эмоций. Ребенок в такой ситуации подвергается травмирующим событиям, которые порождают только чувство беспомощности и чувство угрозы [16, с. 169]. Травматические события создают большую нагрузку на психику ребенка, а также влияют на его физическую форму. Уход из дома, бегство из страны приносит много стрессовых факторов, с которыми не все могут справиться, особенно дети.

Как отмечают исследователи, реакция ребенка на травматический опыт различна: старшие дети и, в основном, мальчики используют стратегию «бей или беги» (возбуждение), в то время как дети младшего возраста в основном используют стратегию под названием «замри» [17, с. 47]. Стратегия «бей или беги» характеризуется стимуляцией детского организма, которая усиливается по мере усиления чувства угрозы [19, с. 45]. О такой стратегии свидетельствуют такие формы поведения, как: крик, плач, учащенное дыхание, мышечное напряжение, агрессия, попытка бороться, противостоять объекту опасности или убежать [20, с. 107]. В современных эмпирических исследованиях доказано, что травма, пережитая детьми-беженцами, ухудшает их когнитивные функции, ухудшает их способность запоминать и концентрироваться и, как следствие, влияет на учебные навыки детей [21, с. 12].

Такие трудности не облегчают адаптацию к новой школьной среде и вызывают дополнительный стресс.

Помимо трудностей в обучении, в результате опыта войны и вынужденной миграции у детей могут развиваться такие поведенческие проблемы, как агрессия или пассивное сопротивление.

Другая категория стрессоров, т.е. психологические стрессоры, чаще всего определяются описанием психологических эффектов, связанных с чрезмерной умственной нагрузкой или эмоциональным напряжением, например, угрозы жизни, конфликтные ситуации. Биологические стрессоры, также известные как хронобиологические стрессоры, связаны с нарушениями биоритмов человека. Циркадный ритм является наиболее важным для человека, так как его нарушение существенно влияет на функционирование индивида в социальной жизни. Последняя категория, т.е. организационные стрессоры, связаны с функционированием человека в различных группах и коллективах. Роли, которые человек берет на себя в той или иной группе, могут вызывать стрессовые ситуации. Адаптация детей из семей беженцев в контексте их опыта стресса и травмы. Эпизоды стресса могут сильно влиять на жизнь, особенно когда они происходят часто и имеют высокую интенсивность. Даже небольшие проблемы, такие как семейные ссоры, могут стать причиной ухудшения здоровья, если переживаются в течение длительного периода времени. Существует заметная корреляция между тяжестью события, вызвавшего стресс, и его продолжительностью. Это означает, что чем сложнее событие для человека и чем дольше его продолжительность, тем серьезнее стресс и его последствия. Стресс может вызывать различные реакции, которые можно классифицировать исходя из механизмов, отвечающих за эти реакции. Так, выделяют следующие симптомы: соматические (поведенческие), когнитивные, физиологические и эмоциональные.

Исследователи подчеркивают, что ребенок, переживающий сильный стресс, участвуя в травмирующих событиях, может быть подвержен риску развития психических расстройств. К таким расстройствам относятся, среди прочего, острая реакция на стресс (острое стрессовое расстройство, РАС) и посттравматическое стрессовое расстройство (посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)). Острая стрессовая реакция, также называемая острым стрессовым расстройством, представляет собой расстройство, первые симптомы которого должны появиться в течение 4 недель после стрессового события [22, с. 45]. Такого рода расстройство может длиться от 2 дней до 4 недель. Характерные симптомы включают навязчивые симптомы, например, повторяющиеся воспоминания, диссоциативные симптомы, например, отчуждение или отсутствие эмоциональной реакции, симптомы избегания, например, мысли, связанные со стрессовым событием, симптомы возбуждения, например, нарушения сна и негативное настроение. Одним из последствий стресса может быть даже дислек-

сия, потому что в одном из понятий дислексии – понятии психодислексии, именно длительный стресс может вызвать такие серьезные нарушения эмоциональной сферы, которые приводят к специфическим трудностям в обучении чтению и письму [21, с. 17].

Под травмой понимается «психическое или физическое состояние, вызванное внешними факторами (природой, людьми), которые представляют реальную угрозу здоровью и жизни, часто приводящие к глубоким и длительным изменениям в функционировании человека, которые выражаются в соматических и психических расстройствах» [20, с. 119].

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это отсроченная/длительная реакция на стрессовые события, которые имеют опасные для жизни, катастрофические и тревожные характеристики. Травматическое событие в восприятии ребенка – это то, что можно охарактеризовать как огромную угрозу жизни [19, с. 47]. У ребенка создается впечатление, что он попал в ловушку без выхода, что вызывает чувство бессилия и беспомощности, приводящее к потере самосознания, а также расшатыванию (или полному разрушению) уверенности в себе и мире.

Беженство характеризуется несколькими специфическими особенностями, такими как: вынужденная миграция, неподготовленность к смене места жительства, внезапность решения покинуть страну, стресс, травматические переживания. Беженцы не знают, как долго они будут оставаться в том месте, куда они прибывают, и условия их жизни часто бывают тяжелыми [17, с. 54].

В ЕС каждый четвертый ребенок либо сам родился за границей, либо имеет родителей иностранного происхождения. По состоянию на 1 января 2022 года около 6,6 миллиона детей не имели гражданства страны проживания в ЕС [18]. Почти трое из четырех этих детей проживали в Германии, Франции, Италии или Испании, странах, принимающих наибольшее число детей-беженцев в абсолютном выражении.

Как орган коллегиального управления ЕС обладает общей компетенцией в области миграции и интеграции, что означает, что он может формировать область политики, устанавливая общие стандарты, но государства-члены сохраняют за собой прерогативу разрабатывать и реализовывать свою национальную политику. План действий ЕС по интеграции и интеграции на 2021-2027 годы является центральным элементом политики ЕС в сфере помощи детям-беженцам, обеспечивая общую политическую основу, помогающую государствам-членам разрабатывать свою национальную политику интеграции мигрантов в соответствии со свободами и ценностями, изложенными в Хартии основных прав Европейского союза [18].

Все дети, независимо от их семьи, культурного происхождения или пола, имеют право на образование для дальнейшего развития. Дети из семей беженцев могут иметь перерыв в образовании или вообще не иметь возможности ходить в школу, и поэтому может потребоваться индивидуальная поддержка для удовлетворения конкретных потребностей детей-беженцев [18].

Для того, чтобы оказывать помощь таким детям, в Европейском союзе принят ряд мер: законодательство регулирует условия и порядок приема детей с миграционным опытом в государственные школы [18]. Например, согласно действующим правилам, лица, не являющиеся гражданами Польши, и граждане Польши, получившие образование в системе образования в другой стране, обязаны и имеют право на бесплатное образование в польской системе образования [15, с. 58]. В Германии к детям, имеющим миграционный опыт, относятся также дети беженцев и лиц, ищущих убежища. В частности, детей, не владеющих немецким языком, отправляют в подготовительные классы, где немецкий язык преподается как иностранный.

Методы, формы и содержание психологической помощи детям-беженцам в ЕС адаптированы к индивидуальным потребностям развития и образования детей. Во Франции, помимо образовательной деятельности, каждому ребенку поддерживается система психолого-педагогического сопровождения в сфере функционирования школы [18]. Такая поддержка оказывается добровольно и безвозмездно со стороны психологов, педагогов, логопедов, консультантов и педагогов-терапевтов.

В докладе ЕС за 2023 год перечислены следующие группы детей-беженцев, нуждающихся в помощи: дети с ограниченными возможностями, социально неадаптированные и с риском социальной дезадаптации дети, с поведенческими или эмоциональными расстройствами, особо одаренные, дети с дефицитом компетентности и языковыми нарушениями, хронически больные, те, кто находится в кризисных/травматических ситуациях, те, кто испытывает трудности в обучении, и те, кто пренебрегает обществом. Последняя упомянутая группа – это дети с трудностями адаптации, связанные с культурными различиями или изменениями в обра-

зовательной среде, в том числе те, кто ранее был вовлечен в обучение за рубежом. Именно в эту группу попадают дети из семей беженцев. В странах ЕС психологическая и педагогическая поддержка оказывается не только самим детям, но и их родителям, особенно в решении проблем, связанных с воспитанием и образованием детей [18]. В рамках европейских программ психологической помощи ребенок из семьи беженцев может участвовать в индивидуальных или групповых занятиях и в дополнительных компенсационных классах, а также может получить психологическую и педагогическую поддержку [18]. К сожалению, травма и стресс в жизни детей-беженцев неизбежны, и именно поэтому необходимо развивать программы психологической помощи на государственной и волонтерской основе.

Выводы

По итогу исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Негативные изменения в жизни детей-беженцев могут происходить в разной степени. Они проявляются в ухудшении школьной успеваемости, проблемах во взаимодействии со сверстниками. Они вызывают пониженное настроение, тревогу или приступы паники. Также возможно развитие посттравматического стрессового расстройства. Поэтому виды и объемы помощи детям из семей беженцев в ЕС очень широки.
2. Стресс, который испытывают дети-беженцы, связан не только с военными ситуациями, но и с вынужденным бегством из страны происхождения и адаптацией в незнакомой им стране. Поэтому, как в ЕС, так и в России, система образования и психологической помощи адаптируются к потребностям детей-беженцев, создавая все возможности для психолого-педагогической поддержки, но, несмотря на это, языковые трудности и травмирующие ситуации требуют больших усилий для адаптации к новой реальности. Изменения, которые переживают дети из семей беженцев, безусловно, оставят след в их психике и существенно повлияют на их жизнь, поэтому расширение видов и форм психологической поддержки должно быть постоянным как в России, так и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронов, В.В., Шулепина, А.М. Особенности процесса социальной адаптации детей – вынужденных мигрантов из регионов Новороссии и Украины // Власть. – 2023. – № 5. – С. 191-200.
2. Гончарова, О.В. Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях // Russian Journal of Education and Psychology. – 2014. – № 9 (41). – С. 3-14.
3. Данилова, М.В. Социально-педагогическое сопровождение детей иммигрантов: моделирование системы с учетом рисков интеграции // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 2. – С. 6-12.
4. Ковальчук, О.В., Королева, К.Ю. Социальная адаптация беженцев-мигрантов в современном российском обществе посредством добровольческой деятельности // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 24 (273). – С. 45-69.

5. Козырев, М.А. Подходы к изучению экономико-психологической адаптации беженцев и эмигрантов (мигрантов) в работах отечественных и зарубежных исследователей // Пензенский психологический вестник. – 2023. – № 1 (20). – С. 52-65.
6. Колесник, Е.А. Стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов: региональный аспект // Управленческое консультирование. – 2023. – № 5 (173). – С. 40-62.
7. Комитет «Гражданское содействие». URL: <https://refugee.ru/program-assistance/> (дата обращения: 12.06.2024).
8. Кондрашова, Н.В. Роль вынужденных мигрантов в социальной структуре современного российского общества // Вестник БГУ. – 2014. – № 6-2. – С. 56-79.
9. Константинов, В.В. Стратегии социально-психологической адаптации мигрантов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 2 (46). – С. 11-22.
10. Константинов, В.В., Осин, Р.В. Особенности социально-психологической адаптации студентов-мигрантов и трудовых мигрантов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-1. – С. 56-69.
11. Подлегаева, А.Д., Лякина, Л.Н. Дети из семей мигрантов из Украины и волонтерство // Экономика и социум. – 2017. – №1-2 (32). – С. 67-79.
12. Селютин, А.А., Воробьева, Т.С. Особенности адаптации студентов - вынужденных переселенцев из ДНР, ЛНР и восточных областей Украины в условиях российской системы профессионального образования // Инновационное развитие профессионального образования. – 2022. – № 4 (36). – С. 45-58.
13. Точиева, М.М. Основные психологические проблемы детей вынужденных переселенцев // Вестник УРАО. – 2018. – № 5. – С. 28-32.
14. Федеральный координационный ресурсный центр по психологической и социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан. URL: <https://fkrс.mgppru.ru/> (дата обращения: 12.06.2024).
15. Alodat, A.M., Mohammad, A., Kharouf, A. The Educational Experiences of Syrian Refugee Children with Disabilities in Jordan // Conference: AERA Annual MeetingAt: Philadelphia, Pennsylvania, United States of America. – 2023. – pp. 56-79.
16. Haozhan, Sh. Problems of foreign students' adaptation: mechanisms of psychological support and personal goal-setting // Man and Education. – 2024. – Vol. 78(1). – pp. 168-175.
17. Hasanovic, M. Psychological Consequences of War-Traumatized Children and Adolescents in Bosnia and Herzegovina. Acta Medica Academica. – 2021. – Vol. 40 (1). – pp. 45–66.
18. Integration of migrant children - European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/754601/EPRS_BRI\(2023\)754601_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/754601/EPRS_BRI(2023)754601_EN.pdf) (access date: 16.06.2024).
19. Javadova, H. Social adaptation and educational problems children of refugees and migrants // Conference: AERA Annual MeetingAt: Philadelphia, Pennsylvania, United States of America. – 2023. – pp. 44-49.
20. Kapel, R. Children Fleeing War-Exploring the Mental Health of Refugee Children Arriving in Israel after the Ukraine Conflict // Child Abuse & Neglect. – 2023. – Vol. 149. – pp. 106-123.
21. Krut, K. International experience in determining migrant/ refugee status. Law and innovations. – 2024. – Vol. 5. – pp. 11-28.
22. Niaz, V. Psychotrauma in Children Exposed to the War Atrocities // Journal of Pakistan Psychiatric Society. – 2023. – Vol. 11(2). – pp. 44–46.

© Радова Алевтина Сергеевна (radovaalevtina@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНИМАНИЕ КРИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ

Тимошенко Анастасия Сергеевна

Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
nastenasergeevna@gmail.com

UNDERSTANDING CRITICAL SITUATIONS IN DIFFERENT APPROACHES

A. Timoshchenko

Summary: The modern world is characterized by uncertainty, political and economic instability, rapidly changing conditions, when subjects find themselves in difficult life situations and interpret events as critical. The understanding of critical situations in different approaches of psychology differs from each other. The purpose of the article is to consider the understanding of critical situations from different positions. The etymology of the concept of a critical situation is given, as the ability to judge, choose subjects, interpret the situation as normal or critical. The subjects perceive the situation as a moment of impossibility, when a collision occurs with obstacles in the realization of important life needs. The article examines critical situations from the point of view of cognitive psychology, decision-making psychology, psychology of extreme situations, stress psychology, crisis psychology, as well as a look at a critical situation from the point of view of the psychology of experience. The perception of subjects of stressful or crisis situations as critical is considered. And also a confrontation with a frustrating situation, as a violation of the normal rhythm of life and well-being of subjects at various levels, such as the conscious, intersubjective and deep level associated with a person's semantic attitudes. The influence of external and internal conditions, different ways of perceiving critical situations by subjects with different types of choice of life path are considered.

Keywords: critical situation, stress, crisis, frustration, difficult life situation, type of choice of life path.

Аннотация: Современный мир характеризуется неопределенностью, политической и экономической нестабильностью, быстро меняющимися условиями. В результате, субъекты сталкиваются с трудными жизненными ситуациями, интерпретируя события, как критические. Понимание критических ситуаций в различных подходах психологии отличается друг от друга. Целью статьи является рассмотрение понимания критических ситуаций с разных позиций. Приведена этимология понятия критическая ситуация, как способности к суждению, выбору субъектами, интерпретации ситуации, как нормальной или критической. Восприятие субъектами ситуации, как момента невозможности, когда происходит столкновение с препятствиями в реализации важных жизненных потребностей. В статье рассмотрены критические ситуации с точки зрения когнитивной психологии, психологии принятия решений, психологии экстремальных ситуаций, психологии стресса, кризисной психологии, а также взгляд на критическую ситуацию с точки зрения психологии переживания. Рассмотрено восприятие субъектами стрессовой или кризисной ситуаций, как критических. А также столкновение с фрустрирующей ситуацией, как нарушением обычного ритма жизни и самочувствия субъектов на различных уровнях, таких как осознаваемый, интерсубъективный и глубинный уровень, связанный с смысловыми установками человека. Рассмотрено влияние внешних и внутренних условий, различные способы восприятия критических ситуаций субъектами с разным типом выбора жизненного пути.

Ключевые слова: критическая ситуация, стресс, кризис, фрустрация, трудная жизненная ситуация, тип выбора жизненного пути.

Этимология слова «критическая» происходит от древнегреческого слова «κρίτικός» (kritikos), что означает «относящийся к суду или выбору» или «способный к суждению». Это слово также связано с греческим словом «κρίνω» (krino), что переводится как «судить» или «различать». Также слово критический обозначают, как находящийся в состоянии кризиса (переломный), либо опасный, связанный с возможностью нарушения нормального состояния чего-нибудь [7, с. 697].

Слово «ситуация» происходит от латинского «situatio», что означает «расположение», «положение вещей» или «окружающая обстановка» [7, с. 1679]. Исследователи определяют ситуацию как особое явление, которое представляет собой взаимодействие между конкретным человеком и окружающим его миром, включая природу, предметы и социальную среду. Восприятие ситуации является основной единицей человеческого опыта,

связанного с прошлым, настоящим и будущим данного человека; оно определяет качественные аспекты субъективного опыта. Можно утверждать, что восприятие субъекта является фундаментальным фактором, способствующим объединению условий и событий внешнего мира в одну целостную систему - ситуацию. В последующие жизненные ситуации человек привносит как бы «заложенные» в него через индивидуальную историю эмоции и опыт [4, с. 8].

Таким образом, критическая ситуация может быть интерпретирована как ситуация, требующая суждения, различения или принятия важных решений из-за определенных обстоятельств или степени критичности.

В психологии понятие «критическая ситуация» изучается в рамках различных подходов и направлений. Например, когнитивные психологи изучают реакции людей

на критические ситуации, анализируя, как они воспринимают информацию, принимают решения и реагируют на стрессовые ситуации.

Психологи чрезвычайных ситуаций (экстренной психологии) изучают, как люди справляются с критическими ситуациями, такими как чрезвычайные ситуации вроде бедствий, катастроф, травматических событий.

Также понятие «критическая ситуация» может быть изучено в контексте психологии поведения, психологии стресса, психологии принятия решений и других подразделов психологии.

Интерпретация ситуаций, как сложных, близких к критическим, обычно происходит вследствие воздействия внешних факторов, которые повреждают баланс внутренних и внешних аспектов жизни людей, нарушая привычное равновесие и угрожая их обычному образу жизни и способности удовлетворять свои основные потребности. Восстановление этого равновесия может потребовать от человека как активного взаимодействия с внешними условиями (использование значительных усилий и энергии), так и серьезных изменений в его внутреннем мире, требующих от него самопреобразования. При этом результат этих усилий, как правило, остается неясным в связи с ситуацией неопределенности [6, с. 4].

Сложной жизненной ситуацией является та, когда внешние обстоятельства или внутренние изменения приводят к нарушению адаптации человека к жизни, в результате чего он неспособен удовлетворять свои основные потребности с помощью тех жизненных стратегий и моделей поведения, которые применял до этого. Это не только затрагивает установившиеся отношения человека с миром, но и делает сложным приспособление к этим изменениям без серьезных усилий во внешней или внутренней сфере. Во всех таких сложных жизненных ситуациях присутствует нарушение устойчивости привычного образа жизни (в какой-либо из жизненных областей) и необходимость внесения изменений. Критическую ситуацию определяют как момент невозможности, когда субъект сталкивается с препятствиями в реализации собственных жизненных потребностей (мотивов, желаний, ценностей и так далее) [8, с. 29].

В области психологии чрезвычайных ситуаций, изучение критических ситуаций и реакции людей на них является важной частью исследований. Критические ситуации определяются тем, насколько они подрывают чувство безопасности, защищенности и компетентности человека в мире.

Небольшие факторы, влияющие на событие, могут превратить обычную ситуацию в критическую. Ситуации не просто классифицируются в нашем сознании как

рутинные или критические. Мы реагируем различными мыслями, чувствами и физическими реакциями в зависимости от нашей интерпретации ситуаций.

Критическую ситуацию можно определить как событие, которое оказывает стрессовое воздействие, достаточное для того, чтобы подавить навыки преодоления трудностей у человека [11].

Управление по координации гуманитарной деятельности (ОСНА) определяет критическую ситуацию, как внезапное событие, которое включает в себя реальные ситуации с угрозой для жизни, либо когда человек был свидетелем смерти или предполагаемой гибели другого человека, серьезными телесными повреждениями или угрозой для физической или психологической целостности человека или группы людей. Критические ситуации могут включать похищение людей, стрельбу, взрывы, сексуальное насилие и другие инциденты.

В отечественной психологии проблемами столкновения индивидов с критическими ситуациями занимались такие психологи, как Анцыферова Л.И., Василюк Ф.Е., Д.А. Леонтьев, В.В. Колпачников, М.Ш. Магомед-Эминов, С.В. Духновский и др.

Василюк Ф.Е. в своих исследованиях ввел категорию переживания, как отражения в сознании субъекта различных его состояний, как вид деятельности, направленный на восстановление внутреннего баланса, возвращение осмысленности жизни, другими словами – на создание смысла [2, с. 4].

Основной идеей исследований Василюка Ф.Е. состоит в психологическом анализе поведения человека в ситуации, когда достичь желаемого становится невозможно, и он сталкивается с препятствиями на пути к удовлетворению своих потребностей, установок, ценностей и т.д.

Он определял критическую ситуацию, как невозможность жить полноценной жизнью, удовлетворять внутренние потребности. Борьба против этой невозможности для достижения возможности удовлетворения жизненных потребностей представляет собой процесс переживания. Переживание – это устранение какого-то «расхождения» в жизни, это своеобразная восстановительная активность, перпендикулярная линии жизненного пути [2, с. 8].

Василюк Ф.Е. выделил четыре ключевых понятия, которыми в современной психологии описываются критические жизненные ситуации. Это понятия стресса, фрустрации, конфликта и кризиса [2, с. 11].

Фрустрирующая ситуация характеризуется неожиданными трудностями, препятствующими удовлетво-

рению потребности, которые субъективно воспринимаются как непреодолимые, критические. Согласно исследованиям Розенцвейга, американского психолога и психотерапевта, фрустрация - это психическое состояние, возникающее при реальных или воображаемых препятствиях, мешающих достижению поставленной цели. Это состояние проявляется через ощущения напряжения, тревоги, отчаяния, гнева и агрессивных реакций. Сила эмоциональной реакции зависит от степени важности блокируемого поведения и ощущения близости к достижению цели.

Анализ ситуаций, предложенный С. Розенцвейгом, показывает, что он использовал термин «фрустрация» в более широком смысле, рассматривая его как общее понятие для блокировки любых вмешательств, ограничений или неожиданных событий, которые нарушают самоощущение и активность человека. Таким образом, по его трактовке, фрустрирующая ситуация включает в себя любые события, которые вмешиваются в жизнь человека и нарушают его обычный ритм и самочувствие [10, с. 8].

Часто сложные ситуации, характеризующиеся неопределенностью, воспринимаются как критические [5, с. 21]. Исследователи используют тест С. Розенцвейга для изучения стратегий преодоления неопределенности. Возможность сохранения стабильности поведения в условиях неопределенности и трудностей, исследуется как сознательное поведение на различных уровнях, таких как осознаваемый, интерсубъективный и глубинный уровень, связанный с смысловыми установками человека.

Известно, что в ситуациях неожиданных трудностей или неприятностей поведение человека может существенно измениться и отличаться от его обычного образа действий и общения. Например, человек, обычно уверенный и деловой, может потеряться, человек, обычно вежливый, начнет вести себя грубо, человек, обычно уравновешенный, начнет реагировать эмоционально. Эти ситуации часто запоминаются, так как проявляется нехарактерное поведение, которое вызывает удивление.

Одним из известных психологов, чья работа связана с изучением критических ситуаций, является Аарон Бек, создатель когнитивной терапии, который исследовал влияние критических ситуаций на психическое здоровье людей. В своей работе он изучал и разрабатывал методы лечения психических расстройств, опираясь на теорию когнитивной терапии.

Хотя в основном его известность связана с депрессией и тревожными расстройствами, работы Аарона Бека также затрагивают вопросы принятия решений и реакций на критические ситуации. Бек указывал на то, что в решении проблем и возможность справиться с критическими ситуациями ключевую роль играют мысли (когни-

тивные процессы) человека, в представлении которых, часто присутствуют искажения, которые могут усиливать степень тревожности и стресса [13, с. 29].

Он разработал методики анализа и коррекции негативных мыслей и установок у пациентов, что помогало им более эффективно справляться с критическими ситуациями и стрессом [1, с. 106].

Лазарус Р.С. в своих исследованиях пришел к выводу, что необходимо принимать во внимание индивидуальные различия в мотивационных и когнитивных переменных, которые возникают между стрессором и реакцией, для понимания того, что происходит [12, с. 3].

Он проводил параллель между индивидуальными различиями в эластичности металлов, факторами их устойчивости к деформации, как метафору устойчивости к психологическому стрессу. Например, чугун твердый, хрупкий и легко ломается, а ковкое железо мягкое, податливое и гнется, не ломаясь. Таким образом, способность металлов сопротивляться деформации предвещала интерес к индивидуальным различиям в устойчивости людей в условиях стресса и попадания в критические ситуации.

В 1950-е годы Лазарус и его коллеги, а также многие другие обнаружили, что стрессовые условия создают различные эффекты для разных людей. Для одних лиц стресс, вызванный различными обстоятельствами, был велик, а для других – мал. А в условиях стресса, в зависимости от задачи, производительность у одних заметно ухудшалась, у других улучшалась, а у третьих не наблюдалось заметного эффекта (например, Lazarus & Eriksen 1952) [12, с. 3].

Стресс исследуется как совокупность психологических и физиологических реакций на сложные ситуации, изучаются личностные качества и процессы преодоления стресса, которые помогают некоторым людям лучше противостоять его пагубному воздействию, чем другим. Некоторые из черт личности, которые, по-видимому, связаны с устойчивостью, включают конструктивное мышление (Epstein & Meier 1989), выносливость (Maddi & Kobasa 1984; см. также Orr & Westman 1990), надежду (Snyder et al 1991), находчивость (Rosenbaum 1990), оттенки оптимизма (Scheier & Carver 1987), самооффективности (Bandura 1982) и чувства последовательности (Антоновский 1987).

Лазарус изучал различия между тремя видами стресса: вреда, угрозы и вызова (Lazarus 1966, 1981; Lazarus & Launier 1978; Lazarus & Folkman 1984). Вред относится к уже нанесенному психологическому ущербу, например, к безвозвратной утрате. Угроза – это ожидание вреда, который еще не произошел, но может быть неизбежен.

Вызовы возникают в результате сложных требований, в преодолении которых мы уверены, для этого необходимо эффективно мобилизовать и задействовать наши ресурсы для преодоления трудностей.

Были приведены веские эмпирические доказательства того, что процессы оценки и преодоления стресса формируют реакцию на стресс, и что на эти процессы, в свою очередь, влияют переменные в окружающей среде и внутри человека [12, с. 4].

Исследователи изучают связь между стратегической направленностью личности, ее отношением к внешним трудностям, внутренним конфликтам и различными видами столкновения с критическими ситуациями (Василюк, 1995; Грязева-Добшинская, Мальцева, 2016).

Для индивидуумов, обладающих гедонистическим выбором жизненного пути, характеризующихся низким уровнем внешних трудностей и внутренних конфликтов, отмечается появление стресса при недостатке удовлетворения своих потребностей.

Личности, ориентированные на реализм в выборе жизненного пути, с высоким уровнем внешних трудностей и низкой внутренней сложностью, могут испытывать состояние фрустрации при неудовлетворении своих потребностей.

Для индивидуумов с ценностным типом выбора жизненного пути, характеризующихся низким уровнем внешних трудностей, но высокой внутренней сложностью, характерен конфликт между двумя потребностями.

Личности с творческим выбором жизненного пути, характеризующиеся высокой внешней трудностью и внутренней сложностью, могут испытывать стресс при неудовлетворении своих потребностей, что при продолжительном воздействии может вызвать даже кризисные состояния [3, с. 16].

Исследователи рассматривают кризисное состояние личности и критическую ситуацию как два взаимосвязанных понятия, которые могут послужить толчком к возникновению кризисных переживаний [9, с. 5].

В результате наличия критической ситуации, где субъект испытывает реальные или потенциальные труд-

ности в удовлетворении своих основных потребностей и достижении своих мотивов, амбиций и ценностей, могут возникать кризисные состояния. Кризис возникает из-за событий, которые мешают субъекту достичь своих жизненных целей, когда ему сложно преодолеть их без волевых усилий (Ф.Е. Василюк, 1984).

Слово «кризис» происходит от греческого «krisis», что переводится как решение, поворотный момент или исход. Кризис всегда является испытанием для человека, которое возникает в его жизни независимо от его собственного желания. Прохождение кризиса кардинально меняет жизнь человека на разных уровнях: словесно-концептуальном (поглощение новых жизненных ценностей или изменение иерархии ценностей), эмоциональном (способность пройти испытание, сохраняя свою целостность) и поведенческом (необходимость разработать новые поведенческие модели, которые ранее не существовали у данного человека). Психологическое состояние кризиса требует полной концентрации и использования всех возможных ресурсов человека для решения задач, стоящих перед ним в жизни (Г. Пери, 1995) [9, с. 6].

Таким образом, понимание критических ситуаций отличается в разных подходах. В когнитивной психологии критические ситуации рассматривают с точки зрения восприятия информации и принятия решений субъектами. В психологии чрезвычайных ситуаций критическая ситуация рассматривается, как нарушение привычного равновесия, подрыв чувства безопасности и угроза обычному образу жизни, а также неспособность удовлетворить свои основные потребности. При этом, важным фактором является различная интерпретация ситуации субъектами. Для критической ситуаций характерны внезапность, угроза физической и психологической целостности индивидов.

В психологии переживаний критическую ситуацию рассматривают как невозможность жить полноценной жизнью и удовлетворять внутренние потребности. А также связывают понятие критической ситуации с понятиями стресса, фрустрации, конфликта и кризиса. Исследователями рассматриваются реакции на критические ситуации у субъектов с разным типом выбора жизненного пути, которые различаются в зависимости от наличия показателей внешней трудности и внутренней сложности субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек Джудит С. Когнитивная терапия: полное руководство: Пер. с англ. - М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2006. 400 с.
2. Василюк, Ф.Е. Психология переживания [Текст] / Ф.Е. Василюк. – Москва: МГУ, 1984. 240с.
3. Грязева-Добшинская, В.Г. Типология личностного выбора жизненного пути: описание методики и результаты психометрической проверки / В.Г. Грязева-Добшинская, А.С. Мальцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2016. Т. 9, № 2. С. 14-21

4. Духновский С.В. Психологическое сопровождение подростков в критических ситуациях: Учебное пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. – 124с.
5. Львова Е.Н., Шлягина Е.И., Гусев А.Н. С. Розенцвейга в исследовании особенностей совладания в ситуации неопределенности // Национальный психологический журнал, 2016. № 1(21). С. 19 – 27.
6. Мяких Н.И., Ларина Н.И. Теория и практика психологии кризисных ситуаций [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40903.
7. Ожегов, Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка: Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. 2151 с.
8. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учебное пособие. М., 2008. 288 с.
9. Пантелеева, В.В. Психология кризисных состояний личности: учеб. пособие / В.В. Пантелеева, О.И. Арбузенко. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2011. 194 с.
10. Ясюкова Л.А. Фрустрационный тест Розенцвейга диагностика реакций в ситуациях конфликта: методическое руководство /Л.А. Ясюкова. – СПб.: ИМАТОН, 2007. 128 с.
11. Copeland T. EMTP Approved ICISF Instructor Coordinator / REMS CISM Team Aquia Harbour Volunteer Rescue Squad Stafford County Fire & Rescue <https://www.vdh.virginia.gov>
12. Lazarus R.S. From psychological stress to the emotions: A history of changing outlooks // Annu. Rev. Psychol. Vol.44. Palo Alto (Calif.), 1993 p. 1 – 21.
13. Leahy L. Robert Clinical advances in cognitive psychotherapy: theory and application / Robert Leahy L., Thomas Dowd E., editors. – Springer Publishing Company, 2002. by– 465 p.

© Тимощенко Анастасия Сергеевна (nastenasergeevna@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СЛАБОВИДЯЩИХ ШКОЛЬНИКОВ

Юсеф Инад Замиль Аль-Аиди

Доктор наук, профессор,
Университет Васум / Колледж искусств
yinat@uowasit

Альвади Марьям Неамах Джудах

Аспирант, Педагогический колледж,
Университет Аль-Мустансурия
h1h2.m1m2@mail.ru

THE ROLE OF PHYSICAL EDUCATION AND RECREATION ACTIVITIES IN THE PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL ADAPTATION OF VISUALLY IMPAIRED SCHOOLCHILDREN

**Yousef Inad Zamil Al-Aidi
Alawadi Maryam Neamah Judah**

Summary: The article presents the results of research activities, the relevance of which is beyond doubt in view of the unresolved nature of the entire spectrum of problematic issues in the psychological and social adaptation of primary school children with visual impairment. The aim of the study was to establish the nature of the influence of physical culture and recreation activities on the psychological and social adaptation of younger schoolchildren with visual impairments. The goal was achieved through empirical research methods, which, along with the theoretical justification of the problem, ensured the adequacy of the algorithm of the pedagogical experiment and the reliability of its results. The experimental activity was carried out on the basis of two special educational institutions for one month with repeated diagnosis, implemented using the Vineland scale of adaptive behavior and analysis of variance (ANOVA) in the areas of adaptive behavior, communication, daily life skills and socialization. The adequate purpose of the study and the use of experimental tools allowed us to testify to the reliability of the results obtained and the recognition of the important role of physical education and recreation activities in the lives of younger schoolchildren with visual impairment. The obtained results can become a starting point in subsequent studies detailing the process of organizing physical education and recreation activities with primary school-age children with visual impairments in elementary school.

Keywords: physical education and recreation activities, primary school children, visual impairment, psychological adaptation, social adaptation.

Аннотация: В статье представлены результаты исследовательской деятельности, актуальность которой не вызывает сомнения в виду нерешенности всего существующего на сегодняшний день спектра проблемных вопросов в психологической и социальной адаптации детей младшего школьного возраста с нарушением зрения. Целью исследования стало установление характера влияния физкультурно-оздоровительной деятельности на психологическую и социальную адаптацию младших школьников с нарушениями зрения. Достижение цели было осуществлено посредством эмпирических методов исследования, которые наравне с теоретическим обоснованием проблемы обеспечили адекватность алгоритма педагогического эксперимента и достоверность его результатов. Экспериментальная деятельность осуществлялась на базе двух специальных общеобразовательных учреждений в течение одного месяца с повторной диагностикой, реализуемой применением шкалы адаптивного поведения Вайнленда и дисперсионного анализа (ANOVA) по областям: адаптивное поведение, коммуникация, навыки повседневной жизни и социализация. Адекватные цели исследования и применение экспериментального инструментария позволили свидетельствовать о достоверности полученных результатов и признании важной роли физкультурно-оздоровительных мероприятий в жизни младших школьников с нарушением зрения. Полученные результаты способны стать отправной точкой в последующих исследованиях, детализирующих процесс организации физкультурно-оздоровительной деятельности с детьми младшего школьного возраста с нарушениями зрения в начальной школе.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительная деятельность, младшие школьники, нарушение зрения, психологическая адаптация, социальная адаптация.

Введение

В условиях современных реалий, вызванных влиянием многочисленных факторов, характер воздействий которых определяет показатели изменений, отечественная система образования наравне с другими сферами жизнедеятельности человека претерпевает существенные трансформации [6, с. 844]. Результаты изменений не всегда отвечают ожиданиям, а в реформировании образования присутствуют социальные, экономические и экологические черты реформирования. Одновременно происходящие процессы способны мно-

гоаспектно отразиться на достигнутых значениях, выраженных как положительными, так и отрицательными показателями [5, с. 301].

Несмотря на достижение результатов в различных областях знаний, современное общество продолжает поиск действенных адаптационных механизмов, посредством которых возможно нивелирование отрицательных влияний на здоровье подрастающего поколения [5, с. 303]. В случае неизбежности пагубного влияния и развития разнообразных нарушений в показателях здоровья, остается открытым вопрос психологической и

социальной адаптации «маленьких членов» общества – полноправных участников всех коммуникационных взаимодействий.

Нормативно-правовая основа действующего международного и отечественного законодательства стремится устранить возникшие в случае выявленных нарушений здоровья ребенка, тем самым включая их в обширный спектр жизнетворческих актов общества [7, с. 369]. Любая включенность такого ребенка в социальные взаимодействия предполагает наличие научно обоснованного инструментария адаптации, содержащего в себе различные методы и средства, в том числе и те, которые традиционно причисляются к физкультурно-оздоровительным инструментам влияния [3, с. 124].

Разнообразие физкультурно-оздоровительного инструментария, его вариативность и «мягкость» воздействия позволяет адаптивно встроить его в образовательную деятельность, учитывая возрастные и индивидуальные особенности развития ребенка любого возраста. Однако до настоящего времени остается открытым вопрос регулирования характера педагогических воздействий на индивидуализированные отклонения в здоровье каждого ребенка, так как существует многовариативность развития и конечного результата педагогического влияния.

Таким образом, теоретического осмысления существующих к настоящему времени результатов исследовательских работ позволил нам констатировать наличие неразрешенных вопросов, в большей степени связанных с пониманием характера влияний инструментария физкультурно-оздоровительной деятельности на процесс адаптации ребенка с отклонениями в развитии в целом и нарушениями зрения в частности [5, с. 304].

Теоретическое осмысление проблемы исследования

Масштабность отклонений в здоровье и разнообразие инклюзий устанавливает ограничения на научно-исследовательскую деятельность, требуя их конкретизации в поиске ответов на поставленные вопросы. В настоящем исследовании в центр внимания были поставлены дети начальных классов с выявленными нарушениями зрения, которые отрицательно влияют на характер коммуникации с окружающими учащегося людьми в силу сужения сенсорной сферы и специфики формирования зрительного образа [1, с. 52]. Совокупность ограничений, образуемых в результате сложности установления контакта, приводит к возникновению нарушений в развитии [2, с. 31]. Негативный эффект однозначно выявляется в снижении качества коммуникативных процессов, приводящих к коммуникативному избеганию ребенком общения со сверстниками и недоразвитию прогностической компетенции, в результате чего происходит развитие и

в последствии усугубление социальной дезадаптации [2, с. 32]. Затронутая проблематика до настоящего времени сохраняет свою актуальность, а вопрос роли физкультурно-оздоровительной деятельности в разрешении проблемы коммуникации как функции прогностической компетентности младшим школьникам с нарушениями зрения остается неизученным [4; 8].

Цель исследования в контексте сформулированных проблемных вопросов заключается в установлении характера влияния физкультурно-оздоровительной деятельности на психологическую и социальную адаптацию младших школьников с нарушениями зрения.

Организация и методы исследования

Участниками педагогического эксперимента стали учащиеся начальных школ города Москвы в возрасте 7-8 лет, с диагностируемыми нарушениями зрения (слабовидящие). В педагогическом эксперименте с административного и родительского согласия приняли участие младшие школьники в количестве 28 ($n=28$) ребенка (11 мальчиков, 17 девочек) в возрасте $7\pm 0,6$ лет ($M=10,47$, $SD=2,60$) школы-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых ($n=14$) и общеобразовательной школы-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых, с дошкольным отделением ($n=14$). Обязательным условием для включения младшего школьника в исследование было отсутствие каких-либо дополнительных нарушений, помимо нарушения зрения. Обязательным условием для включения родителей детей в исследование была их способность предоставить исследователям точную информацию о своем ребенке.

В конечном итоге в исследовании приняли участие двадцать восемь учащихся начальной школы с нарушениями зрения (слабовидящие), которые выполнили вышеуказанные предварительные условия. Испытуемые были в возрасте от 6 лет и 4 месяцев до 15 лет и 8 месяцев ($M = 10,47$, $SD = 2,60$). Все участники экспериментальной деятельности были отнесены к слабовидящим (острота зрения выше 20/400). У 17 детей нарушения зрения наблюдались с рождения, у 6 человек это произошло до достижения ими трехлетнего возраста, а у остальных 5 участников педагогического эксперимента снижение зрения было выявлено после трех лет. Все дети жили с родителями.

Для сбора данных использовался опросник Вайнлендских шкал адаптивного поведения (Vineland Social Maturity Scales VABS). Также, в ходе педагогического эксперимента был использован авторский опросник, предназначенный для родителей, с целью понимания о состоянии двигательных способностей ребенка, проявленной в точности, интенсивности и характере двигательных действий.

Применение шкалы адаптивного поведения Вайнленда позволило установить общее адаптивное поведение, опираясь на результаты, свидетельствующие о состоянии его коммуникативной сферы (рецептивная, экспрессивная, письменная), владения навыками повседневной жизни (личные, домашние, общественные), двигательными навыками (грубые и мелкие) и уровне социализации (межличностные отношения, игры и досуг, навыки преодоления трудностей). Все собеседования проводились индивидуально. При составлении и оценке результатов по шкале применялись процедуры, рекомендованные в руководстве по организации.

Различия в организации педагогического эксперимента заключались в наличии у детей общеобразовательной школы-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых, с дошкольным отделением на формирующем этапе занятий с выраженной физкультурно-оздоровительной направленностью, учитывающих особенности нарушений в зрении младших школьников. Все реализованные физкультурно-оздоровительные мероприятия, длящиеся по 25 минут, осуществлялись во второй половине дня 3 раза в неделю на протяжении четырех недель (с 4 марта по 7 апреля 2024 года).

Примером одного из мероприятий, проводимых с еженедельной систематизацией, является сенсорно-моторный тренаж, реализация которого выстроена на основе круговой тренировки со станциями, предложенными детям в виде иллюстраций персонажей и сюжетов, заимствованных из народных сказок. По мере развития сюжета осуществляется смена станций, на которых младший школьник выполняет одно из предложенных упражнений. В качестве примера мы приведем два из таких упражнений:

1. синхронно-фиксируемые движения глазами головой и туловищем на протяжении 0,5 секунды с постепенным сокращением отведенного времени;
2. «бег глазами» по маршруту сюжетной линии с постепенным увеличением отводимого временного интервала до 30-40 секунд.

Диагностические мероприятия осуществлялись в одинаковых условиях с использованием одного и того же инструментария дважды – в начале (констатирующий этап) и в конце (контрольный этап) педагогического эксперимента. Результаты педагогического эксперимента фиксировались учителями начальной школы (n=4) в протоколы. После фиксирования, результаты подвергались обобщению, систематизации, математической обработке данных посредством статистического пакета SPSS Statistics, версии 23, и интерпретации. Окончательные результаты представлены в виде таблиц и графиков для визуализации достигнутых в педагогическом эксперименте значений.

Результаты исследования

В рамках поставленной цели был проведен педагогический эксперимент, в ходе которого установлен уровень адаптивности для совокупности показателей адаптивного поведения, а также уровень адаптивности для каждой области (коммуникация, навыки повседневной жизни и социализация). В рамках анализа были приняты уровни адаптивности, представленные нечисловой, а качественной, категориальной системой классификации, включающей пять описательных категорий (высокий, умеренно высокий, адекватный, умеренно низкий и низкий уровень). В настоящем анализе эти категории оцениваются следующим образом: 1 = низкий, 1,5 = умеренно низкий, 2 = адекватный, 2,5 = умеренно высокий и 3 = высокий (см. таблицу 1).

Показатели отклонений в развитии младших школьников, были получены путем вычитания фактического уровня участников педагогического эксперимента от возрастной нормы, в результате чего были установлены задержки развития:

1. в общем адаптивном поведении
2. в каждой области (коммуникация, навыки повседневной жизни и социализация).

Для установления различий в значениях исследуемых показателей по окончании контрольного этапа педагоги-

Таблица 1.

Средние значения (M) и стандартные отклонения (SD) уровня адаптации младших школьников с нарушениями зрения на констатирующем этапе педагогического эксперимента.

Показатели	Школа-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых		Общеобразовательная школа-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых, с дошкольным отделением	
	M	SD	M	SD
Адаптивное поведение	1,50	0,41	1,48	0,42
Общение	1,63	0,40	1,59	0,44
Навыки повседневной жизни	1,46	0,45	1,52	0,46
Социализация	1,85	0,36	1,83	0,34

ческого эксперимента был использован дисперсионный анализ (ANOVA) для каждой области. По результатам анализа и значениям дисперсионного анализа был выявлен эффект от применяемых физкультурно-оздоровительных мероприятий в группе детей общеобразовательной школы-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых, с дошкольным отделением, что наглядно отражено в таблице 2 (F-критерий (1,28) = 10,124, $p < 0,01$). (см. таблицу 2)

Младшие школьники школы-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых продемонстрировали по окончании педагогического эксперимента более низкий уровень в развитии навыков повседневной жизни (F-критерий (1,28) = 4,282, $p < 0,05$) и социализации (F-критерий (1,28) = 7,416, $p < 0,05$).

Целью настоящего исследования было установление характера влияния физкультурно-оздоровительной деятельности на психологическую и социальную адаптацию младших школьников с нарушениями зрения. Согласно результатам, общий уровень адаптивного поведения, коммуникации, навыков повседневной жизни и социализации младших школьников по окончании педагогического эксперимента, лишённого мероприятий физкультурно-оздоровительного характера, оставался первоначально «умеренно низким» по шкале, включаю-

щей категории: «низкий», «умеренно низкий», «адекватный», «умеренно высокий» и «высокий».

Уровень адаптации у младших школьников с введенными физкультурно-оздоровительными мероприятиями существенно отличался от вышеназванной группы детей с нарушением зрения. В частности, отмечается рост значений по всем показателям от «низкого» до «умеренно высокого» с результатами:

- в адаптивном поведении – 2,81;
- в коммуникации – 2,87;
- в навыках повседневной жизни – 2,77;
- социализации – 2,97.

Динамика изменений, выявленных на контрольном этапе педагогического эксперимента, представлена на рисунок 1.

Обсуждение

Согласно нашим результатам, учащиеся младшего школьного возраста с нарушениями зрения, посещающие специальные школы, демонстрируют низкий уровень адаптивного поведения (большую задержку в развитии) по сравнению с учащимися обычных школ. Этот вывод согласуется с результатами исследований Т.П. Завьяловой и

Таблица 2.

Средние значения (M) и стандартные отклонения (SD) уровня адаптации младших школьников с нарушениями зрения на контрольном этапе педагогического эксперимента.

Показатели	Школа-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых		Общеобразовательная школа-интернат №1 для обучения и реабилитации слепых, с дошкольным отделением	
	M	SD	M	SD
Адаптивное поведение	1,50	0,41	2,81	0,40
Общение	1,63	0,40	2,87	0,34
Навыки повседневной жизни	1,46	0,45	2,77	0,43
Социализация	1,85	0,36	2,97	0,18

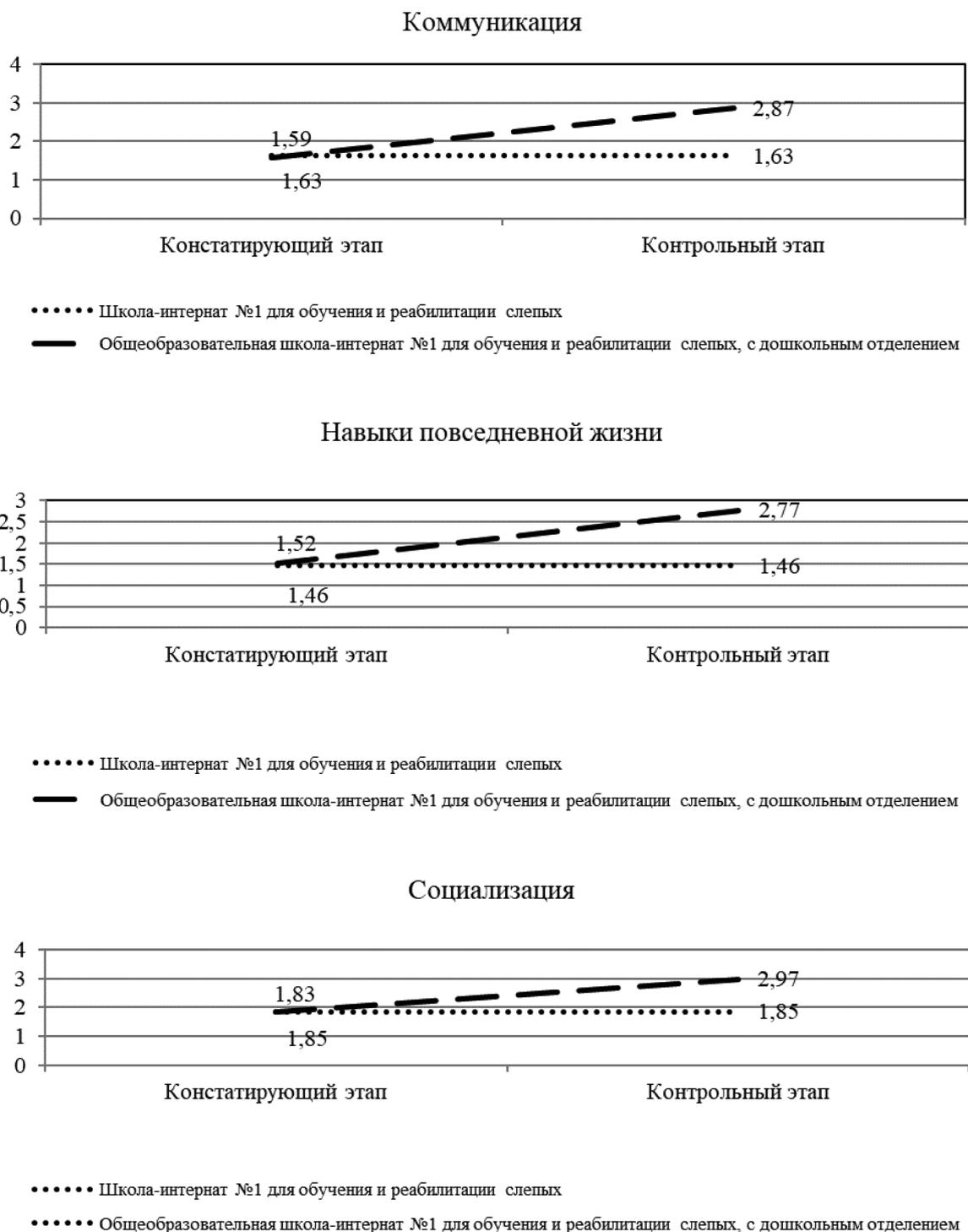

Рис. 1. Динамика значений в исследуемых показателях по окончании педагогического эксперимента

А.И. Лаптевой (2022), а также с результатами исследований, изучающих аспекты адаптивного поведения младших школьников с другими видами нарушений (например, Е.Р. Шерудило, 2024). Возможными объяснениями полученных нами результатов может быть многофакторный инструмент влияния, предоставляемый физкультурно-оздоровительной деятельностью, позволяющей воздействовать

одновременно на все выделенные в исследовании области адаптации, значимые в младшем школьном возрасте.

В настоящем исследовании младшие школьники, посещающие специальные школы, изначально демонстрируют более высокую задержку в развитии, которые отражены значениями, представленными в таблице 1. По

окончанию педагогического эксперимента нам удалось достичь значительного прироста во всех исследуемых показателях психологической и социальной адаптации при одинаковых условиях измерений и различных подходов в организации деятельности младших школьников. Адекватное цели исследования и применение экспериментального инструментария позволяет свидетельствовать о достоверности полученных результатов и признать важную роль физкультурно-оздоровительных мероприятий в жизни младших школьников с нарушением зрения.

Заключение

Обучение на протяжении всей жизни означает предоставление возможностей для обучения в школе и за ее пределами, чтобы каждый человек мог приобрести соответствующие и значимые личные, социальные, академические и профессиональные навыки, соответствующие требованиям общества. Расширение базового учебного плана путем введения физкультурно-оздоровительной деятельности это многообещающая, хотя и сложная для организации в образовательном учреждении деятельность, позволяющая младшим школьникам с нарушениями зрения увеличить возможности для раскрытия своего личностного потенциала.

Программа, ориентированная на удовлетворение потребности детей с нарушениями зрения, должна

включать в себя дополнительные виды деятельности, включая физкультурно-оздоровительные мероприятия, позволяющие сформировать:

- компенсаторные навыки (например, способов коммуникации);
- навыки социального взаимодействия (например, зрительный контакт);
- навыки отдыха (например, игры);
- навыки ориентации (например, представление о своем теле);
- навыки самостоятельной жизни (например, гигиены);
- технологические навыки (например, доступность информации);
- навыки сенсорной эффективности (визуальное обучение);
- навыки самоопределения (например, самоощущение, принятие решений).

Представленные результаты исследовательской деятельности не претендуют на окончательное решение сохраняющей до настоящего времени актуальность проблемы об увеличении уровня психологической и социальной адаптации младших школьников с нарушениями зрения. Однако полученные результаты способны стать базовой, отправной точкой в последующих исследованиях, детализирующих процесс организации физкультурно-оздоровительной деятельности с детьми младшего школьного возраста с нарушениями зрения в начальной школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова В.В., Архипова С.А. Оценка эффективности использования экспериментальных комплексов упражнений для предупреждения нарушений зрения у младших школьников // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 4(194). С. 49-54. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.4.p49-54. EDN UCUQFU.
2. Гадышева Ю.И., Козырева Д.О. Особенности формирования лексики младших школьников с нарушениями зрения // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: Сборник статей по материалам LXXXI международной научно-практической конференции, Новосибирск, 15 апреля 2024 года. Новосибирск: ООО «Сибирская академическая книга», 2024. С. 28-32. EDN APOXRG.
3. Грабаровская Л.В. Развитие двигательного интеллекта у младших школьников с нарушениями зрения // Актуальные вопросы психолого-педагогической кинезиологии, оздоровительной и адаптивной физической культуры: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Москва; Ростов-на-Дону, 26–27 июня 2023 года. Ростов-на-Дону Таганрог: Южный федеральный университет, 2023. С. 123-127. EDN MNROAH.
4. Завьялова Т.П., Лаптева А.И. Применение элементов роллер-спорта в адаптивном физическом воспитании младших школьников с нарушением зрения // Теория и практика физической культуры. 2022. № 8. С. 73-75. EDN UDGWRC.
5. Князева М.А. Проблемы инклюзивного образования младших школьников с нарушениями зрения // Стратегии современной инклюзии: инновационный путь развития как ответ на вызовы нового времени: Сборник статей, Челябинск, 17 ноября 2022 года. Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2022. С. 299-304. EDN GRQNBX.
6. Спиридонова В.В. Особенности абстрактного мышления у младших школьников с нарушениями зрения // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нефтекамск, 07 февраля 2020 года / под общей редакцией А.И. Вострецова. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2020. С. 843-847. EDN GEOTKC.
7. Стешиц И.Г. Трудности в усвоении понятия «слово» у младших школьников с нарушениями зрения // IV Машеровские чтения: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 28–29 октября 2010 года / Редколлегия: А.П. Солодков [и др.]. Том II. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2010. С. 369-370. EDN RAOPJM.
8. Шерудило Е.Р. Применение игровых заданий для школьников младшего школьного возраста с нарушением зрения // Студент года 2024: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 апреля 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 84-86. EDN SMJBSO.

© Юсеф Инад Замиль Аль-Аиди (yinad@uowasit), Альвади Марьям Неамах Джудах (h1h2.m1m2@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР КОММУНИКАЦИИ НАУКИ И ТЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ БОГОСЛОВСКОЙ ОНТОЛОГИИ И КОСМОЛОГИИ А. В. НЕСТЕРУКА

Александрова Ольга Степановна

Кандидат философских наук, доцент,
Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
07_aos@mail.ru

METAPHYSICAL FOUNDATIONS OF MEMORY AS A FACTOR IN THE COMMUNICATION OF SCIENCE AND THEOLOGY IN THE CONTEXT OF THEOLOGICAL ONTOLOGY AND COSMOLOGY OF A.V. NESTERUK

O. Alexandrova

Summary: The article examines the metaphysical foundations of memory in the context of the theological ontology and cosmology of A.V. Nesteruk. A justification is given for the need to take them into account in assessing the explanatory and predictive capabilities and "interval" of scientific and philosophical abstractions. Specific options for the influence of metaphysical foundations on various aspects of cognition, including the communication of science and theology in solving the problem of memory, are considered. Promising aspects of research into the metaphysical foundations of memory are identified.

Keywords: metaphysical foundations, theological ontology, cosmology, ideal-realism, logos, memory.

Аннотация: В статье рассматриваются метафизические основания памяти в контексте богословской онтологии и космологии А.В. Нестерука. Дается обоснование необходимости их учета в оценке объяснительных и прогностических возможностей и «интервала» научных и философских абстракций. Рассмотрены конкретные варианты влияния метафизических оснований на различные аспекты познания, в том числе на коммуникацию науки и теологии в решении проблемы памяти. Определены перспективные аспекты исследования метафизических оснований памяти.

Ключевые слова: метафизические основания, богословская онтология, космология, идеал-реализм, логос, память.

Душа же, не избирающая добра, не имеет ума.
Поэтому хотя все тела имеют душу, но нельзя
сказать, чтобы всякая душа имела ум...
Глаз видит видимое, а ум постигает невидимое.
Боголюбивый ум есть свет души...
Душа есть в мире как рожденная; а ум
превыше мира как нерожденный...
Смертное подчинено бессмертному и служит ему,
то есть, стихии - человеку, по человеколюбию
и существенной благодати Создателя Бога.

Свт. Антоний (Великий)

Введение

Представление об управлении памятью и законах её изменения, её потенциале и границах, классификации видов памяти имеет исключительное теоретическое и практическое значение при возрастании сложности управления и коммуникации в условиях сетцентрических войн. Оно зависит от от-

вета на вопросы метафизического плана: кто есть мы на самом деле, как связаны психическое и телесное в человеке, каковы их пространственно-временные свойства [13, 14], что является субстратом памяти, какова её структура, элементы. В соответствии с классификацией видов реальности [12] можно говорить о двух аспектах: материальном (где за точку отсчета принимаются естественнонаучные факты и теории) и идеальном (где за точку отсчета принимаются духовные факты и феномены).

В рамках последнего с точки зрения объяснительных и предсказательных возможностей представляет интерес богословская онтология и космология А.В. Нестерука [16,17,18,19], где автор обосновывает объективный статус теологической модели мышления (монодуализм¹) и её отношение к научной (монизм). В своих основаниях эта онтология согласуется с идеал-реализмом как типом мировоззрения и метафизической системы в трактовке Н.О. Лосского [12] а также с «материологизмом», с концепцией мироздания

¹ Дуализм между Богом и миром в направлении от творения к Творцу и монизм (панентеизм) в направлении от Творца к творению, как сопричастие творения с Творцом.

и происхождения человека В.Н. Ильина². Она также согласуется с рядом естественнонаучных фактов, которые практически востребованы, однако не имеют достаточного объяснения. К таким фактам относится, например, скорость и особенности обработки информации на подсознательном уровне, а также явление, которое получило в работах И.В. Смирнова название «семантической памяти» [23, 24].

А.В. Нестерук, профессор космологии и квантовой физики Института космоса и гравитации Портсмутского Университета, преподаватель Библейско-богословского института Апостола Андрея (Москва), научный сотрудник Института православных христианских исследований (Кембридж), является одним из наиболее оригинальных и глубоких современных исследователей метафизических проблем современной науки. Попробуем разобраться, какие его идеи помогут определить онтологический статус памяти и стать мировоззренческими или методологическими посылками в объяснении феномена памяти и, возможно, послужить метафилософским обобщением существующих решений в различных областях знания.

Литературный обзор

Научные работы междисциплинарного характера, на стыке теологии и философии, либо в той или иной форме включающие элементы или аспекты теологии, телеологии, философии и естествознания существовали всегда, с тех пор как наука обрела статус самостоятельного вида знания. Среди них фундаментальностью идей и результатами, в том числе опережающими свое время, выделяются исследования А.С. Хомякова, И.Ф. Гриневича, Н.О. Лосского, А.В. Бровковича, П.А. Флоренского, В.Н. Ильина, еп. Луки (Войно-Ясенецкого), А.Ф. Лосева, А.С. Позова, В. Гейзенберга, Дж. Леннокса, И.В. Смирнова, Г.Н. Дульнева, С.А. Лебедева, Е.Е. Селенского. Упреждая вопрос о том, как связаны богословская онтология с наукой и философией, можно рекомендовать сторонникам позитивистских принципов, релятивизма и натурализма ознакомиться с ними более подробно, чем это позволяет формат данной статьи. Далее кратко рассмотрим идеи и выводы, относящиеся по смыслу и существу к предмету нашей статьи.

Н.О. Лосский обосновывает, что все философские и научные концепции, так или иначе, опираются на метафизические основания тех или иных мировоззренческих систем. Эти основания в различной мере соотносятся с научной и исторической практикой и фактами, наиболь-

шим потенциалом в смысле объяснения и предвидения обладает идеал-реализм.

А.В. Бровкович (еп. Никанор), анализируя философские (онтологические и гносеологические) основания естественнонаучных понятий и аргументации в рамках материалистической картины мира, обосновывает, что материя в своих основаниях есть бытие сверхчувственное, внепространственное и вневременное [1].

А.С. Хомяков обнаруживает причинно-следственную зависимость между содержанием памяти народов, обусловленным их верой, и их исторической судьбой [30].

В.Н. Ильин отмечает тесную связь феномена памяти со способностью целеполагания, его несводимость к неорганическим явлениям. Представление о цели есть духовный феномен памяти. Память и целеполагание – общие и основные свойства организованной материи в отличие от неорганических явлений [7.152], память – это «сохраняющий принцип в смене органических явлений». Цель мирового процесса и задание человека, его метаистория – «свободно преодолеть тварность и дойти до Божества» [7.171-172].

Сущность памяти определяется в контексте философского содержания «биогенетического закона» в отношении к «духо-душевно-телесным судьбам человечества» сформулированного Лейбницем: «настоящее коренится в прошедшем и чревато будущим». Прошлое и будущее таинственно слиты в потустороннем мире [7.180].

Далее, категория человечности, образа и подобия Божьего «абсолютно не выводима из неорганической и органической материи»: «Телесные различия между человеком и животным в последней инстанции есть функция духовного различия» [7.170]. При этом человеческий и животный миры тесно связаны «душевно-природной динамикой живого процесса» [7.186]. Эта связь объясняет феномены мысленного внушения животным, проводившегося В.Л. Дуровым и В.М. Бехтеревым [5].

Память – «важнейший орган живой жизни и живого сознания» [7.178]. «Память так же, как и деятельность, активность, есть основное свойство духа» [7.24]. Существует родовая биологическая память, или единая подсознательная мифологическая память всего человечества. Это один из видов памяти, её субстратом (носителем) является «зародышевая плазма» [7.179]. Ей противопоставляется «внешняя память». Индивид как высшее существо помнит о судьбе рода и способен пророчествовать о

² «В основании материи лежит свободный дух. Материализм заменяется материологизмом» [7.85]. Материологизм (онтологический реализм, динамический реализм онтологической диалектики) противопоставляется материализму (рационалистическому идеализму) и пантеистическому гилозоизму [7.85-88], сближаясь с диалектическими идеями Пифагора и Гераклита, Лейбница и Плотина, идеями Бровковича и Лосева. Он утверждает «сверхпричинность», «метаказуальность» последних основ физического бытия: «Физика строения вещества превратилась в метафизику внутри физики».

судьбах потомства, «наделен бесконечными потенциями и неисчерпаемой сокровищницей памяти» [7.179-180, 34]. Данный контекст, в свою очередь, обуславливает заключение: существуют «совершенные образы вещей», «эоны тварного мира как целого» [7.187-188].

А.Ф. Лосев и П.А. Флоренский в исследовании пространства-времени, - атрибутов, неразрывно связанных с естественнонаучным исследованием памяти, приходят к выводам, что время и пространство неоднородны и могут иметь различное отношение к вечности и бесконечности в зависимости от личностного измерения [11, 29].

Из исследований А.С. Позова следует, что субстратом памяти является нематериальная душа, где мозг – материальный посредник в условиях материальной реальности [20]. Позов, продолжая святоотеческую традицию, в частности, развивая идеи св. Антония (Великого)³ показывает, что существует зависимость содержания и изменения памяти от духовной структуры личности, от уровня самопознания и адекватности самооценки.

Е.Е. Селенский и Дж. Леннокс приводят факты, указывающие на недостаточность и ограниченность дарвиновской гипотезы эволюции в объяснении происхождения человека и его разума, интеллекта [22, 33].

В. Гейзенберг указывает на парадоксы и противоречия материалистической картины мира, вскрытые благодаря теории относительности и квантовой теории, в том числе на изменение представлений о роли субъекта в познании [3].

И.В. Смирнов отмечает факты существования эмоциональной памяти в отсутствие соответствующих мозговых отделов, а также неуничтожимость информации в памяти, в отличие от материальных механизмов доступа к ней. Дается эмпирическое обоснование возможности искусственного изменения значимостей семантических элементов психики («внутренней картины мира») [23, 24].

Духовность, духовная реальность у С.А. Лебедева есть синоним высших ценностей бытия, представляющих собой в познании теоретическую обобщенную абстракцию. С.А. Лебедев обосновывает, что «дух, духовность – имманентная характеристика субъекта», указывает на отсутствие абсолютной противоположности науки и религии, несмотря на их «фундаментальное различие». Категории духа и души здесь выступают как средства обоснования существования универсальных ценностей и их независимости от конкретных исторических усло-

вий, как некий абсолютный элемент общественного сознания и культуры и, продолжая мысль, человеческой памяти. Вопрос онтологического статуса духа и души в отношении к Творцу, который поднимался, например, Платином и получил развитие в идеал-реализме остается за скобками. В древнецерковной антропологии духовная реальность включает в себя не только духовный закон как основание ценностей, но и духовные сущности, души как субстанции, ангельский мир с соответствующими реальными отношениями и иерархией [9].

С.А. Лебедев в обосновании различения светской и религиозной антропологии ссылается на Канта, однако принципиальные ограничения, неуниверсальность кантовой методологии были убедительно раскрыты, например, Н.О. Лосским и И.Ф.Гриневичем. И.Ф. Гриневич, выдающийся, хотя и малоизвестный русский мыслитель, представитель харьковской школы философии XIX в., отмечает, что Кант фактически не различает рассудочное и разумное познание [4.132].

Гриневич обосновывает существование двух форм разума (мышления): рассудочной (с его взаимосвязанными практической и теоретической функциями⁴, о которых говорит Кант) и высшей (ступени, функции ума), «которой все противоречия приводятся к гармонии» [4.132, 145]. Рассудочная форма связана с логикой, анализом форм, с помощью которых познаем явления, а высшая (разум) – с анализом принципов, с помощью которых познаем вещи, «превышающие всякого опыта». Разум «узревает, каким образом то, что является рассудку в форме совершенной противоположности, в себе едино и наделено формой совершеннейшего организма» [4.144]. Рассудок определяет согласно формам мышления явления опыта, доступные рефлексии [4.141]. Разум «производит идеи, коими проясняется связь вещей и то единственное основание, на коем она только возможна», «в коих выражается принцип и причина всех вещей» [4.143]. Уже Платон определял идеи как вечные и истинные формы бытия. Понятия – это способ восприятия только явлений в форме противоречия» [4.145].

Критерием истинности идей является закон разума: идея должна быть «абсолютным и единственным основанием возможности явлений», обнаруживаемых через опыт. Отрицание данного закона ведет к упразднению достоверности явлений» [4.143-145]. Гриневич приводит и практический аргумент. Если опыт становится единственным принципом философствования - «сколько ни есть ложного, ... и ... бедствий человеческих, - всё из сего принципа вывести можно» [4.146-147].

3 Св. Антоний связывал забвение себя с неадекватной оценкой себя и духовными зависимостями (грехами), в частности, с гордостью [21.121]. Содержание памяти, знание имеет два источника: разум, опирающийся на «искусство составителей диалектики», в смысле создания рациональных методов исследования и «силу действенной веры», дарованную Творцом и происходящую от «душевного расположения». Вера позволяет уразумевать ясно то, что человек не в состоянии выразить словом [21.291].

4 Теоретический разум исследует существующее и его причину, а практический – то, чему следует быть и на каком основании [4.130].

Существенным признаком предмета философии Гриневич считает особую постановку вопроса – «с помощью каких посылок... и выводов нечто доказывается» [4.129]. Задачей философии как метафизики состоит в систематическом изложении и применении принципов разума, способных «примирить главнейшие противоречия» (в противоположность предмету логики – принципам рассудка). Форма познания, «покоящаяся на идеях» – везде одна и та же, истинная природа вещей «выражается в идеях» [4.145]. Данный вывод расходится с явными и имплицитными неопозитивистскими метафизическими посылками многих современных философских и научных исследований памяти. Он конкретизирует предмет философии применительно к исследованию памяти и разработке т.н. «гуманитарных технологий» [30]:

1. выяснить абсолютные метафизические посылки познания памяти;
2. изложить и применить принципы разума с целью примирить главные противоречия в исследовании памяти.

Методология

В рамках идеал-реалистского креационистского мировоззрения теоретическое обоснование онтологические и гносеологические основания памяти получают в исследованиях А.В. Нестерука, А.С. Позова, В.Н. Ильина, Н.О. Лосского и др. В соответствии с предметом статьи мы будем опираться на относящиеся к нему выводы из исследований А.В. Нестерука. При подготовке статьи были учтены идеи из основных произведений А.В. Нестерука, где речь идет об онтологических, космологических основаниях бытия человека и, следовательно, памяти. Наше исследование опирается на гипотезу дизайна [21], диалектический метод в его лосевской трактовке [10], не исключающей гипотезу дизайна; на диалектические принципы противоречия, системности, объективности. Среди онтологических аксиом приняты ключевые положения и принципы идеал-реализма Н.О. Лосского и материологизма В.Н. Ильина.

Обсуждение

Попробуем разобраться, какие идеи А.В. Нестерука помогут определить онтологический статус памяти и стать мировоззренческими или методологическими посылками в объяснении феномена памяти и, возможно, послужить метафилософским обобщением существующих философских и научных решений. В соответствии со святоотеческим преданием, утверждается, что всем тварным, природным вещам присущ логос, т.е. природные вещи есть материальные воплощения логосов. Логосы – источник бытия вещей и основание их всеобщей иерархической связи⁵.

Данные утверждения представляют альтернативу набирающему популярность панпсихизму и другим видам материализма, в том числе биоцентризму [8]. В биоцентризме основанием Вселенной считается сознание, которое рассматривается все же как некая тонкоматериальная субстанция. Их можно также рассматривать в качестве аспекта, дополняющего информационно-семантический и глобально-эволюционистский подходы в объяснении актуальных фактов и объектов, по разным причинам не могущих стать предметом естественнонаучного исследования, но связанных с ним тематически и чей учет необходим для устранения пробелов и непротиворечивого объяснения.

Идея логосов коренным образом меняет представление о возможностях человека, его памяти, способах и границах познания, а также о том, что сейчас называют «искусственным интеллектом» и связанных с ним технологиях; об истории и смысле событий и т.п. Применительно к нашему предмету, например, из неё следует, что память ИИ всегда будет ограничена практическим опытом человека поскольку ИИ лишен логоса. ИИ не станет панацеей в вопросах управления, хотя и способен эффективно решать сложные технические задачи с высокой скоростью. В конечном счете, уровень познания и управления событиями зависит, прежде всего, от способности осмысления и созерцания логосов. Информацию в данном контексте можно определить как проявление в пространстве-времени взаимодействия логосов.

Допустим, что идеи чувственного и умопостигаемого миров создаются логосами сотворенных существ, логосы существуют для нас в виде принципов и идей. В таком случае *изначальный* источник идей и принципов, – не «объективный материальный мир», данный нам в ощущении, не природа, не разум, не мышление или подсознание (это лишь формы, инструменты, способы передачи информации, знания), а логосы и их всеобщая связь. Мера приобщения к логосам есть мера способности познания и творчества. Следовательно, ключевой вопрос объяснения и понимания, неразрывно связанный с принципами и идеями, – от чего зависит приобщение к логосам, что такое логосы?

Применительно к нашему предмету отсюда следует, что память человека как воплощение логоса бесконечна и неуничтожима, её осознаваемый и подсознательный, духовный и душевный уровни обусловлены степенью личностного развития, способностью к осмыслению и созерцанию логосов и могут целесообразно осознанно изменяться. Отсюда также следует, что мозг не является субстратом памяти, это ретранслятор информации на материальном плане бытия наподобие телевизора

5 Та же идея присутствует в труде Трубецкого: логос есть начало действительной жизни, составляющее предмет опыта, осязаемое в своей действительности. Богосознание Христа есть сознание Бога о Самом Себе, или Логос Божий [26.457-458].

или того, что называют «железом» в компьютере. Телевизор и компьютер не создают информации, не изменяют и не обрабатывают её, это задачи программы и её разработчика. От ретранслятора может зависеть доступ к информации и этот доступ может быть частично или полностью заблокирован. Причиной нарушения функций памяти при изменении состояния мозга является не разрушение субстрата памяти или уменьшение объема информации, а повреждение механизма доступа к памяти в материальных процессах - ретрансляторах. Поскольку материализация вторична, то личность промыслительно, в определенных границах, может управлять развитием содержания памяти, в том числе влиять на течение материальных процессов.

Исходной посылкой А.В. Нестерука является определение тварного мира как проявления воплощений Логоса разной интенсивности. Необходимыми условиями восприятия логосов являются вера и связь логосов с Божественным Логосом. Изучение логосов и их единства в отношении Божественного Логоса есть задача богословской онтологии. Помимо научных методов исследования природы оно требует веры и способности созерцания, nous. В этом смысле богословская онтология является объективным метафизическим основанием научной картины мира и научного поиска.

Свойства логосов антиномично конкретизируют креационистскую, монодуалистическую картину бытия и феномен памяти в ней. Логосы реализуются в существовании вещей и, одновременно, не являются частью тварного мира, т.е. трансцендентны по отношению к нему. Они одновременно изначально присутствуют в Боге и имманентны тварному миру. Проявления логосов как находящихся вне тварного, не зависят от своих материальных воплощений через чувственные вещи и умопостигаемые образы.

Данные тезисы являются вариантом объяснения отношения психики, разума, памяти и мозга. Их свойства и функции на материальном плане вторичны и носят подчиненный характер в отношении связи логосов, воплощениями которых они являются. Практический вывод таков, что, во-первых, закономерности бытия памяти на материальном уровне могут промыслительно преодолевать и качественно изменяться вследствие личностных изменений. Во-вторых, воздействия и манипуляции памятью на материальном (или «реальном», в противоположность идеальному, плане) неизбежно будут иметь промыслительно целесообразные последствия в отношении их заказчиков и субъектов в соответствии законами идеального плана бытия. Логосы не совпадают с эмпирическими формами существования в тварном мире, их можно представить как радиусы, поддерживающие Бытие в мире, движение по которым возможно только от центра к

окружности. Иначе говоря, онтологический переход между Творцом и творением возможен только в направлении от Творца к творению (асимметричная диалектика).

Логос Божественный познаваем в его энергиях (логосах), но не сущности. Соответственно, необходимое условие объективного познания сущности вещей и критерий духовного роста человека – способность созерцания имманентного модуса логосов (принципов существования всего творения), или нетварных Божественных энергий, приобщение к ним. В диамате обосновывается, что образы есть результат отражения, взаимодействия с «объективной реальностью». Возможный вариант непротиворечивого объяснения этих двух выводов – в различении ума (nous) и разума как качественно отличных способов мышления [4].

Определение Нестеруком материи как Божественных энергий, доступных чувственному восприятию и разуму и согласующееся с ним утверждение Войно-Ясенецкого [2] и Бровковича о том, что материя в своей основе есть бытие сверхчувственное [1], в общем, не противоречит ключевой диаматовской максиме о материи, которая дана в ощущениях, а не в nous. Объективность в контексте это, как известно, существование вне и независимо от сознания. Определение событий в мире как воплощения Божественных Слов обуславливают назначение разума человека (как образа Божия), состоящее в общении с Божественным Разумом, формой которого является познание.

Итак, исходя из онтологических оснований космологии А.В. Нестерука, память человека есть, прежде всего, способ богообщения, это её ключевая функция и, в таком качестве, необходимое условие духовного развития личности. В противном случае она становится катастрофической (термин А.С. Позова) [20]. Существующие мнемotechnики, очевидно, не меняют этого качества, поскольку решают другие, узкопрактические задачи. И в этом проблема субстанциалистской (термин Н.О. Лосского) психологии памяти. Это относится и к психотехнологиям [23, 24], поскольку управление памятью и способность изменения её содержания относительно духовного роста личности, а не того, что обозначают сегодня терминами кратковременная, долговременная, оперативная память; произвольная, непроизвольная память; семантическая память, интеллект, наследственность и т.д.

Конкретизацию выводов Нестерука находим в древнецерковной антропологии. Значение соответствия образа жизни, познания человека своему предназначению в данной парадигме настолько важно, что отказ от него приравнивается к «убиению души»: «Убиение души есть умерщвление словесного ума впадением в дела непристойные»⁶. От богообщения также зависит способность

6 Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица (2004). С.178.

быть действующим лицом природы, субъектом событий, мера участия и вклада в развитие мира, или, словами истмата, роль личности в истории. Отсюда следует значение правильного (систатического) (термин А.С. Позова) состояния памяти как основы деятельности для понимания своего места в мире, правильных критериев в ситуации выбора, обуславливающих духовную свободу личности независимо от социальных факторов (цивилизационных, формационных).

Мировоззренческое и методологическое значение идеи логосов для науки в том, отмечает А.В. Нестерук, что логосы воплощают божественные намерения и принципы в конкретном объекте, законе, умопостижимом образе и, таким образом, направляют научное предвидение и поиск способов решения проблем, явлений, по объективным обстоятельствам пока не могущих стать объектами научного исследования. Логосы, воплощая экзистенциальную цель всего, позволяют понимать конечные причины наблюдаемого.

В современной науке и философии сознание часто определяется как процесс, протекающий в определенной системе, структуре, либо как личный опыт. Это определение в рамках метафизической системы материалистического субстанциализма либо актуализма, вариантами которых являются натурализм, операционализм и т.д. В рамках той же метафизической системы процесс может определяться как абстракция, противоположность вещи, для обозначения явления как оно существует во времени. Опыт имеет определение абстракции обозначающей знания и умения в контексте социокультурного наследования⁷. Далее конкретизации потребуют метафизические категории времени, знания, чувства и воли. Однако в различных метафизических системах их смысл неодинаков.

Сознание неразрывно связано с памятью, а память не исчерпывается только категориями процесса или опыта. Важно принимать во внимание существование нескольких видов или уровней памяти: память сердца, мозговая память; память внешнего и внутреннего человека, память подсознания (семантическая память) и память сознания, духовная и душевная память и т.п., которые взаимосвязаны и существуют относительно автономно, по своим законам [20], которые еще мало изучены.

Многие мыслители ставили вопрос: откуда берутся принципы и идеи? Создаются людьми в «процессе отражения»? Извечно существуют независимо от людей? В космологической концепции Нестерука, опирающейся

на теологическую онтологию и антропологию принципы и идеи формируются логосами [17]. Мы воспринимаем либо не воспринимаем их в зависимости от духовного состояния, своей меры (термин свт. Антония (Сурожского)). Я, сознание на рациональном и чувственном уровнях (разум) целесообразно воспроизводит состояния материальных воплощений логосов (явления) и артефакты в их взаимосвязи друг с другом⁸. На сверхчувственном уровне сознание (ум) созерцает явление во всей полноте. Подвижная система эмоционально маркированных иерархически взаимосвязанных концептов, смыслов на уровне подсознания, формируется в соответствии с мировоззрением, образом жизни, верой. Она обнаруживается в идеалах, установках, предпочтениях, симпатиях, антипатиях, стереотипах, фобиях, маниях и т.п.

Доступ сознания к ней может при определенных условиях произвольно, в т.ч. искусственно изменяться. В частности, система может быть частично выявлена и модифицирована посредством психотехнологий [23, 24].

Результаты

В своем исследовании А.В. Нестерук приходит к онтологическому выводу: возможности и качества сознания имеют источником Логос Божий, чей Образ человек воспринимает через индивидуальный логос. Перечислим ряд следствий этого вывода:

1. ИИ никогда не будет обладать сознанием (речь об идее управления сознанием посредством ботов-имплантов, химически взаимодействующих с клетками мозга) [28].
2. Сознание в своей сущности не есть процесс в структурах мозга, хотя и связано с ним.
3. Сознание не есть только индивидуальный опыт.
4. Семантическая память не исчерпывает содержания сознания, тем более подсознания и сверхсознания.
5. Сознание не сводится к семантической, смысловой системе или структуре [27], к информационной программе. Подобные упрощенные модели сознания не способны решить проблему изменения структуры личности и раскрытия её духовного, интеллектуального потенциала.
6. Мозг не является субстратом памяти, но формой ее существования и механизмом, регулирующим доступ к ней в конкретных условиях определенного пространства-времени [13].

Согласно святоотеческой антропологии, идеи которой развивает Нестерук, сознание в духовном смысле есть свойство совести, бессовестный лишен сознания,

⁷ Новая философская энциклопедия. – В 4 т. / Под ред. В.С. Степина. — М., 2000—2001.

⁸ В отличие от теории отражения сущность и явление как диалектические противоположности не исчерпывают содержания реального объекта, поскольку источник его бытия – инобытие, логос. Артефакты, искусственно созданные роботы, организмы, к которым относится ИИ, лишены логоса.

он не свободен в духовном смысле этого слова. Отсюда следует, что совесть, духовная свобода есть атрибуты сознания, их проявление зависит от уровня духовного развития личности, от обожения. Развитое сознание – признак личности, отсутствие осознанности есть признак обезличенности. В таком случае и память может быть в большей или меньшей степени личностной либо обезличенной и можно говорить о свободе либо несвободе памяти.

Человек созерцает нетрансцендентную основу логосов, которой он может приобщаться через Божественные энергии. Уровни бытия тварного мира участвуют в Божественных энергиях, или Божьих логосах» [17.344]. И так, взаимосвязь сознания и мозга, уровней сознания, видов памяти может иметь объяснение в контексте идеи иерархии логосов.

Все в мире зависит от Божественных энергий (физические тела, частицы, в том числе разум). Материя – это Божественные энергии [1, 2] доступные нашему разуму и восприятию. Поэтому содержание памяти, противное Закону Божию (закону свободы), – суть форма самоотрицания, самоуничтожения, промыслительно попускаемые до определенного времени. Артефакты причастны Божественным энергиям только на низшем уровне (молекулярного, атомарного взаимодействия), поскольку на высших уровнях не имеют «онтологии, укорененной в логосах» [17].

Каковы же могут быть следствия вмешательства в природу человека в данном аспекте? В зависимости от отношения субъекта к Логосу, познание может способствовать преобразению природы, либо нет. Результаты утилитарно-количественного познания, преследующего эгоистические цели, неизбежно окажутся ограниченными, чреватými негативными последствиями как для самого субъекта, так и для тех, кто будет использовать их в том же направлении.

Человечество сотворено по образу Божьему, – следует из трудов А.В. Нестерука. В человеческой личности присутствует логос, родственный логосам мироздания, благодаря чему существует возможность приобщиться к логосам творения через познание вещей. Отсюда следует вывод о природе памяти. Это есть в своих ос-

нованиях и возможностях способ взаимосвязи логосов. Это одно из качеств человека, способ сопричастия Божественному через логос, через смысл и замысел, увиденный в мироздании, способ осознания присутствия божественной реальности в мироздании. Сознание и память в катастатическом (термин Позова А.С.) состоянии могут функционировать только в конкретных пространстве и времени. Однако если происходит «восстановление личности в Боге», возможно иное осмысление, «без протяженности и длительности». Если атрибутами сознания и памяти являются бесконечность и вечность, то мозг не может быть их субстратом. Мозг – это одна из форм их существования в условиях конкретного пространства-времени [14, 33].

Абстракция компьютерной программы, экстраполируемая то на умственную деятельность, то на поведение или даже жизнь человека в решении ключевых проблем антропологии и глобальных социальных вопросов, не просто ограничивает, но недопустимо искажает реальность. В условиях все большей коммерциализации науки это неизбежно влечет за собой разрушительные последствия для национальной культуры, политики, экономики и т.д. Вопросы о перспективах и последствиях разного рода когнитивных и нейротехнологий (и, в первую очередь для их апологетов и разработчиков) останутся без ответа, пока вопрос «кто мы?» остается в стороне.

Ключевое значение для понимания возможностей и последствий вмешательств в человеческую природу на разных уровнях и в разных формах имеет идея существования нераздельного ипостасного родства между душой и телом. Искусственно вмешиваясь в связь тела и души, в свою телесную организацию, человек сам ограничивает свободу в раскрытии своего потенциала и реализации духовных возможностей.

Какие отсюда могут следовать ограничения и следствия, например, для вмешательств посредством технологий типа DARPA⁹? Искусственное вмешательство в телесный и психический состав неизбежно будет иметь разрушительные следствия, что может проявиться в ограничении способности к творчеству, интуиции, предвидению; телесных, психосоматических заболеваниях, в обезличивании. Когда человек осознанно (из выгоды либо конформистских соображений) либо подозна-

9 «Итак, вот, что они сделали: с помощью инъекции они вводят наноботов в виде оксида графена и гидрогеля в ваши тела. И, таким образом, получается интерфейс между наноботами и клетками головного мозга, это приводит к тому, что вы становитесь рецептором, получателем и передатчиком сигналов. Мозг будет получать сигналы извне, и вами можно манипулировать дистанционно. И это то, что сделала DARPA. Агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны работает над контролем сознания солдат путем имплантации им оксида графена. Это хорошо задокументировано в научных журналах. И есть компании, которым нравится заниматься нейронной электроникой мозга, которая использует оксид графена для взаимодействия с мозгом, чтобы создать рецептор и передатчик, способные контролировать поведение людей. Вот куда мы направляемся. Это и есть трансгуманизм. И это то, с чем мы должны бороться и чему противостоять...» См. подробнее: «Доктор Стив Хотце об инъекциях нанотехнологий DARPA» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.naturalnews.com/2022-04-20-biotech-company-to-control-minds-through-neuromodulation.html> (дата обращения 23.04.24).

тельно перестает управлять своим мышлением (в терминологии св. Отцов – когда ему недостает трезвения, различения и рассуждения), он утрачивает способность понимать обстоятельства и условия, адекватно оценивать свое место в мире, свой потенциал и возможности. Человек становится не способен к созиданию, а энергия вырождается в эгоизм, негативизм и агрессию. Применительно к памяти это означает безусловное доминирование внешней, душевной памяти над внутренней [20], причем такое, что человек утрачивает способность самоконтроля и самообладания вне внешнего управления, что близко к состоянию одержимости. Известные понятия зомби и биоробота также близки к характеристике этого состояния. Информация из памяти низших уровней извлекается произвольно в ответ на стимул и искусственно созданное, неконтролируемое человеком состояние резонанса и т.п. [23, 24].

Нестерук продолжает развитие и обоснование идеи, что Вселенная не есть просто окружающая среда, природные процессы нельзя как угодно произвольно изменять без риска для себя. Интересный аспект проблемы отмечает выдающийся русский мыслитель В.Н. Ильин. Принято считать время независимым от событий, их «динамической онтологии», а точное измерение времени и пространства – признаком научности, – замечает он. Однако временно-пространственные комплексы являются относительными духа [7.16-20].

Разум, лишенный живой полноты восприятия духовного и Божественного во вселенной, исследует и создаёт искусственные условия и технологии, в том числе управления состоянием человека, его памятью, поведением. Ведутся эксперименты с использованием психотехнологий, биотехнологий, наночастиц¹⁰. Поэтому проблемой становится неустранимая ограниченность любых технологий, которая может привести к нарушению условий жизни и равновесия между ипостасным и природным в человеке. Если мы признаем существование Промысла, то в отношении субстанциалистского материалистического мышления и памяти проявляться это будет парадоксально и непредсказуемо. Иначе говоря, стратегический прогноз последствий для личности и управления в рамках такого мировоззрения принципиально невозможен. Перманентная проблема личностного самоуправления во всех сферах образует здесь замкнутый круг.

В идеал-реалистской парадигме мышления перемены во вселенной, уничтожение разделений в ней возможны только при преобразении личности и соответствующем изменении её памяти. Материя и время не бесконечны, их существование промыслительно

ограничено, зависимо от осуществления людьми своего предназначения в соответствии с Божественным Замыслом. Им качественно противопоставляются вечность и бесстрашие¹¹. Духовное преобразование структуры личности, её совершенствование в вере приведет к полной перемене в её восприятии вселенной и преобразению самой вселенной.

Выводы

Состав личности человека включает ипостасное и природное. И ум (ипостасное) и разум (природное) связаны с памятью, но доступ к ней различен. Идеал-реализм в философии согласуется с космологией Нестерука и древнецерковной антропологией, согласно которым человек есть микрокосм, посредник между вселенной и Богом. Благодаря своей ипостасной укорененности в Боге человек способен выходить за пределы наблюдаемой реальности. Человеческая память в своем потенциале укоренена в ипостаси Логоса Божьего, она превосходит свои внешние проявления. Предназначение человека связано с осознанием своей роли и места во вселенной, с обожением и преобразованием всего мироздания, приобщением к Богу. С другой стороны, будущее вселенной имеет цель, только если его рассматривать с точки зрения предназначения человечества.

Согласно позитивистскому, натуралистскому взгляду человек не способен выходить за пределы реальности, которая есть среда его существования, деятельности. Считается, что предназначение человека связано с реализацией поставленных субъективных и прогрессивных [13] целей. Современные модификации прагматизма продолжают развитие идеи [31]. Соответствующими будут оценки потенциала и возможностей развития ИИ, памяти. Материалистическая научная парадигма рассматривает память монистически, сводя её преимущественно к физико-биологическим факторам, придавая им исключительно эпифеноменальный смысл. Одним из следствий является создание различных моделей осуществления бессмертия [19].

Заблуждение, что возможна редукция философских антропологических проблем к их конкретно-научной интерпретации, что философские проблемы имеют только естественнонаучное разрешение, является реинкарнацией прагматистской традиции. Оно препятствует осмыслению философского уровня проблем, поскольку методология науки имеет косвенное отношение к философским объектам. Метафизические и духовные основания научных теорий и познавательных способностей человека не принимаются во внимание [1, 2, 12, 22].

10 Благов И.А. «Гидрогель DARPA: быть или не быть биороботам» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://history.eco/i-blagov-gidrogel-darpa-byt-ili-ne-byt-biorobotam/> (дата обращения 23.04.24).

11 Иже во святых отца нашего святителя Григория, епископа Нисского, Об устройении человека, гл. XXII. СПб.: АxiоМА, 1995, 71.

Актуальность философского решения проблемы памяти в том, что оно обнаруживает и конкретизирует метафизические основания наук о человеке, в том числе ставит вопрос о происхождении их законов. Философия необходима для прояснения научного статуса, оснований и границ науки о памяти в контексте решения метафизической составляющей проблемы человека. Философское исследование не должно быть только обобщением научных методов и результатов. Следуя космологической концепции Нестерука, оно должно рассматривать решение проблемы памяти как способ выявления и осознания человеком своего смысла в мироздании, что и составляет ключевое содержание предмета философии - отношения человека к миру.

Сформулируем выводы, связанные с перспективными направлениями дальнейшего поиска.

1. Современная наука тем более ищет решение проблемы телесной ограниченности человеческой памяти и разума, чем более проясняются его неисчерпаемые возможности.
2. Раскрытие смысла бытия человека, в том числе телеологического аспекта проблемы памяти, духовное развитие человечества, являются условием раскрытия смысла мира, познания вселенной а, следовательно, понимания границ и возможностей соответствующих технологий.
3. В философской антропологии, как и в других областях науки невозможно абстрагироваться от субъективного фактора, связанного с воплощенным, телесным существованием человека. Философская антропология есть самопознание человека, в котором разуму необходимо выйти за пределы самого себя. Это приводит к сужению интервала абстракции различных теорий сознания и памяти, когда реальность невозможно осмыслить вне способа её изучения.
4. В научном исследовании сознания и памяти рассматривают в качестве предмета только то, что доступно для изучения научному методу, который конкретно-историчен, не универсален. Посторонними оказываются многие факты и явления духовной жизни человека, например, взаимосвязь под-сознания и сознания, зависимость управления ею от духовного состояния человека; изменение содержания памяти (не путать с управлением доступом к этому содержанию). В этом смысле философские основания научной проблемы сознания и памяти являются «вечной» проблемой.
5. В древнецерковной антропологии существует понятие и проблема «забвения человеком самого себя». Св. Антоний подчеркивает её неразрыв-

ную связь с гордостью. А их причиной называет неблагоразумие и самопрельщение, ведущее к ослаблению добрых дел¹². Забвение себя проявляется в том, что человек, думает, что он «находится во свете», делает все правильно, тогда как на самом деле находится во мраке (греха), отдаляясь от источника духовной энергии и жизненных сил, от Бога. Тогда одним из источников и оснований памяти может рассматриваться духовная энергия, посредством которой промыслительно открывается та или иная форма доступа к информации.

6. Одна из проблем современных исследований сознания, памяти, разума и т.п. в натуралистско-позитивистской парадигме в том, что они игнорируют факты, составившие основание марксистской философии: исследовать природу мышления, памяти, сознания – значит исследовать их историю, поскольку изменяется их содержание и «качественная структура умственных операций»; «способность человеческого ума к заблуждению, абсурду и противоречию, т.е. к извращению реальности...восходит к «дологическому мышлению»»¹³. Космология Нестерука вполне согласуется с данными фактами.
7. Моделирование физического, химического, биологического и иных миров «зависит от смысла и ...возможности постижимости вселенной, которые не образуются сами по себе на безличном уровне частиц и полей». Источник смысла и возможности постижимости вселенной – сообщество личностей, его «разумность и способность «ипостазировать» реальность, «коренящиеся в трансфизических факторах» [32, 35]. Данный вывод важно учитывать в решении проблемы взаимосвязи памяти и мозговых процессов, в технологиях изменения семантической памяти (термин Смирнова И.В.) и т.п.
8. Фундаментальные понятия антропологии должны учитывать реалии, которые выходят за рамки физического существования. Таким образом, ключевые принципы материалистического мировоззрения, теории отражения (например: логическая структура понятия определяется «объективным строением предмета»; сущность предмета познания состоит в «диалектическом единстве воспроизводящей и изменяющей его сторон познания» с определяющей ролью объективного содержания [25.54]; «объективная природа предмета» раскрывается в практике познания и «имеет решающее значение в развитии научных методов»; познание есть активность, имеющая место в «объективной реальности природной и общественной среды, как отражение в мысли предмета, существующе-

12 Антоний Великий. Поучения (2004). С.121.

13 Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история (1966). С. 178.

го независимо от мысли и ей предшествующего») оказываются недостаточными.

9. Трактовка критерия истины, предложенная А.С. Лебедевым, применительно к философским исследованиям сознания и памяти не является исчерпывающей. Как следует из исследований

Нестерука, Позова, Бровковича, Флоренского, Лосева, Гриневича и др. в этой области существуют универсальные принципы, незнание или игнорирование которых по тем или иным причинам будет существенно ограничивать возможность объяснения и предвидения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровкович А.И. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. - Т. 1, 2. Санкт-Петербург, 1875. – 459 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikanor_Brovkovich/positivnaja-filosofija-i-sverhchuvstvennoe-bytie-tom-1/ https://azbyka.ru/otechnik/Nikanor_Brovkovich/positivnaja-filosofija-i-sverhchuvstvennoe-bytie-tom-2/ (дата обращения 09.01.2024).
2. Войно-Ясенецкий В.Ф. Дух, душа и тело. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/dukh-dusha-i-telo/ (дата обращения 15.04.2024).
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. – 400с.
4. Гриневич И.Ф. Рассуждение вступительное об изучении философии и истинной природе оной//Кантовский сборник. Вып. 7. – Калининград, 1982. - 122-149 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kant-online.ru/wp-content/uploads/2014/01/142014.pdf> (дата обращения 15.05.2024).
5. Дуров В.Л. Дрессировка животных. М., 2024. – 489 с.
6. Ильин В.Н. Шесть дней творения. – Минск, 2006. – 191 с.
7. Ланца Р., Берман Б. Биоцентризм. Как жизнь создает Вселенную. - Санкт-Петербург; 2015. – 250 с.
8. Лебедев С.А. Дух и душа как категории нерелигиозной антропологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://auspublishers.com.au/temp/4692df4431168fe10c282c51e7ca533d.pdf> (дата обращения 05.01.2023).
9. Лебедев А.С. Научная истина и её критерии. <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/145278> (дата обращения 23.04.24).
10. Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997. – 831 с.
11. Лосский Н.О. Типы мировоззрений. - Париж, 1931. – 184 с.
12. Миклин А.М. К определению понятия «прогресс» //Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971.- С. 271-289.
13. Мостепаненко А.М. Некоторые аспекты диалектики пространства и времени. //Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971.- С. 181-199.
14. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М., 1989. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://opentextnn.ru/man/nalimov-v-v-spontannost-soznaniya-verojatnostnaja-teorija-smyslov-i-smyslovaja-arhitektonika-lichnosti/> (дата обращения 29.03. 24).
15. Нестерук А.В. Космология Платона и платонизм в современной космологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pinvestigations.ru/stable/362D9371-A531-4244-8151-714CE1A4A09B> (дата обращения 02.01.2024).
16. Нестерук А.В. Логос и космос: богословие, наука и православное предание. - Москва, 2006. - 399 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/logos-i-kosmos-bogoslovie-nauka-i-pravoslavnoe-predanie/#source> (дата обращения 26.12.2023).
17. Нестерук А.В. Философские основания диалога между наукой и религией [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russculture.ru/2018/07/24/%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9-%D0%BD%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%83%D0%BA-%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0/> (дата обращения 14.01.2024).
18. Нестерук А.В. Экспликация фундаментальных философских проблем в современной космологии. – СПб., 2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/eksplikatsiya-fundamentalnykh-filosofskikh-problem-v-sovremennoi-kosmologii> (дата обращения 26.12.2023).
19. Позов А.С. Основы древнецерковной антропологии. – Т.1, 2. – Санкт-Петербург, 2008. – 570 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avraam_Pozov/osnovy-drevnetserkovnoj-antropologii-tom-1-syn-chelovecheskij/ (дата обращения 14.01.2024).
20. Преподобный Антоний (Великий). Поучения. М., 2004. – 432 с.
21. Селенский Е.Е. Живые организмы как системы принятия решений. - 2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/10/22/zhivye_organizmy_kak_sistemy_prinyatiya_reshenij (дата обращения 08.01.2024).
22. Смирнов И.В. Психозкология. М., 2003 – 336 с.
23. Смирнов И.В., Безносюк Е., Журавлёв А. Психотехнологии. Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. – М., 1995. - 416 с.
24. Современная буржуазная философия/ Под. Ред. Богомолова А.С. и др. - М., 1972. – 651 с.
25. Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. Т.1. – М., 1900. – 462 с.
26. Иванов Д. Управление посредством ботов-имплантов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nplus1.ru/material/2019/09/16/neurointerface> (дата обращения 30.03. 24)
27. Труфанов С.Н. Наука логики Гегеля в доступном изложении. Самара, 1999. – 187 с.
28. Флоренский П.А. У водоразделов мысли// сочинения. – В 4 т. - Т. 3 (1). – 2000 – 621 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/3_44 (дата обращения 26.11.2023).

29. Хомяков А.С. Записки о всемирной истории / Полное собрание сочинений А.С. Хомякова. - Т.5. - М., 1904. - 535 с.
 30. Эпштейн М. От гуманитарных наук к современным технологиям// Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Том 3 № 1, 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/1298/view#collapse-3> (дата обращения 26.12.2023).
 31. Alexei V. Nesteruk. A "Participatory Universe" of J. A. Wheeler as an Intentional Correlate of Embodied Subjects and an Example of Purposiveness in Physics// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2013 6) 415-437.
 32. John C. Lennox Can Science Explain Everything? - The Good Book Company, 2019. - 128 с.
 33. Semon R. Die Mneme: Als Erhaltendes Prinzip im Wechsel des Organischen Geschehens. - Leipzig, 1907. - 414 с.
 34. Wheeler John Archibald. At Home in the Universe. Amer Inst of Physics, 1994. - 371 с.
-

© Александрова Ольга Степановна (07_aos@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DIGITAL HUMANITIES И КОНВЕРГЕНТНЫЙ ПОДХОД

DIGITAL HUMANITIES AND
A CONVERGENT APPROACH

O. Baksansky

Summary: Thesis analyzes the current scientific direction, often referred to as Digital Humanities. The price question is whether we can consider the Digital Humanities approach a discipline in itself. The paper offers a brief overview of Digital Humanities and its basic definitions, identifies the basic features and characteristics of the field, describes the current framework and range of disciplines that served as the basis for its development.

Keywords: interdisciplinary, Digital Humanities, convergent approach, natural research methods.

Баксанский Олег Евгеньевич

доктор философских наук, профессор, Институт философии им. П.Н. Лебедева Российская академия наук
(г. Москва)
obucks@mail.ru

Аннотация: В работе проводится анализ современного научного направления, часто обозначаемого как Digital Humanities. При этом центральным вопросом является следующий: можем ли мы считать подход Digital Humanities самостоятельной дисциплиной. В работе предлагается краткий обзор Digital Humanities и его базовых дефиниций, выявляются основные черты и характерные свойства данной области, описываются временные рамки формирования и круг дисциплин, служивших базой для ее становления.

Ключевые слова: междисциплинарность, Digital Humanities, конвергентный подход, естественнонаучные методы исследования.

Междисциплинарность, ставшая мейнстримом развития научных направлений XX века, затронула все научные сферы, включая гуманитарное знание. Изучение междисциплинарности как формирующегося феномена началось примерно в 1950–1970-х годах [1] и неразрывно связано с синтезом и системным подходом как комплексным изучением объектов, что определяет природу междисциплинарных работ как особой «деятельности, которая требует для своего осуществления непосредственного объединения усилий представителей различных дисциплин в ходе отдельного исследования» [3].

При этом особым видом междисциплинарного взаимодействия, характеризующего междисциплинарность в узком смысле, в научном обиходе выделяют интердисциплинарность, возникающую на базе интеграции между несколькими дисциплинами; она включает стратегии междисциплинарного взаимодействия, формирующего новое знание, общее для составляющих его наук [5]. «Интердисциплинарность является ведущим фактором интеграции современной науки, она одновременно углубляет и дифференциацию научного знания, время от времени приводя к появлению новых направлений, или даже отдельных наук «на стыке» традиционных дисциплин».

В XX веке междисциплинарность стала развиваться в русле нескольких направлений и ознаменовалась использованием естественнонаучных методов в смежных предметных областях и сферах практической деятельности, внедрением обширного спектра информационных технологий, методов математического моделирования и компьютерной визуализации и формированием новых дисциплин [4], что привело к многочисленным дискуссиям о том, можно ли считать самостоятельной наукой

применение информационных технологий в гуманитарных исследованиях.

При этом представляется, что термин «цифровая гуманитаристика» является не совсем корректным, ибо речь идет не только об использовании информационных технологий и баз данных, но и о широком спектре естественнонаучных методов исследования, которые ранее в гуманитарных дисциплинах не применялись. Но, к сожалению, приходится считаться с его широким распространением в научной литературе.

Раньше у исследователей были под рукой десятки, сотни, в лучшем случае тысячи книг — сегодня речь идет о миллионах. Как изучать их, если на прочтение не хватит и тысячи лет? Раньше десятки тысяч рукописей пылились в архивах и были доступны лишь избранным — теперь они оцифровываются, снабжаются «умной» разметкой и инструментами интеллектуального поиска. Как анализировать и делать выводы из этого богатства данных? Раньше картография была уделом избранных — теперь расставить свои координаты на интерактивном глобусе может каждый. Как с помощью Google Maps узнать новое о торговле в античном мире, распространении чумы в средневековой Европе или авиаперевозках в послевоенном СССР? Все эти вопросы заставили гуманитарных исследователей освоить совершенно нехарактерные для них навыки и знания — анализ данных, data science, автоматическую обработку текста (text mining), теорию сетей, геоинформатику. Так и появились «цифровые гуманитарии».

А датисчерпывающее определение Digital Humanities почти невозможно. На сайте whatisdigitalhumanities.com есть 817 разных вариантов/.

На самом деле формальные исследования гуманитарных объектов имеют богатую историю в XX веке — это и стиховедение, и исторические базы данных, и стилометрия. Для лингвистов же работа с корпусами текстов и статистическими данными давно стало мейнстримом. Фактически новый расцвет интереса к точным методам в гуманитарных областях связан с появлением новых возможностей — доступностью электронных текстов, развитием методов их автоматического анализа, новыми мощностями хранения и обработки, новыми инструментами работы с данными.

Поэтому мы предпочитаем говорить именно о Digital Humanities без «калькированного» «перевода» на русский язык.

Предпосылки зарождения *Digital Humanities*, по мнению Дж. Шнаппа, одного из авторов книги «Digital Humanities», были заложены самой историей развития дисциплин, формирующих ядро этой системы знаний. В послевоенное время, когда компьютеризация и информатизация распространились на различные научные сферы, в значительной мере определив их становление, было положено начало исследованиям в таких областях, как *computing in the humanities*, *humanistic computing*, *computational humanities*, *humanities informatics*. Применение инновационных подходов для анализа культурных объектов и текстов положило начало взаимодействию гуманитарных наук, информатики и компьютерных систем, сформировавшему *Digital Humanities* — своего рода экспериментальную площадку, которую сложно назвать новой областью знаний или новым научным направлением в привычном смысле этого слова [Digital Humanities [http](http://)].

Схожей точки зрения придерживается Т. Манфред, выделяя «*computing in the humanities*» (компьютерные методы в гуманитарных науках) как научное направление, ставшее фундаментом для *Digital Humanities*. Его становление было предопределено двумя стимулами: поиском более легких способов обработки фактов и особым научным «климатом», предполагающим сближение интеллектуальных традиций гуманитарных и естественных наук [1].

Первые исследования, проводимые в русле формирующегося направления, приходятся на конец 1940-х — начало 1970-х годов. В последующие десятилетия информационный подход к гуманитарным исследованиям распространился на такие сферы деятельности как построение корпусов, кодировка текстов, формирование баз данных, позволяющих в новых масштабах обрабатывать сведения и разрабатывать машиночитаемые карточки и системы обработки информации. Таким образом, традиционный научный инструментарий расширился, став доступным более широкому кругу лиц. В таком по-

нимании термин «*digital humanities*» не заменяет, а дополняет классические исследовательские методы, эту область знаний сложно воспринимать как единую науку, она охватывает множество гуманитарных направлений, выдвигая на первый план созидание, переосмысление и сотрудничество. *Digital Humanities* больше напоминает экспериментальную научную площадку, преобразующую и трансформирующую разные формы гуманитарного знания, и эту площадку сложно вписать в уже существующую научную область [8].

За время своего существования это научное направление сменило несколько названий: цифровые ресурсы в гуманитарных науках, компьютерная лингвистика, гуманитарная информатика, литературоведение и это ещё не полный перечень наименований. Именно такой широкий спектр исследуемой проблематики породил «внутренний вопрос о том, что составляет суть гуманитарной информатики и как ее можно определить», став самостоятельной темой для изучения [2].

Действительно, *Digital Humanities* нельзя однозначно отнести к традиционной гуманитарной дисциплине или компьютерным наукам.

В хрестоматии «Цифровые гуманитарные науки» *Digital Humanities* трактуется как «междисциплинарная наука, где ученые используют компьютерные технологии в попытках ответить на традиционные вопросы гуманитарных наук, или <...> изучают компьютерные технологии в ракурсе гуманитарных наук» [3].

Похожую дефиницию приводит Дж. Т. Кляйн в книге *Interdisciplining Digital Humanities: Boundary Work in an Emerging Field*: *Digital Humanities* — стремительно растущее междисциплинарное исследовательское поле, точка пересечения компьютерных методов, гуманитарных наук, искусствоведения, культуры и коммуникации [Шейко 2023]. Автор работы относит к *Digital Humanities* следующие сферы:

- компьютерная лингвистика и обработка языка;
- создание и редактирование текстов в электронном формате;
- цифровые библиотеки, архивы и коллекции;
- применение компьютерных технологий в гуманитарных науках и искусствоведении;
- применение компьютерных технологий в междисциплинарных исследованиях [Шейко 2023].

Наряду с термином «*Digital Humanities*» в работах некоторых авторов встречается термин «*eHumanities*»/«*e-humanities*» (электронные гуманитарные науки) [Шейко 2023]. Так, в работе 2013 г. профессор I. Leemans ставит «*e-humanities*» в один ряд с «*Digital Humanities*», описывая их как «зонтичные термины». «Почти каждое исследование в области гуманитарных наук, проводимое с помощью

информационных компьютерных технологий, можно отнести к *e-humanities*, начиная с обработки и оцифровки информации и заканчивая анализом и визуализацией» [Баксанский 2023]. М. Киршенбаум в работе «Что такое цифровые гуманитарные науки и что они делают на кафедрах английского языка?» упоминает *eHumanities* как один из вариантов наименования вновь формирующейся науки, позднее получившей название *Digital Humanities* [6].

Проведенный анализ теоретического материала наглядно иллюстрирует, что подходы к определению «Digital Humanities» разнообразны, несмотря на спорный статус данного научного направления. При этом одни исследователи используют термины «Digital Humanities» (цифровые гуманитарные науки) и «Humanities Computing» (гуманитарная информатика) как синонимы, другие же указывают на то, что «Humanities Computing» является предшественником «Digital Humanities» [8; 9].

В работе «The Origins of Humanities Computing and the Digital Humanities Turn» D. Buzzetti также продолжает мысль о том, что «термин «Digital Humanities» стал использоваться для области «Humanities Computing», объединяя в своей дефиниции все сферы применения цифровых инструментов в гуманитарных науках. Даже простая электронная книга или мобильные устройства, предназначенные для использования мультимедийных технологий, попадают в предметное поле гуманитарной информатики. По мнению автора работы, «Humanities Computing» эволюционирует в «Digital Humanities», уступая место новой экспериментальной модели функционирования гуманитарных наук [1].

Междисциплинарность и интердисциплинарность, о которых мы писали в начале статьи, являются основополагающей чертой исследований, проводимых в русле этих сфер научного знания. Об интер- и междисциплинарности Digital Humanities упоминается практически в каждой работе, посвященной новой области знаний.

Авторы отмечают инструментальную и методологическую междисциплинарность и даже полидисциплинарность Digital Humanities и предлагают разнообразные дефиниции этого динамично развивающегося научного направления, связывая его с «конвергентными научными исследованиями, совокупностями моделей и практик в области гуманитарных наук, использующих информационные технологии для реализации содержательных задач» [4], в основе научных исследований, проводимых в русле Digital Humanities наук, лежит трансформационный процесс, «объединяющий методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий в гуманитарных науках и образовании» [6].

Несмотря на дискуссионный характер статуса этого научного направления и сомнения, выражаемые отечественными и зарубежными исследователями касательно его самостоятельности, популярность *Digital Humanities* неуклонно растет, объединяя все большее количество ученых в попытке объяснить: что такое *Digital Humanities* и что она изучает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. - М., 2020.
2. Баксанский О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения. - М., 2019.
3. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. - М., 2022.
4. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию. - М., 2022.
5. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования. - М., 2023.
6. Шейко А.М. Digital humanities и цифровая филология: Истоки и перспективы развития/ Теория языка и межкультурная коммуникация. Выпуск 3(50), 2023, сс. 259-273.
7. Buzzetti D. The Origins of Humanities Computing and the Digital Humanities Turn // Humanist Studies & the Digital Age. 2019. №6(1). P. 32–58.
8. Digital Humanities [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/27936> (дата обращения: 30.01.2024).
9. URL: <https://postnauka.ru/video/27936> (дата обращения: 30.01.2023). Interview with Jeffrey Schnapp. Digital Humanities [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cineca.it/en/in-depth/Interview-Jeffrey-Schnapp-digital-humanities> (дата обращения: 30.01.2024).

© Баксанский Олег Евгеньевич (obucks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ МИССИИ ЖЕНЩИНЫ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ (I-VI ВВ.) В ЕВРОПЕ

Рыбант Ирина Викторовна

Соискатель, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
irarybant@mail.ru

THE FORMATION OF THE SPIRITUAL MISSION OF WOMEN IN THE EARLY CHRISTIAN CHURCH (I-VI CENTURIES) IN EUROPE

I. Rybant

Summary: The origin of the spiritual mission of women in the early Christian church in the context of modernity acquires an important historical, cultural and social role. The relevance of this issue reflects the connection with the period of the early Christian church and is of scientific interest, revealing to us the reasons and conditions for the formation and development of the spiritual image of women in Europe.

Keywords: woman's mission, early Christian church, deaconesses, widows, virgins, prophetesses, functions, ministry, church, society, obedience.

Аннотация: Зарождение духовной миссии женщины в раннехристианской церкви в контексте современности приобретает важную историческую, культурную и общественную роль. Актуальность данного вопроса отражает связь с периодом раннехристианской церкви и представляет собой научный интерес, открывая нам причины и условия становления, развития духовного образа женщины в Европе.

Ключевые слова: миссия женщины, раннехристианская церковь, диаконы, вдовы, девы, пророчицы, функции, служение, церковь, общество, подчинение.

Рассматривая духовную миссию женщин, нужно учитывать не только естественное призвание женщин, которое заключается в ее природных дарованиях — строения тела и наличия детородных функций, в ее умственных способностях, в ее индивидуальных талантах и профессиональных навыках, но также необходимо учитывать духовное призвание, данное ей свыше. Разумеется, что духовное призвание в жизни женщины также играет важную роль в обществе, так как оно влияет на совершенствование внешнего мира, на социальное устройство мира в целом. Духовное призвание может быть как индивидуальным, так и общественным, как открытым, видимым, так и закрытым для публичного пространства. На протяжении всей истории развития образа европейской женщины, начиная с христианства, женщины вовлекались в духовную жизнь и служение наряду с мужчинами, хотя выполняли и не все функции служителей, оставаясь в подчинении мужского господства. Но именно христианство дало женщине свободу в служении, высвободив для нее новые роли в служении Богу и обществу. Так, евангельские истории повествуют нам о роли и служении женщин в то время, когда жил Иисус Христос. С той эпохи начинается вовлечение женщин в христианское служение в церкви. Первое упоминание о служении женщин мы встречаем в Евангелии, где говорится о том, что женщины, следовавшие за Иисусом, служили непосредственно Ему: «между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» [1, С. 72]. Из Евангелия мы узнаем имена женщин, которым Он помог, исцелив их от разных болезней: «Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена

Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим» [2, С. 36].

Апостол Павел рассказывает также о важной роли женщин в первые века христианской церкви в Риме и в других европейских городах, рассказывая об их делах, служении и функциях в церкви. Также он классифицирует служение, определяя их роли в церковной иерархии. Таким образом, мы узнаем о пророчицах, девах, вдовах, старицах и диаконах, осуществлявших духовную миссию в обществе. Эти имена упоминаются в его послании к Римлянам и в других письмах: Тавифа, Фива, Трифена, Трифоса, Еводия, Синтия, Апия, Хлоя. Персида, Лидия, Юлия, Юния и Клавдия, сестры и матери служителей, которые наряду с мужчинами осуществляли служение в церкви. Например, Акила и Прискилла, муж и жена, вместе управляли домашней церковью в Риме, проповедуя другим людям, равно как еще одна супружеская пара Андроника и Юния осуществляли совместное служение в церкви, вместе проповедуя и наставляя, уча людей. Из этих источников мы видим, что и женщины наряду с мужчинами делились словом, увещевали, проповедовали и рассказывали людям о спасении и духовном совершенствовании. Апостолом Павлом были сформулированы четкие указания для женщин в служении церкви. Эти указания относились к их моральным качествам, а также к общественным функциям в церкви. Женщины могли учить других и наставлять, делиться словом или наставлением, пророчествовать, осуществлять другие какие-то общественные и социальные функции в церкви, находясь в подчинении. Об этом говорил сам апостол Павел: «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено

им говорить, а быть в подчинении, как закон говорит» [3, С. 216]. Также они могли и пророчествовать, то есть участвовать в духовном служении, но также находясь в правильной позиции, соблюдая послушание, уважая старших лидеров, пресвитеров.

В первых веках выделялось служение стариц в церкви, которые должны были быть определенного возраста (около 60 лет), целомудренными, чистыми, добрыми и покорными своим мужьям. Они должны были учить добру, любви и послушанию в семье своим мужьям, то есть они не только подавали пример молодым своими делами и жизнью, но также вразумляли, учили и давали наставление. Исторические исследования подтверждают то, что стариц почитали в церкви и им отводили особые места на служении в собраниях: «А девственницы и вдовицы и старицы пусть стоят или сидят впереди всех...» [4].

Также мы узнаем о другой категории в духовном служении: девы и вдовы, миссия которых была схожа. Исходя из библейских посланий, мы узнаем, что на этот класс женщин возлагалось особое призвание в духовном служении. И в первые века (I–VI вв.) христианской церкви в Европе — в восточной и западной церкви уделяли особое внимание этим женщинам, а также высоко чтит вдов и дев в церкви, заботясь о них и допуская их к делам церкви, связанных с милосердием, заботой, попечением, посещением бедных и больных. Они осуществляли социальную роль в церкви и несли учение о добре и любви за пределы церковных зданий, в массы людей. А также они выполняли скрытую для глаз духовную миссию, которая состояла в молитве и посте. Да, они не могли проповедовать в церкви, но за пределами церкви они вели духовную работу, наставляя и назидая других людей, совершая духовные дела милосердия, которые были громче всяких слов. Вдов материально поддерживала церковь, но они также должны были находиться в подчинении. В постановлениях было сказано, что они «должны быть степенны, покорны епископам и пресвитерам, и диаконам, а сверх того — диаконисам» [5]. Основное их служение заключалось в молитвенной поддержке, а также в праведном образе жизни, что не всегда исполнялось и подвергалось нареканию. Современник того времени возмущался этим: «А ты, своевольная вдовица, — ты видишь вдов, твоих единомышленниц, или твоих братьев в болезни, но ты не заботишься о твоих членах, чтобы (за них) поститься, молиться, возлагать руку и посещать их, а представляешься больной или несвободной» [6]. Публичная проповедь в церкви была ограничена для вдов и они использовали только краткое наставление, не углубляясь в христианские догматы. «Если кто спрашивает ее о чем-нибудь, пусть она отвечает не немедленно, кроме того случая, когда дело касается оправдания и веры в Бога; желающих быть наученными, пусть отсылает к предстоятелям и тем, которые спрашивают, дает только ответ» [7], — так было сказано в церковных правилах. Но они по-

могали в служении епископу, находились в подчинении, совершали разные благотворительные и социальные работы. Об этом свидетельствуют слова Псевдо-Игнатия: «Приветствую отряд дев, строй вдов, помощью которых пользовался и я» [8]. В «Церковных канонах апостолов» перечисляются обязанности этих женщин. Там сказано, чтобы были «поставлены три вдовицы. Две [должны] пребывать в молитве о всех, кто находится в искушении, и для откровения о том, в чем будет нужда. Одна же, прислуживая тем, кто искушается в болезнях, должна быть доброй служительницей, трезвой, возвещающей пресвитерам то, что надлежит, не корыстолюбивой, не пристрастной к вину, чтобы она могла быть трезвой для ночных служб, и если какая-либо [вдовица] захочет сделать иное доброе дело. Ибо это доброе сокровище Господне» [9]. Мы видим, что служение вдовиц было структурировано в церкви, был сформирован церковный статус их в служении, они участвовали в ночных службах, совершая молитвенные приношения. Но, в отличие от дьяконов, Ипполит в «Апостольском предании» пишет, что их не рукополагали на служение, а они совершали все дела добровольно: «Не возлагается на нее рука потому, что она не приносит жертву и не имеет литургического служения. Посвящение совершается над клириками благодаря литургическому служению, вдова же возводится для молитвы, а это — дело всех» [10]. Служивших вдов при церкви, которые прожили святую и добродетельную жизнь, причисляли даже к святым. Надпись папы Пасхалия I (IX век) в базилике св. Пракседии на Эсквiline, на которой выбиты имена 16 вдов и дев, захороненных в этом храме, свидетельствует об этом. Девы также, как и вдовы хранили обет безбрачия, посвящая свою жизнь служению Богу и церкви, оставаясь приближенными к епископу и помогая пресвитерам совершать духовную миссию. В дальнейшем они проложили путь к монашескому служению в Средневековье.

Статус дев представлял собой группу молодых женщин, добровольно вступивших в церковь, чтобы соблюдать целомудрие и безбрачие. Это решение воспринималось обществом и церковью как несение пожизненного долга, за нарушение которого грозила даже уголовная ответственность. Девы также совершали молитвенное служение и помогали в церкви нести социальное служение и оказывали помощь. Они также почитались церковью, о чем свидетельствуют факты, описывающие, как обращались к ним, называя их священнодевами. Например, «юная «священнодева достойная Александра» (449 г.), Эмилиана, священнодева (489 г.), Ницелла, Божья дева, 17-летняя «Виктория, верная дева», достойная и почтенная дева (*dignae et meritaе uirgini*) Адеодата, Евсевия — святая дева, пострадавшая в правление Декия» [11]. Все эти эпитеты отражают статус этих женщин и характеризуют их социальную роль в жизни церкви и общества, а также показывают отношение к ним церковной общины, что доказывает тот факт, что женщины в ранней церкви играли большую роль в развитии и служении церкви,

осуществляли огромную благотворительную и социальную работу в церкви, помогали служителям, несли также сами служение, уча и наставляя других людей, совершали часть христианского служения, и внесли огромный вклад в жизнь общества, а также заложили фундамент для дальнейшего служения в новых реалиях изменившегося общества Средневековья. Согласно источникам мы знаем, что девы не только молились или постились, но также они были образованны и начитанны, интеллектуально развиты, так что Псевдо-Игнатий называл их «священнослужительницами Христовыми. А другой свидетель так отзывался о Синклитикии: «Она жадно впитывала Писания, [излагавшие] церковные догматы, так что, если бы ее пол не был лишен свободы, она могла бы учить, ведь в ее женском теле обитала мужская душа» [12].

Непосредственное участие в служении принимали диаконисы, которые осуществляли разные функции в церкви и несли ответственное служение. В посланиях Павла мы читаем о римских женщинах, которые даже вместе с мужьями не только проповедовали, но и руководили церковью. В Послании к Римлянам упоминаются имена этих женщин: Фива, которая служила диаконисой, Прискилла и ее муж, которые помогали ему в служении, Трифена и Юния, Персида, которые много послужили в церкви, сестра Нирея и Юлия, мать Руфа. С первых веков нашей эры женщины могли нести служение диаконис, проповедниц, учениц, религиозных лидеров, могли участвовать в социальной и организационной деятельности церкви. Женщины превышали количество мужчин в церкви, потому что там они чувствовали свободу и принятие своих даров и себя. Из исторических источников мы узнаем, что диаконисами становились вдовы или женщины в зрелом возрасте, но также могли быть и молодые вдовы. Они рукополагались на служение и также высоко почитались в церкви, играя существенную роль, о чем свидетельствуют эпитеты, которые использовались при обращении к ним в то время: «высокопочтимая», «преподобная». Апостол Павел учреждает этот вид служения в церкви, упоминая имена диаконис в новозаветной церкви. Вне Нового завета упоминание о диаконисах мы встречаем в письме римского правителя Плиния императору Траяну (около 112 г.), где он говорит о двух служительницах, называемых диаконисами, которые подверглись пыткам. *Ministrae* является латинским переводом с греческого *diakonoī*, что означает служитель. Климент Александрийский, Ориген отмечают о таком служении женщин в церкви. Диаконисы занимали важные позиции и выполняли необходимую работу в церкви: «А потому ты, епископ, назначай себе делателей правды. Помощников, помогающих в жизни народу твоему. Кого тебе угодно из всего народа, тех и избирай и назначай диаконами, мужчину, чтобы заботился о многих необходимых вещах, и женщину для служения (*ministerium*) женщинам. Ибо существуют дома, в которые ты не можешь послать к женщинам диакона

из-за язычников, а пошлешь диаконису. Ибо служение женщины диаконисы необходимо и во многих других случаях» [13]. Это служение отражало многие аспекты жизни общины, оказывало духовное влияние на разные слои общества, отличалось тем, что этим статусом наделяли после особой молитвы посвящения и рукоположения в торжественной обстановке. Процесс должен был выглядеть так: «Ты, епископ, возложи на нее руки, в предстоянии пресвитерства, диаконов и диаконисс, и скажи: Бог Вечный, Отец Господа нашего Иисуса Христа, мужа и жены Создатель, исполнивший Духом Мариамь и Деворру, и Анну и Олдану, не отказавший Единородному Сыну Твоему родиться от жены, и в скинии свидетельства и в храме избравший жен стражами святых ворот Твоих. Сам и ныне призри на рабу Твою сию, избранную для служения, и дай ей Духа Святого, и очисти её от всякой скверны плоти и духа для того, чтобы достойно совершать врученное ей дело во славу Твою и похвалу Христа Твоего, с Которым Тебе слава и поклонение, и Святому Духу во веки. Аминь» [14]. Поэтому женщины, которые становились диаконисами, играли существенную роль и выполняли важную духовную миссию, данную Богом, под руководством старших пресвитеров и епископов.

В Апостольских Постановлениях даются предписания о том, что «Диаконисса не благословляет, но и ничего не совершает из того, что делают пресвитеры или диаконы: она стережет двери и служит пресвитерам при погружении женщин, для благоприличия» [15]. Также они должны были подготавливать женщин к крещению и наставлять их в учении. В Карфагенском Соборе также упоминается о том, как должны были учить женщины других: «Вдовицы или инокини, которые поставляются для служения при крещении женщин, так были приготовлены к своей должности, чтобы на простом и священном наречии могли учить несведущих и необразованных женщин, как им отвечать на вопросы крещаемого, во время совершения Таинства и как жить по принятии крещения» [16].

Суммируя все исторические факты, мы можем сказать, что в их обязанности входили следующие функции:

1. Они оказывали помощь при крещении, потому что требовалось, чтобы женщин помазывали именно диаконисы.
2. Они обучали принявших крещение женщин. «Важнейшая из всех обязанностей диаконисс состояла в том, чтобы учить женщин, которые готовились к принятию крещения, начальным истинам христианской веры и нравственности» [17].
3. Они помогали епископам, доставляли послания, посещали женщин.
4. Они должны были служить бедным и больным людям, заботиться о сиротах, служили мученикам в темницах.
5. Контролировали порядок в женском отделении храма.

6. Вдовы и девы находились под управлением диаконис. Они могли управлять целой общиной дев. Об этом писал Григорий Нисский: «Диаконисса могла стоять во главе общины или хора дев и выполнять какие-то руководящие функции. Светильник было ей имя...» [18].
7. Диаконисы должны были присутствовать при частных беседах духовных лиц с женщинами.

Очень показательными для исследования являются письма Иоанна Златоуста Святой Олимпиаде, в которых мы узнаем о добродетельной жизни, стойкости духа, твердой вере и посвящении этой женщины. Будучи молодой вдовой, она посвятила свою жизнь служению Богу и совершила много дел, достойных похвалы и уважения. Сам Златоуст высоко чтит ее и утешает, наставляет в своих письмах, обращаясь к ней такими словами: «Госпоже моей достопочтеннейшей и боголюбнейшей диакониссе Олимпиаде» [19]. Также другие источники подтверждают огромный труд и служение этой женщины: «Она [Олимпиада], расточая свое имущество, все раздавала нищим: немало подвизаясь в брани за истину, наставляла многих женщин, почитала пресвитеров, воздавала почести епископам и удостоилась исповедничества [в борьбе] за истину. Жители Константинополя считают ее по [образу] жизни в числе исповедниц» [20]. Также были известны другие имена в то время — это благочестивые вдовы Пентадия, Сальвина и Ампрукла.

Источники подтверждают, что в VI–VII веках в Великой Константинопольской Церкви по постановлению должны были находиться около 40 диаконис, что доказывает то, как много женщин служили в то время, выполняя важную духовную работу.

Диаконисы признавались членами клира согласно церковному и гражданскому праву, поэтому они избирались через возложение рук епископа, одни и те же слова произносились во время обряда применительно как к мужчинам, так и к женщинам, наделяя обоих дарами Святого Духа. Эти слова подтверждают их приближенное состояние внутри церкви: «Первым посреди пусть становится епископ, позади него с обеих сторон пусть становятся пресвитеры; за пресвитерами, стоящими с левой стороны, пусть находятся вдовицы; за пресвитерами, стоящими с правой стороны, — диаконы, за ними чтецы, за чтецами иподиаконы и, наконец, диакониссы» [21]. Таким образом, женский диаконат занимал почетную должность, которую занимали избранные, образованные женщины.

Также можно упомянуть о другом классе служителей среди женщин того времени - пророчицах, которые тоже были популярны и наряду с мужчинами действовали в дарах Святого Духа, что вызывало уважение и важность этого дара в церкви, о котором также говорил апостол Петр: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от

Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать» [22, С. 131].

Но спустя время служение женщин вытесняется, средневековые «закрывает» женщин в монастыре. Слова апостола Павла теряют свою значимость о том, что «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» [23, С. 233], и женщины, теряя свою свободу, данную ей самим Христом, погружаются в закрытое служение в монастыре, посвящая себя молитве и затворничеству.

Суммируя все аргументы, мы можем сделать выводы о том, что служение женщин в ранней церкви (I–VI вв.) в Европе:

1. Было открытым, так как женщины помимо семьи могли принимать участие в духовной, социальной, благотворительной работе в обществе и в церкви.
2. Служение женщин проходило под руководством епископов и пресвитеров, а это значит, что женщины не самостоятельно служили, а находились в подчинении и послушании.
3. Не все женщины допускались к служению в церкви, а только те, которые посвятили себя безбрачию и Богу, так как им нельзя было вновь выходить замуж, поэтому это были девы, вдовы и диаконисы.
4. Женщины диаконисы могли возглавлять общины дев и вдов, которые должны были им подчиняться и во всем слушаться, а это значит, что женщины могли управлять в церкви этими группами и нести ответственность за них. Также женщины контролировали женскую часть в храме, руководили порядком.
5. Женщины служительницы могли учить и наставлять других женщин, обучая их Слову Божьему, духовным правилам и законом, назидая в вере во время посещения, индивидуально, при крещении. А это значит, что эти служительницы были образованны, изучали Слово Божье и много читали.
6. Женщины играли важную роль в церкви и служили вместе с мужчинами, разделяя обязанности, присутствовали в первых рядах рядом с епископом, участвовали непосредственно в служении, являясь посредниками между пресвитерами и женщинами.
7. Женщины помогали нести служение епископа, выполняя и разделяя ту работу, которую не могли физически выполнить епископы и пресвитеры.
8. Женщины просвещали других женщин за пределами церкви, уча их и вразумляя, наставляя на путь Божий, потому что мужчины служителя не могли посещать сами женщин в домах.
9. Женщины в служении показывали пример добродетели, веры, любви и милосердия в своей жизни, так как они были на виду в обществе, а это оказывало

влияние на языческое и развращенное, безбожное общество. Так люди могли собственными глазами видеть, каким должен быть образ духовной женщины и, соответственно, могли этому подражать.

10. Служительницы становились душепопечителями для других женщин, что играло немаловажную роль, так как никто лучше не может понять и поддержать женщину, нежели другая женщина.
11. Также первый опыт служения проложил путь для продолжения духовной миссии женщин в эпоху Средневековья, хотя уже в закрытом пространстве, в уединении и созерцании — в монастыре.
12. Женщины смогли занять достойное место в обществе, свободно принимать решение в своем посвящении, учиться, заниматься разными социальными делами, выражая свою волю, ум и дары, принося пользу обществу в целом.
13. Пробуждение и становление женского служения в ранней церкви в Европе способствовало осознанию, анализу и воскрешению духовного пробуждения среди женщин в XVIII-XX вв., восстановлению института диаконис, расширению женского служения и влияния в церкви, публич-

ному и открытому служению.

14. Зарождение духовной миссии женщины в первой христианской церкви позволило женщинам свободно выражать свои взгляды и показало пример того, как Бог также хочет использовать жизнь женщин, призывая их к духовной жизни, наделяя женщин наравне с мужчинами духовными дарами.

Иисус Христос, как бы реабилитируя женщину после грехопадения, родившись от той же смертной и греховной женщины, своей жизнью показал, что прощает женщину также, как и мужчину, дает ей свободу и достоинство. Пробудившись от уз, женщины пошли за Христом, служа Ему и благодаря, принеся первую спасительную весть апостолам о воскресении. Это было началом духовного пробуждения женщины, подтверждающего то факт, что она также имеет Божий образ и подобие, согласно Святому Писанию, ведь она, как и мужчина, является отражением славы Божьей, а значит Христос может являть себя и через служение женщин. Поэтому так много женщин присоединялись к первой церкви, готовы были служить, отдавая все, ибо в этом они находили свою свободу и свою духовную миссию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Российское библейское общество., Москва, 2003.
2. Библия. Российское библейское общество., Москва, 2003.
3. Библия. Российское библейское общество., Москва, 2003.
4. Апостольские постановления / Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. <https://azbyka.ru/otechnik/6/apostolskie-postanovlenija/>.
5. Апостольские постановления / Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. <https://azbyka.ru/otechnik/6/apostolskie-postanovlenija/>.
6. Дидакалия. https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Prokoshev/didaskalija/.
7. Дидакалия. https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Prokoshev/didaskalija/.
8. А. Постернак. Женское служение в ранней христианской Церкви (I–VI вв.). <https://www.pravmir.ru/zhenskoe-sluzhenie-v-rannej-xristianskoj-cerkvi-i-vi-v/>.
9. А. Постернак. Женское служение в ранней христианской Церкви (I–VI вв.). <https://www.pravmir.ru/zhenskoe-sluzhenie-v-rannej-xristianskoj-cerkvi-i-vi-v/>.
10. Ипполит Римский. Апостольское предание. https://azbyka.ru/otechnik/Ippolit_Rimskij/Apostolskoe_predanie/#0_10_0, 0 вдовах.
11. Девы в Древней церкви. <https://bogoslav.ru/article/6192803>.
12. Девы в Древней церкви. <https://bogoslav.ru/article/6192803>.
13. J. A. Robinson, Appendix A, in Cecilia Robinson, The Ministry of Deaconesses (London, 1898), p.210.
14. Апостольские Постановления / Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013 <https://azbyka.ru/otechnik/6/apostolskie-postanovlenija/>.
15. Апостольские Постановления / Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013 <https://azbyka.ru/otechnik/6/apostolskie-postanovlenija/>.
16. Надеждин А.Н. Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве. https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-hristianka-obraz-i-znachenie-zhenshhiny-v-hristianstve/#0_11.
17. Надеждин А.Н. Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве. https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-hristianka-obraz-i-znachenie-zhenshhiny-v-hristianstve/#0_11.
18. Служение женщин в церкви. Часть 2: источники. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sluzhenie-zhenshhin-v-tserkvi-istochniki/3.
19. Святитель Иоанн Златоуст «Письма к Олимпиаде». <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1941>.
20. Служение женщин в Церкви. Часть 2: источники. Жития святых. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sluzhenie-zhenshhin-v-tserkvi-istochniki/3.
21. Воронов Л. Литургия по «Testamentum Domini nostri Jesu Christi». Завещание Господа нашего Иисуса Христа Книга 1, глава 23. https://azbyka.ru/otechnik/Liverij_Voronov/liturgija-po-testamentum-domini-nostri-jesu-christi-1-23/#0_6.
22. Библия. Российское библейское общество., Москва, 2003.
23. Библия. Российское библейское общество., Москва, 2003.

© Рыбант Ирина Викторовна (irarybant@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭЛЕМЕНТЫ МЕТОДОЛОГИИ НАБЛЮДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ELEMENTS OF THE METHODOLOGY OF OBSERVATION IN THE SOCIAL SCIENCES

D. Sklyarov

Summary: The article discusses the application of the observation method in social research. The focus of attention is on the methodological features of the method, revealed by different authors who consider the method from different points of view. Methodological analogies are made with the use of the method in natural science research. The article summarizes some methodological approaches and draws attention to the need to develop a unified observation methodology that does not depend on a specific field of application.

Keywords: scientific methodology, method of observation, methodology of social sciences, observation, theory of cognition.

Скляр Денис Сергеевич

Преподаватель, Южный федеральный университет

(г. Ростов-на-Дону)

denscliarov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается применение метода наблюдения в социально-гуманитарных исследованиях. В фокусе внимания находятся методологические черты метода, вскрываемые разными авторами, рассматривающими метод с разных точек зрения. Проводятся методологические аналогии с использованием метода в естественнонаучных исследованиях. Статья обобщает некоторые методологические подходы и обращает внимание на необходимость выработки единой методологии наблюдения, не зависящей от конкретной области применения.

Ключевые слова: общенаучная методология, метод наблюдения, методология социальных наук, наблюдение, теория познания.

В социально-исторических науках методу наблюдения отводится немаловажное место. В значительной степени роль наблюдения и характер его применения определяется спецификой объекта изучения. Связано это с тем, что, в отличие от объектов исследования естественных наук, объекты исследования гуманитарных наук отличаются большей степенью индивидуальности, менее чёткими границами самих объектов и происходящих с их участием процессов, неизбежным добавлением, к уже имеющимся естественным материальным ограничениям, ещё и морально-этических ограничений инструментов и методов исследования, что делает наблюдение в структуре социально-гуманитарного исследования ещё более востребованным.

В наибольшей степени метод наблюдения нашёл применение в исторической науке. Очевидным образом это обусловлено теми же причинами, что и распространённость наблюдения, например, в геологии: объект очень масштабен в пространстве и времени, а это делает эксперимент практически неприменимым

В исторических науках методу наблюдения соответствует метод исторического описания. Данный метод может принимать форму как прямого, так и косвенного наблюдения. При прямом, или непосредственном, описании наблюдатель является современником или участником описываемых исторических событий. В противоположность этому косвенное, или опосредованное, описание осуществляется наблюдателем путем изучения письменных источников, археологических данных, этнографического материала, топонимики и т.д. Общим

для обеих разновидностей исторического наблюдения служит стремление адекватным образом отразить события, то есть исторические факты [4].

Таким образом, в случае исторического познания наблюдение имеет две формы проявления: когда наблюдатель фиксирует происходящие вокруг него процессы и когда наблюдатель ретроспективно восстанавливает некие события и явления, наблюдая уже их последствия. В первом случае наблюдение имеет более эмпирический характер, поскольку задача осмысления или моделирования может наблюдателем даже не ставиться и само наблюдение сводится к фиксации происходящего. Во втором случае наблюдение приобретает характер более теоретический, поскольку ему необходимо должна предшествовать тщательная подготовка, включающая как достаточно полное знакомство с объектом наблюдения, так и наличие уже заранее известных способов истолкования внешних и внутренних связей наблюдаемых объектов. Возможность такого «ретроспективного» наблюдения расширяет функционал метода, включая в него моделирование не только настоящего но и прошлого объекта наблюдения. Что даёт возможность рассматривать «ретроспективное» наблюдение как составную часть метода историзма.

При этом описанный процесс реконструирования реальности, уже ушедшей в прошлое, на основании изучения имеющихся в настоящем объектов является именно наблюдением, поскольку, принимая определение наблюдения как «целенаправленного сбора максимального количества информации о каком-либо объекте, его внутренних и внешних связях при условии

максимальной изоляции наблюдателя и средств наблюдения от объекта, предусматривающий возможность модификации цели или смены объекта в зависимости от получаемых результатов» [5], мы видим, что этот процесс отвечает всем перечисленным признакам. Наблюдатель собирает максимальное количество фактической информации, выявление и истолкование связей наблюдаемых предметов и явлений вообще является основной целью исторического исследования, при этом оказать какое-либо влияние на объект исследователь уже не в состоянии в силу того, что всё возможное влияние уже было оказано ранее и наблюдается его результат.

Элемент описания в наблюдении особенно характерен для хронографии, когда наблюдатель является также одним из участников исторического процесса. И здесь метод проявляется в наиболее субъективной форме, поскольку «инструмент наблюдения» оказывается подвержен различным влияниям, сказывающимся на его «точности». Причём эти влияния могут быть как объективными: человек физически не способен охватить всю полноту информации и, поэтому, отражает только ту часть реальности, которая ему доступна, — так и субъективными: личные установки, независимо, продиктованы ли они особенностями методологического подхода к истолкованию фактов или выгодой, неизбежно сказываются на том, как именно окружающая реальность будет отображена в результатах работы данного наблюдателя.

И здесь интересным является проявление элемента «повторного наблюдения», связанного с проведением контроля и оценки правильности предложенных ранее гипотез и истолкований. Фактически, такое «повторное наблюдение», с учётом ставших известных позднее фактов и новых методик работы, проводит современный исследователь, изучающий хронографические документы предшественников. Фактически, упоминаемое выше «косвенное наблюдение», когда изучаются уже имеющиеся описательные источники, это и есть частный случай повторного наблюдения.

В науках, посвящённых исследованию личности и её поведения — психологии и социологии, — наблюдение также играет значительную роль. В описанном в работе М.Я.Басова методе «фотографической записи» наблюдение применяется для наиболее полной фиксации поведения наблюдаемого. При этом основными принципами являются: максимально возможная фиксация внешних проявлений с их психологической интерпретацией; непрерывность наблюдения; избирательность записи. «Истолковательной записью называется такой способ фиксации наблюдений, при котором наблюдатель не столько фиксирует процесс, сколько высказывает по поводу его свои суждения и оценки с целью истолковать его психологическое значение. Обобщающе-описательная запись объективно изображает наблюдаемый процесс, но при этом сводит его в словесно обобщенные формулы, не давая изображения всей живой

ткани процесса, как бы схематизирует процесс. Наконец, фотографическая запись отличается тем, что стремится каждый элемент поведения зафиксировать соответственным словесным символом, так что в результате фиксируется вся ткань процесса.» [2, с. 47–51].

Основные аспекты метода в таком изложении также подразумевают не только практическую, но и значительную теоретическую составляющую. Работа по интерпретации результатов наблюдения непосредственно в его процессе и избирательность записи предполагают постоянный анализ наблюдаемого, оценку и осмысление получаемой информации. Сам М.Я. Басов приводит в качестве примера такого наблюдения дневники, ведущиеся на протяжении длительного времени, в которых фиксируются не все происходящие события, а строго определённые аспекты деятельности.

В социологическом исследовании наблюдение представляет собой метод сбора и обобщения первичной информации об изучаемом объекте путём непосредственного восприятия и прямой регистрации фактов, значимых с точки зрения целей исследования [6].

В методологии социологического исследования, например у А.Я. Баскакова и В.Н. Туленкова [1], к наблюдению относят такие методы сбора информации, как анкетирование и социологический эксперимент, причём в последнем наблюдение осуществляется в два этапа: в начале эксперимента и по его окончании. При этом наблюдение понимается как составная часть эксперимента. Такое понимание приводит к размыванию границ между наблюдением и экспериментом, что создаёт противоречие в положении метода наблюдения в структуре научного исследования.

С другой стороны, отметим, что эти авторы выделяют некоторые специфические особенности социологического наблюдения. В качестве недостатков выделяются: социальная активность объекта наблюдения; социальная активность самого наблюдателя, который иногда является частью наблюдаемого процесса. Эти особенности могут существенным образом сказаться на достоверности получаемой информации, что приводит к необходимости маскировки деятельности наблюдателя. К достоинствам социологического наблюдения авторы относят непосредственность восприятия процессов, естественность поведения наблюдаемых, полноту и всесторонность фиксирования событий, наибольшая приближенность к отображению реальности, по сравнению с другими методами социологического исследования [1].

Некоторые частные особенности социологического наблюдения рассмотрены Б. Малиновским и У. Уайтом. В своей работе они применяли метод т.н. включенного наблюдения, при котором наблюдатель сам становится частью наблюдаемой среды. Такой тип наблюдения ак-

тивно используется в психологии, социологии, антропологии. Выделяется несколько типов ролей наблюдателя при включенном наблюдении [3]:

- полный участник – наблюдение производится скрытно, внутри исследуемой группы, истинное лицо и цели наблюдателя неизвестны;
- участник как наблюдатель – исследователь не скрывает своей цели, группа адаптируется к наблюдателю;
- наблюдатель как участник – исследователь не скрывает своей цели, но осуществляемое им наблюдение носит более формальный характер;
- полный наблюдатель – исследователь наблюдает, не взаимодействуя с участниками группы.

Очевидно, что не все эти роли отвечают принятому в ранее определению наблюдения, поскольку при осуществлении первых трёх ролей действия наблюдателя могут оказывать прямое влияние на деятельность наблюдаемых. Это приближает включенное наблюдение к эксперименту, поскольку лишь при осуществлении четвёртой роли соблюдается принцип максимальной изоляции объекта наблюдения от субъекта.

В психологии большое значение имеет такой вид наблюдения, как самонаблюдение. Фактически, если брать такие методы психологического исследования, как беседа и анкетирование, то здесь роль исследователя сводится к интерпретации результатов самонаблюдения исследуемого.

Весьма важна роль наблюдения в антропологии. Методология исследования разнообразия культур прошла путь от бортовых записок купцов и моряков до разработанной практики полевого наблюдения, в том числе стационарного [7]. Очень важной для понимания основ метода в его антропологическом применении является

установка Ф. Боаса, развитая в последствии М. Мид. Они говорят о том, что исследователь должен освободиться от всяких предрассудков, предвзятых идей и воспринимать исследуемую им культуру как нечто совершенно новое. «Освобождение ума» позволяет существенно повысить точность и достоверность результатов наблюдения, поскольку освобождает их от привнесённых наблюдателем субъективных дополнений.

Другой исследователь, Б. Малиновский, подчеркивает теоретическую значимость наблюдения, говоря о том, что «теории должно выдвигать само поле» [7]. По его мнению, любая теория должна исходить из полевых исследований и затем возвращаться к ним. Такой подход очень близок к естественнонаучному, в котором также именно полевой материал является отправной точкой большей части исследований.

В целом можно сказать, что использование метода наблюдения в социально-гуманитарных исследованиях носит те же черты что и в естественно-научных. Здесь появляется ряд новых аспектов метода: описание, мониторинг, повторное наблюдение. Отметим, что в основе использования метода в естественнонаучных исследованиях по умолчанию лежит максимальная изоляция наблюдателя и наблюдаемого и наблюдение объекта в его естественной среде. В социальных исследованиях имеет место «полевое» наблюдение, которое также подразумевает максимальное невмешательство в деятельность объекта и нахождение последнего в естественной среде. Такая общность использования метода говорит о его универсальности и предполагает возможность выработки единой методологии, область применения которой не будет оказывать существенного влияния на её структуру и базовые положения, хотя возможна вариативность в некоторых технических деталях исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков А.Я., Туленков Н.В. Методология научного исследования/ — М: МАУП, 2004 — 215с. — ISBN: 966-608-441-4
2. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. Под ред. чл.-кор. АПН СССР, проф. В.Н. Мясищева, проф. В.С. Мерлина; Акад. пед. наук СССР. — Москва: Педагогика, 1975. — 432с.
3. Екинцев В.И. Метод наблюдения в контексте постнеклассической психологии // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. №2. — с.175–180 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-nablyudeniya-v-kontekste-postneklassicheskoy-psihologii>
4. Просветов С.Ю. Эмпирические методы историко-философской программы // Вестник БГУ. 2012. №14. — с 24–29 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskie-metody-istoriko-filosofskoy>
5. Скляр Д.С. Оптимальное определение метода наблюдения // Гуманитарные и социально-экономические науки., 2020. — № 5(114). — С.5–8. — DOI 10.18522/1997-2377-2020-114-5-5-8.
6. Социологический справочник / Волович В.И. и др. — Киев: Политиздат Украины, 1990. — 380 с. — ISBN 5-319-00559-8
7. Шведов П.В. Метод наблюдения в социальной антропологии: изменение стратегии исследователя на протяжении XX века // Epistemology & Philosophy of Science. 2006. №1. — с. 208–218 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-nablyudeniya-v-sotsialnoy-antropologii-izmenenie-strategii-issledovatelya-na-protyazhenii-xx-veka>

© Скляр Денис Сергеевич (denscliarov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОЦИАЛЬНОСТИ И ФЕНОМЕН МАРГИНАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ТЕХНОГЕННО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

HISTORICAL TYPES OF SOCIALITY AND THE PHENOMENON OF MARGINALIZATION IN THE CONTEXT OF THE SYSTEMIC CRISIS OF TECHNOGENIC-CAPITALIST CIVILIZATION

V. Skopa
A. Frolov
S. Shcherbakova

Summary: The article examines the phenomenon of sociality as the integration of an individual into a social organism. The authors analyze the problem of sociality deformation occurring in the context of the systemic crisis of technogenic-capitalist civilization. Among the main manifestations of such deformation, the authors include the process of marginalization, which acquires a total character in a society related to this civilization. The article examines the levels of marginalization characteristic of modern society and substantiates its assessment as one of the main obstacles to constructive social development.

Keywords: historical type of sociality, marginalization, systemic crisis, technogenic civilization, personality.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Фролов Анатолий Серафимович

доктор философских наук, профессор, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Щербакова Светлана Викторовна

Аспирант, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В статье рассматривается феномен социальности как интеграции отдельной личности в общественный организм. Авторы анализируют проблему деформации социальности, происходящей в контексте системного кризиса техногенно-капиталистической цивилизации. К числу основных проявлений такой деформации авторы относят процесс маргинализации, приобретающий в отношении к данной цивилизации обществе тотальный характер. В статье исследуются характерные для современного социума уровни маргинализации и обосновывается её оценка как одного из основных препятствий на пути конструктивного общественного развития.

Ключевые слова: исторический тип социальности, маргинализация, системный кризис, техногенная цивилизация, личность.

Содержание социально-философских категорий, составляющих фундамент картины общественного мироустройства, не является статичными, а меняется вместе с развитием социальной реальности. Эта динамика особенно характерна для переходных исторических эпох. Именно такую эпоху, связанную со стремительно углубляющимся системным кризисом техногенно-капиталистической цивилизации, переживает современное человечество.

Одной из проблем, имеющих большое теоретическое и практическое значение в этом перечне, принадлежит проблеме социальности как исторического феномена, включая особенности её современного развития. Рассматривая социальность в качестве предмета социально-философской рефлексии, можно определить её сущность как включённость индивида в сложное, многомерное пространство социальной реальности. В таком смысловом контексте базовым критерием для выделения исторических типов социальности является тип детерминации процесса интеграции личности в социальное целое. В соответствии

с этим критерием марксистская социально-философская классика выделяет три базовых исторических типа социальности.

Первый основан на абсолютной зависимости личности от социума. Такой тип известен в двух вариантах: один из них существовал в доцивилизационной архаике, в доклассовом первобытном обществе. Другой вариант, утвердившийся с возникновением частной собственности, характерен для двух её форм - рабовладельческой и феодальной. Здесь личная зависимость осуществляется не посредством анонимных общественных сил, а с помощью посредников - в лице собственников - рабовладельца и помещика. Общим в этих двух вариантах является фактическое подавление личной свободы человека. Родившийся на основе трансформировавшейся частной собственности капитализм, жизненно необходимым условием развития которого является свободный наемный работник, принципиально изменил содержание социальности, поставив в её новом, втором типе на место юридически закрепленной личной зависимости зависимость экономическую, «вещную».

Социально-философский взгляд классического марксизма на историческое развитие предполагает, что новая общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности, создает условия для принципиального изменения механизма интеграции человека в социальное целое. В третьем типе социальности, соответствующем природе данной формации, место «вещной» зависимости и экономической необходимости занимает свободная реализация человеком своих сущностных сил и творческих способностей. Детерминация индивида внешними факторами заменяется самодетерминацией [4, с. 150]. Этот тип получил и психологическое обоснование в лице учения А. Маслоу о самоактуализации.

Объективное исследование проблемы исторической типологии социальности невозможно осуществить, ограничивая процесс интеграции индивида в общество практико-экономическим аспектом. Как отмечал А.С. Панарин, «экономические отношения сами по себе не сплачивают людей» [6, с. 190]. По мнению этого глубокого аналитика современных процессов общественного развития, самой мощной объединяющей силой, обладают духовные ценности. «Для того, чтобы объединиться в собственно человеческом смысле, - утверждал философ, - людям надо иметь общую духовную собственность – те ценности, которые их объединяют без принуждения и которые они готовы сообща защищать» [6, с. 191]. Философский взгляд на природу духовности дает основание утверждать, что высказанная выше позиция вовсе не является результатом легковесного романтизма в оценке духовных ценностей как средства социальной интеграции и солидаризации. Действительно, материальное, телесное, взятое «само по себе», как объект, всегда имеет жесткие границы в пространстве и времени, оно - всегда «здесь» и «сейчас». А потому своими границами оно противостоит другому объекту.

Социальная философия классического марксизма построила типологию социальности задолго до начала вступления наиболее развитых стран в постиндустриальную стадию развития. Накопившийся за многие десятилетия второй половины XX и начала XXI вв. эмпирический материал, отражающий бытие общества, принципиально трансформировавшегося под воздействием науки, новых технологий и коммуникативных процессов, дал основание сторонникам неклассического понимания социальной реальности для существенной корректировки характеристики социальности. В новом её толковании акцент делается на различных ранее не проявлявшихся чертах. Все эти черты, в конечном счете, ведут к новому пониманию роли личности и субъективного фактора в развитии социальной реальности. Подчеркивая взаимосвязь этих двух явлений, В.Е. Кемеров отмечает: «Проблема субъективности постепенно превращается в проблему субъективности индивидов как силы и формы развития социальности» [5, с. 96].

Вместе с тем, будучи в целом обоснованной, эта позиция, взятая вне корреляции с конкретно-историческими условиями, может породить иллюзию форсированного утверждения в современном мире нового типа социальности, связанной со свободной творческой самореализацией личности. Напомним в этой связи замечание Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что степень преобладания «ценностей самовыражения» над «ценностями выживания» зависит от уровня социально-экономического развития общества. По словам этих авторов, в большинстве стран за пределами Запада «отсутствие жизненной защищенности остается фундаментальным фактом действительности» [3, с. 206]. Поэтому новый тип социальности все еще остается делом в той или иной мере отдаленной перспективы. Даже в странах, вступивших в постиндустриальную стадию, в обществах с высокой политической активностью граждан, с развитыми институтами демократического контроля власти утверждение нового типа социальности, декларированного отечественными и зарубежными исследователями в качестве наличной реальности и связанного с самовыражением личности, является далеко не господствующей тенденцией общественного развития. Хотя, как утверждает, например, Р. Флорида, «на креативный класс, охватывающий представителей науки и технологий, искусства, СМИ и культуры, а также включающий в себя интеллектуальных работников и представителей самых разных профессий, приходится почти треть трудовых ресурсов на всей территории США» [9, с.7 - 8]. Тем не менее, трансформация этой тенденции в «мейнстрим», имеет строго определенные границы, обусловленные природой господствующих в мире транснациональных корпораций, глобального бизнеса. Действие этой природы на процесс утверждения нового типа интеграции личности в общество состоит в следующем: с одной стороны, категорический императив прибыли диктует необходимость повышенной динамики в совершенствовании технологий, что невозможно без создания условий для свободной творческой самореализации участников процесса производства продукта массового потребления. С другой, - этот же фактор предполагает жёсткую необходимость утверждение в качестве массового такого антропологического типа, который является «машиной желаний» и потребляющим агрегатом. Соединение в одной личности гипертрофированно выраженной интенции на материальное потребление и предельно высокой творческой, инновационной активности невозможно по определению, - подобно тому, как, по словам А.С. Пушкина, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». В итоге - в развитых западных странах тип социальности, в котором личность интегрируется в общественное целое свободной реализацией своего творческого потенциала, представляет собой не преобладающий, а строго локализованный в социальном пространстве феномен. Поэтому далеко не случайно в западной социально-философской литературе в пике оптимистической идее неотвратимого ут-

верждения нового типа социальности, высказывается противоположная по пафосу мысль – о «смерти», «конце социального». Продукт массового потребления как неустраиваемая основа капитализма предполагает массового потребителя, массу. Сущность же массы, как утверждает Ж. Бодрийяр, состоит в том, что она – «Черная дыра, куда проваливается социальное» [1, с. 16].

Анализируя проблему исторического развития социальности, нельзя не заметить принципиальных различий современного развития социальной реальности России и Запада. Однако совершенно очевидно, что и современный Запад и постсоветская Россия развиваются в едином формате техногенно-капиталистической цивилизации, переживающей глубочайший за всю свою историю системный кризис и уже прошедшей «точку невозврата» по дороге в небытие. Это фундаментальное начало, объединяющее две такие различные сущности в лице России и Запада, определяют наличие в них общих существенных и глубинных процессов и явлений, охватывающих все сферы общественного бытия. Есть все основания утверждать, что в качестве самого главного в перечне этих общих процессов и явлений выступает тотальная маргинализация общественного бытия.

В социально-философских и социологических исследованиях маргинальности определения сущности данного феномена, как правило, ограничиваются общей констатацией переходного характера, социальной и культурной безосновностью соответствующего общественного статуса. Так, например, российские социологи В.И. Добреньков и А.И. Кравченко отмечают: «Маргинальность – особое явление в социальной стратификации. Оно описывает положение больших социальных групп людей, занимающих положение «на границах», «на полях» или между стратами. Маргинал – это люди, покинувшие одну страту и не адаптировавшиеся к другой» [2, с. 392].

Феномен маргинальности является постоянным спутником человечества на протяжении всей его истории. Вместе с тем в контексте «фаустовской» цивилизации этот социокультурный феномен имеет существенную специфику, которая выражающуюся прежде всего в следующем: в отличие от предшествующих исторических эпох, в которых это явление имело строго локальное бытие, в границах современного развития техногенно-капиталистической цивилизации маргинальность приобретает глобальные масштабы и преобразуется в универсальный фактор, оказывающий всеобщее деформирующее воздействие на общество как органичное целое. Развёртывающиеся в «обществе постмодерна» по экспоненте процессы маргинализации, отрицающие абсолютные основы бытия, повсюду утверждают социальную и духовную энтропию.

На современном этапе системного кризиса техно-

генно-капиталистической цивилизации процесс маргинализации выражается не только в кризисе идентичности отдельной личности или социальной группы, но и в утрате собственной идентичности всеми сферами общественной жизни. В социально-философской литературе современного Запада этот ставший глобальным процесс, на наш взгляд, удачно обозначается понятиями «трансэкономика», «трансгуманизм», «трансэстетика» и т.д. [1, с. 82-116]. Основой этой утраты является приобретаемое патологическое, убийственное для биосферы характерное стремление мирового олигархата, транснационального капитала к росту прибыли. Экономика, утрачивая свою природу и назначение как область хозяйственной деятельности по удовлетворению естественных потребностей «человека разумного» трансформируется в противоестественное «искусство» самоценного накопления денег и обогащения, – искусство, которое Аристотель называл «хрематистикой». Аналогичные радикальные мутации происходят в остальных областях общественного бытия.

В социальной структуре этот процесс связан с разрушением характерных для общества «классического типа» больших устойчивых социально-профессиональных групп, вытеснением их «прекариатом», – совокупностью атомизированных индивидов, работающих в дистанционной форме неполный рабочий день и являющихся социальным аналогом компьютерно-информационного «облака», из которого крупный бизнес на условиях краткосрочного контракта, без социальных гарантий и обязательств черпает выгодный для него наёмный «материал». В этой связи, комментируя «появление мира, где доминирующей рабочей парадигмой является серия транзакций между работником и компанией, а не прочные взаимоотношения», современный идеолог ультраглобализма К. Шваб отмечает: «Сегодня «экономика по требованию» кардинально меняет наши взаимоотношения с работой и общественной структурой, в которую она встроена. Работодатели все чаще используют «человеческое облако» для решения вопросов. Профессиональная деятельность рассекается на точные задания и конкретные проекты, которые затем выносятся в виртуальное облако готовых исполнителей, расположенных в любой стране мира. Это новая «экономика по требованию», где поставщики труда больше не являются сотрудниками в традиционном смысле, а скорее могут считаться независимыми исполнителями конкретных заданий. (...) Поскольку облачные платформы определяют работников как индивидуальных предпринимателей, они (на сегодня) не обязаны выполнять требования по выплате минимальной заработной платы, налога на доход и социального обеспечения» [10].

Современное бытие техногенно-капиталистической цивилизации даёт масштабный практический материал для осмысления феномена маргинальности более пол-

ного, чем то, которое представлено современной социально-философской и социологической аналитикой. Обобщение этого материала позволяет выделить два основных формата маргинальности: личностный и социальный, связанных с деформацией идентичности общества в целом. В личностном формате онтология маргинальности обнаруживается в современном эмпирическом материале на трёх уровнях:

1. Уровень принадлежности личности к определённой социальной группе, то есть именно тот уровень, которым современные исследователи, как правило, ограничивают данное явление.
2. Уровень гражданства. Уровень гражданской причастности к определённому суверенному государственному образованию. На данном уровне феномен маргинальности обнаруживают существенные различия в зависимости от стран и регионов. Процессы маргинализации на этом уровне охватывают самые различные слои - от беженцев и мигрантов до лиц с «двойным гражданством» и олигархата, для наиболее «продвинутой» части которого, как для «граждан мира», статус гражданина давно фактически утратил какое-либо практическое значение и имеет чисто символический характер.
3. Антропологически-родовой уровень, являющийся самым глубоким. Этот уровень предполагает деформацию родовой идентичности человека, связанной с принадлежностью к роду *Homo Sapiens*. Данный уровень означает качественное искажение диалектикой сочетания в человеке телесно-материального и нравственно-духовного.

Указывая на неопределённость сущности человека как на свойство, отличающее его от животного, Е.Н. Трубецкой отмечал: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя» [8, с. 243]. То есть неопределённость человеческой сущности состоит в том, что формальная принадлежность человека к роду *Homo Sapiens* ещё вовсе не является личным статусом, возвышающим его над животными, а выступает лишь потенциальной возможностью, перевод которой в область реального предполагает громадный духовный труд. И главное здесь состоит в том, что в переломные периоды общественного развития происходит ускоренная поляризация людей в зависимости от вектора их движения по указанной философией вертикали. Как свидетельствует исторический опыт в такие исторические периоды в обществе происходит всплеск духовной пассионарности, увеличивается число тех, кто демонстрирует образцы героизма и бескорыстного служения обществу.

Вместе с тем, среди различных общественных групп активизируется и противоположная линия, - движение

вниз, «оживотнение» и десоциализация. Изучая социальную реальность начала XX века, которая активно развивалась и трансформировалась в направлении Первой мировой войны, Е.Н. Трубецкой говорил о «превращении человеческого общежития в усовершенствованного зверя» как о «господствующей в современной жизни тенденции» [8, с. 190]. Оценивая это время, философ отмечал: «Звериное начало утверждает себя как безусловное начало поведения, которому должно быть подчинено все в человеческой жизни» [8, с. 190].

Древняя мудрость гласит, что в обществе существует две основные беды - роскошь и нищета. В подтверждение этой истины процессы «оживотнения», десоциализации, наиболее глубоко охватывают именно эти две противоположные социальные группы, в которых создаются наиболее благоприятные условия для утраты родовой идентичности человека. Однако этот процесс, состоящий в утверждении асоциальности, «мауглизации» редукции человеческого бытия к телесно-материальному в данных противоположных группах - владельцев крупных капиталов и «новых бедных» осуществляется по-разному. Если в первой группе телесно-материальная редукция бытия является результатом свободного выбора, являющегося выражением установки на деньги, материальное богатство в формате роскоши как самоценности, то в группе, мало- и неимущих «оживотнение» выступает фактом вынужденным, навязанным неблагоприятными общественными процессами и факторами, в частности - деформированной узкокастовыми целями социально-экономической стратегией.

Уместно в этой связи напомнить идею А.С. Панарина об «асоциальности либерального рынка «чикагского образца» [6, с. 190]. «Современную либеральную идеологию, - подчеркивал пронизательный философ и социолог, - можно понимать как процедуру разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного состояния. Эту одноклеточность представляет либеральный индивид, порвавший все социальные связи и обязательства и выступающий в качестве носителя единственного интереса - своего частнособственнического» [6, с. 189]. Такие разрушительные социальные последствия радикального изменения экономических основ российского общества невольно обращают к одной глубокой мысли В.С. Соловьева, высказанной философом в связи с оценкой либерализма, который он считал аналогом анархизма. «Драматично по существу, - писал В.С. Соловьев, - всякое практическое утверждение чего-нибудь вне его должной связи или соотношения со всем. Так, когда частная, обусловленная и потому зависимая деятельность утверждается сама по себе, как безусловно самостоятельная и целая жизненная сфера, то такое утверждение, будучи в теории ложным, на деле безнравственно может породить только бедствия и грехи» [7, с. 407]. Именно такое безнравственное утверждение крупного частного

капитала в качестве безусловной самоценности, - вне соотнесенности с интересами социального целого, - является самой фундаментальной причиной многих проблем современной России.

Таким образом, преследующий эгоистические цели в ущерб интересам общества олигарх и человек, существующий на грани биологического выживания, представитель беднейших слоёв населения, - являясь, с одной стороны, социальными антиподами, с другой, - без малейших натяжек, в полном соответствии с научными критериями имеют общий статус маргинала - в его антропологически-родовом выражении.

В социетальном формате маргинальности, который деформирует идентичность социума как такового, можно выделить два уровня:

1. Первый уровень, связанный с начальной стадией «искривления» общественного пространства. На этой стадии утрата идентичности происходит в одной или нескольких областях общественной жизни.
2. На втором уровне деформируется все пространство общественного бытия.

В связи с социетальным бытием феномена маргинальности есть основания для утверждения о том, что в этом плане главное отличие постсоветской России от современного Запада состоит в том, что она находится на первом уровне, в то время, как в «западном мире» утрата всеми сферами общественного бытия своей идентичности, их маргинализация такова, что к этому процессу вполне может быть использована известная из русской классической литературы формула: «всё смешалось в доме Облонских».

Опирающаяся на концепцию человека как «потребляющего агрегата» и мутировавшая в «хрематистику» экономика, которая насыщает рынок чуждыми естественным, здоровым потребностям «человека разумного»; аморальная «этика» «трансгуманизма»; создающее реальную угрозу галопирующего движения к промискуитету утверждение нетрадиционной «креативности» в отношениях полов; воспевающее девиацию и уродство «искусство» и т.д., – всё это убедительные свидетельства социетальной маргинальности современного Запада.

Таким образом, эволюция современного техногенно-капиталистического мира дает основание для вывода о том, что масштабность процесса маргинализации в этом мире такова, что утверждение в нём типа социальности, связанного со свободной, лишённой факторов принуждения интеграцией личности в общественное целое посредством самоактуализации и творческой деятельности является делом крайне проблематичным. Более того, сегодня этому утверждению противостоит не только расширяющий пространство своего бытия феномен маргинальности, но и связанное с активными попытками мирового олигархата сохранить своё господствующее положение в мире настойчиво осуществляемое им в обществе свертывание пространства приватности и личной свободы. Вместе с тем современное человечество – с учётом достигнутого им научно-технологического уровня – может существовать и развиваться исключительно как единое и органичное целое. Обеспечение условий для такой социальной онтологии, по определению предполагающей необходимость утверждения нового типа социальности, является основной целью новой цивилизации, предпосылки которой уже созрели и которой авторы данной статьи надеются посвятить свою следующую публикацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Фантомы современности. М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
2. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т 2: Социальная структура и стратификация. М., 2000, - 536 с.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. – 464 с.
4. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М. 1996. – 215 с.
5. Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012. – 252 с.
6. Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. – 352 с.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Т. 1. М., 1988. – 892 с.
8. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. – 432 с.
9. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые делают будущее. М., 2007. – 421 с.
10. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. 2016. – 138 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Фролов Анатолий Серафимович, Щербакова Светлана Викторовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alawadi Maryam Neamah Judah – Postgraduate Student, College of Education, Al-Mustansiriya University

Alexandrova O. – Candidate of Philosophy, assistant professor, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Astafyeva T. – PhD in Art History, Associate Professor, St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatoire

Baksansky O. – PhD in Philosophy, Professor, Institute of Philosophy named after P.N. Lebedev Russian Academy of Sciences, Moscow

Buzykina Yu. – Ph. D. in psychology, associate Professor of the Department of Applied psychology, Penza state University

Evseeva E. – National Artist of the Udmurt Republic, Lecturer, St.Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatoire

Frolov A. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Kuznetsova I. – Independent researcher

Latynov V. – PhD in Psychology, leading scientific researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Liu Zhi – Associate Professor, Heihe University

Our authors

Pavlov O. – postgraduate student, State and Law of the Taganrog Institute of Management and Economics

Radova A. – Novosibirsk State Technical University

Rybant I. – Applicant, Belgorod state university

Shcherbakova S. – Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sklyarov D. – Tutor, South Federal University (Rostov-on-Don)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sun Lingxiao – graduate student, Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

Timoshchenko A. – graduate student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "South Ural State University (National Research University)"

Yousef Inad Zamil Al-Aidi – PhD, Professor, Wasit University College of Arts

Yuan Xupeng – Associate Professor, College of Fine Arts and Design, Heihe University

Zhang Yao – Senior Lecturer, Heihe University

Zhao Huiqing – associate professor, Heihe University, Heihe (China)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).